

Жизнь на перепутье

Майкл Гохин
Крейг Бартоломью

Living at the Crossroads

An Introduction to Christian Worldview

Michael W. Goheen
and Craig G. Bartholomew

Baker Academic
a division of Baker Publishing Group
Grand Rapids, Michigan

Жизнь на *перепутье*

Майкл Гохин
Крейг Бартоломью

Перевод с английского Ольги Курат

КОЛЛОКВИУМ

ЧЕРКАССЫ • 2010

ББК 86.37

Г74

Copyright © 2008 by Michael W. Goheen and Craig G. Bartholomew
Originally published in English under the title

Living at the Crossroads

by Baker Academic,

a division of Baker Publishing Group,

Grand Rapids, Michigan, 49516, U.S.A.

All rights reserved.

Гохин Майкл, Бартоломью Крейг.

Г74 Жизнь на перепутье. Пер. с англ. – Черкассы: Коллоквиум, 2010.
– 280 с.

ISBN 978-966-8957-16-1

В настоящей книге, которая является продолжением работы «Драма Писания», вниманию читателя предлагается краткая история западной культуры с классического периода до эпохи постмодернизма. Авторы рассматривают вопросы, связанные с христианским мировоззрением и неизбежности жизни на пересечении двух историй: библейской и светской. Заключительные главы посвящены практическому применению в области искусства, образования, науки, спорта, а также на политической арене. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 86.37

ISBN 978-0-8010-3140-3 (ориг.)

© Michael W. Goheen
and Craig G. Bartholomew, 2008

ISBN 978-966-8957-16-1 (рус.)

© Коллоквиум, 2010

*Книга посвящается
Питеру и Фрэн Вандерпол
Джону и Дженни Халтинк
с благодарностью за их верное служение
в области христианского образования*

Наши свидетельства

Бытие человека — это познание Бога, и книга, которую держит в руках читатель, родилась во время великого путешествия, начавшегося в тот день, когда Бог призвал нас к своему Сыну и этим изменил всю нашу жизнь.

Майк вырос в баптистской церкви. Спасение, о котором проповедовали там, имело в основном личный, будущий, потусторонний характер. Все сводилось к тому, что после смерти нас ожидают небеса. Тем не менее, в этой же самой церкви Бог действовал через евангелие, люди любили Господа, и их вера была вполне живой. Майк благодарен за такие устои церкви, как непрестанное и ревностное чтение Писания, молитва, благовестие, акцент на значении личной святости и нравственности и личных отношениях с Иисусом. Это важно для каждого христианина, и Майк благодарен за свое базовое образование. Тем не менее, ему почти никогда не приходилось слышать в церкви об общественной жизни западной культуры в целом — о политике, экономике, академическом образовании, работе, досуге, развлечении и спорте.¹

Во время учебы в семинарии Майк увидел, что евангелие, которое проповедовал Иисус, было евангелием царства. Благая весть значила намного больше, чем то, чему его когда-то учили: Бог восстанавливает свое царствование над всеми людьми в Иисусе посредством Святого Духа. В дальнейшем, уже в семинарии, изучение литературы, отображающей христианское мировоззрение, открывало причастность библейского понимания христианского подхода к общественной жизни. Это захватывало дух и было похоже на второе обращение: евангелие касалось человеческой жизни всесторонне!

В процессе работы над своей докторской диссертацией по трудам Лесли Ньюбигина, одного из величайших миссиологов двадцатого столетия, убеждения Майка стали глубже и крепче. Прослужив миссионером в Индии большую часть своей сознательной жизни, в последние

---

¹ Все это приобрело ценность в глазах Майка во время его учебы в старших классах, о чем можно прочитать в его статье “Delighting in God’s Good Gift of Competition and Sport,” in *Engaging the Culture: Christians at Work in Education*, ed. Richard Edlin and Jill Ireland, 173–86 (Sydney: National Institute for Christian Education, 2006).

годы своего служения Ньюбигин стал работать над тем, чтобы донести евангелие представителям западной культуры. С его учением Майк познакомился во время своей учебы в семинарии, и новый подход Ньюбигина, описанный в его статьях, сыграл важную роль в развитии мировоззрения Майка.² Майк хорошо изучил труды Лесли Ньюбигина, учение которого помогло раскрыть связь между служением и христианским мировоззрением.

В течение последних двух десятилетий Майк посвятил много времени чтению лекций по христианскому мировоззрению студентам и выпускникам учебных заведений в меняющейся конфессиональной среде в разных частях мира. Но осознание значения мировоззрения в жизни побудило Майка выйти за стены лекционного зала и вместе с женой Марни переосмыслить место евангелия в обучении. Они начали учить своих четырех детей на дому, чтобы их образование основывалось на евангелии. Это внесло много изменений в процесс обучения, особенно в области гуманитарных наук, литературы и музыки. Марни пережила такое же «мировоззренческое обращение», как и Майк. Ее новое понимание гуманитарных наук как Божьего дара передалось всей семье. Дети организовали замечательный струнный квартет и вообще погрузились в изучение литературы, музыки и других гуманитарных наук. Кое-кто из них теперь даже имеет докторскую степень в этой области. Майк и Марни продолжают посещать концерты, на которых теперь выступают их дети. Это только один из примеров того, как поменявшееся мировоззрение Майка изменило жизнь его и его семьи: то, как человек понимает евангелие, действительно имеет далекие последствия.

В учении о мировоззрении Майк видит широкие возможности для распространения евангелия и практического служения церкви, и ничто не захватывает его так, как желание помочь другим христианам увидеть долготу, широту и глубину Божьей любви к нам и к миру.

Крейг вырос в Южной Африке в эпоху апартеида, когда каждая сфера жизни этой страны была разделена согласно расовой принадлежности. Он ходил в школу только для белых, жил по соседству только с белыми и наслаждался всеми привилегиями, которыми обладали белые южноафриканцы. Крейг обратился ко Христу в подростковом

² См. Michael W. Goheen, "Mission and the Public Life of Western Culture: The Kuyperian Tradition," *The Gospel and Our Culture Network Newsletter (U.K.)* 26 (Autumn 1999): 6–8. Автор помещает учение Ньюбигина в традицию Кайпера, указывая на точки их соприкосновения и расхождения.

возрасте через служение евангелизационной молодежной группы англиканской церкви, в которой он в итоге был рукоположен на служение. Подобно баптистской церкви Майка, церковь Крейга вела активное миссионерское служение. Но в ней ничего не говорили о жестокости расистского общества, окружающего их. Считалось, что посвященные христиане должны заниматься профессиональным служением (в качестве пасторов или миссионеров), а от политики держаться подальше, так как, в конце концов, вся власть от Бога (Рим. 13, 1-7)!

Крейг очень любил лошадей, и после окончания школы перед ним встал выбор: посвятить свою жизнь ветеринарии или богословию. Он отправился учиться в библейский колледж в Кейптаун, где познакомился с реформатским богословием и мировоззренческими убеждениями Френсиса Шеффера (хотя в южноафриканском контексте эти убеждения так и остались теорией). Позже Крейг начал серьезно исследовать труды Шеффера и понял, что если евангелие — это мировоззрение, то оно должно охватывать все сферы жизни, включая политику. Такие взгляды для Южной Африки того времени были небезопасными.

Во время пасторского служения Крейг познакомился с Кайперскими христианами африканерами³ в Потчеструме. Они создали «Общество христианского мировоззрения» (Christian Worldview Network), в рамках которого проводились ежегодные конференции, был выпущен «Манифест о христианах в гуманитарных науках» (*Manifesto on Christians in the Arts*), а также журнал под названием «Большая картина» (*The Big Picture*), выходивший раз в три месяца.⁴ Крейг верил, что печальный опыт Южной Африки — общая неспособность евангельских христиан применить веру в реалиях жизни страны — преподносит нам прекрасный урок о том, насколько важно понимать евангелие именно как мировоззрение. Благодаря «Комиссии истины и примирения» стало известно, какая вопиющая несправедливость царил в Южной Африке в годы расовой дискриминации при христианском правительстве. Как могло случиться, что евангельские христиане не замечали зло, существующее рядом с ними? Как могло случиться, что вместо того, чтобы бороться

³ Это определение относится к голландской кальвинистской традиции, основоположником которой был Абрахам Кайпер.

⁴ С тех пор «Общество христианского мировоззрения» прекратило свое существование, но многие из опубликованных материалов можно найти на веб-сайте <http://thebigpicture.homestead.com>.

с этим злом, верующие его умножали?⁵ Единственно приемлемым ответом может быть отсутствие вразумительного христианского учения о мировоззрении. Насколько могла бы измениться история страны, если бы христиане, живущие там, объединили в себе сильное желание спасти души с осознанием Христовой власти над всеми сферами жизни!

По мере того как христианское мировоззрение Крейга развивалось, он (под влиянием своих кайперских друзей) увидел важность философии в христианском образовании, что привело его в Торонто. Там он на протяжении года изучал философию, а затем отправился в Англию, где защитил докторскую диссертацию по Книге Екклесиаста. Текущие исследования Крейга касаются методов, которыми евангелие как мировоззрение формирует академическое библейское учение.

Христианское мировоззрение пробуждает интерес буквально ко всему. Крейг любит читать романы и слушать музыку, делает поделки и продает ювелирные изделия, дома у него живут две шиншиллы, и он также любит преподавать философию и религию. Мировоззренческие убеждения приводят к знакомству с интересными людьми: Крейг и Майк встретились в Канаде несколько лет назад, а позже, уже в Англии, обнаружили обоюдную преданность служению и учению о христианском мировоззрении. Результатом этой дружбы стала вначале книга «Драма Писания» (*The Drama of Scripture*. Grand Rapids: Baker, 2004. Рус. перевод — Черкассы: Коллоквиум, 2009), а теперь и та, которую держит в руках читатель.

Чему мы научились

В предыдущих абзацах описано то, чем нам хотелось бы поделиться с нашими читателями в последующих главах. Во-первых, христианство подразумевает личные отношения с Богом через Иисуса. В этом отношении мы благодарны традиции пиетизма, которая повлияла на англоязычное евангельское христианство в целом и на авторов этой книги в частности. Мы считаем, что хотя традиция эта чересчур сужала границы евангелия, она все же пролила свет на некоторые очень важные стороны библейской истины, такие, например, как личные от-

⁵ Среди южноафриканских евангельских верующих были, конечно, и яркие исключения, такие как Майкл Кэссиди, основатель «Африканского проекта» (African Enterprise). Однако таких было меньшинство.

ношения с Христом, почитание Библии как Божьего Слова, а также ценность благовестия.⁶

Во-вторых, евангелие, как об этом говорится в Писании, так же всесторонне, как и творение. То же можно сказать и о церкви, поскольку ее задача — распространять благую весть во всех сферах жизни: как делами, так и словами. Главная цель этой книги — дать определение евангелию царства и культурному служению церкви, а также обсудить последствия данного определения. Мы надеемся, что вера читателей книги будет находить отражение на всем Божьем творении.

Известный проповедник Кристиан Блумхардт однажды сказал, что человек «должен обратиться дважды: сначала от обычной жизни к жизни духовной, а потом от духовной — вновь к обычной». Соглашаясь с ним, Герман Бавинк добавляет, что это «подтверждается духовным опытом каждого христианина, а также христианским благочестием во все времена».⁷ Первое обращение направлено к Богу и выражено песней псалмопевца: «Кто мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле» (Пс. 72, 25).

Традиция пиетизма понимает это очень хорошо. Но мы должны обратиться еще раз, на сей раз принимая культурное призвание во всем его богатстве. Бавинк сам вырос в семье пиетистов и пережил эти оба обращения. Пройдя похожий путь, авторы этой книги благодарны Господу как за свое прошлое, так и за настоящее, как за мудрые идеи пиетизма, так и за глубокое осознание евангелия реформатским учением. Очень не хотелось бы, чтобы эти традиции пренебрегали ценностями друг друга, и мы искренне надеемся, что евангелие во всей своей полноте пропитает эту книгу от первой страницы до последней.

В-третьих, термин «мировоззрение», несмотря на его философское и историческое «прошлое», — ценное понятие для раскрытия полноты евангелия. Этот термин, конечно, нельзя применять неосторожно, ведь он издавна использовался философами-гуманистами, а в последнее время в некоторых христианских традициях приобрел этакий заумный оттенок. И все же ценность этого понятия в христианской мысли бесспорна, и мы попытаемся продолжить здесь мировоззренческую

⁶ См. Richard Mouw, *The Smell of Sawdust: What Evangelicals Can Learn from Their Fundamentalist Heritage* (Grand Rapids: Zondervan, 2000).

⁷ Herman Bavinck, *The Philosophy of Revelation* (1909; repr., Grand Rapids: Baker Academic, 1979), 242.

традицию Джеймса Орра и Абрахама Кайпера, которые мечтали зажечь христианский свет в служении церкви обществу.

В-четвертых, растущая популярность миссиологии может безмерно обогатить учение о мировоззрении. Служители миссионерских организаций давно уже пытаются исследовать с библейской точки зрения пути взаимодействия евангелия и культуры, найти лучшие методы проповеди евангелия, то есть именно то, о чем всегда размышляют миссионеры-практики. Литература по миссиологии и особо ценная литература по контекстуализации евангелия в других культурах широко использовалась в написании этого труда.

В-пятых, мировоззренческое учение должно быть экуменическим. Апостол Павел говорит, что широту и долготу, и глубину и высоту любви Божьей можно постичь только «со всеми святыми» (Еф. 3, 18). «Со всеми» означает с христианами из других мест, из другого времени и с другими конфессиональными традициями. Авторы этой книги воспитывались в кайперской традиции и в изучении мировоззрения руководствовались именно ею, не принимая ее слепо, а твердо веря, что ни одна традиция не может в достаточной мере постичь или выразить полноту евангелия. Мы многому научились от наших братьев и сестер из других частей мира, из других исторических эпох, а также других деноминаций и конфессий христианской церкви. Лекции по материалам этой книги читались в разных странах, людям разных христианских традиций. Это исправило многие наши ошибки и вообще несказанно нас обогатило, что, надеюсь, сможет увидеть и читатель.

О книге

Мировоззрение — понятие, уходящее корнями в европейскую философскую традицию, и оно ценно постольку, поскольку дает возможность лучше понять евангелие, находящееся в центре библейской истории, и, зная эту историю, разрешает жить более полной жизнью. По этой причине изучение мировоззрения напрямую проистекает из нашей предыдущей книги «Драма Писания». Как преподаватели, мы обнаружили, что курс по мировоззрению приносит больше пользы, если следует за лекциями по библейской истории: мировоззрение отталкивается от Писания с тем, чтобы укрепить наше решение жить согласно библейской истории.

Существует еще одна причина, вследствие которой упоминание о том, что эта книга продолжает предыдущую, является важным. Многие традиционные евангельские подходы к учению о мировоззрении описывают его интеллектуалистскими терминами, то есть они видят в этом просто рациональную систему. Мы же считаем, что учение о мировоззрении должно носить исторический, повествовательный характер, поскольку в таком жанре написана Библия. Мы часто цитируем высказывание Н. Т. Райта о том, что история — «лучший способ говорить о действительности».⁸

Эта книга задумывалась только как введение в предмет мировоззрения. Мы осознаем, насколько сложно обобщить горы материала, содержащегося в богословских, философских и исторических трудах, касающихся настоящей темы. От простоты до упрощенчества один шаг, но одно не обязательно должно стать другим. Мы верим: подобная книга нужна для того, чтобы начинающие студенты и молодые прихожане церковью вдохновились глубиной евангелия и богатым спектром своего призвания. И если наш читатель сможет открыть для себя новые возможности, необходимые знания для их воплощения обязательно придут впоследствии.

После завершения «Драмы Писания» мы создали специальный веб-сайт (<http://www.biblicaltheology.ca>), на котором можно найти слайды, статьи и многие другие пособия для изучения Библии как отдельной связной истории. Полученные нами многочисленные отзывы свидетельствуют о том, что многие из наших читателей нашли его полезным. Поэтому мы предлагаем похожий веб-сайт для настоящей книги (www.christian-worldview.ca). Там также будут размещены слайды для использования на занятиях, дополнительные статьи и многое другое для поддержания обсуждения вопроса христианского мировоззрения в целом.

Мировоззрение касается самых основных, всеобъемлющих, религиозных убеждений о мироздании, так как они составляют часть единого повествования. Это значит, что христиане могут обсуждать учение Писания, но его нельзя отделять от культурного контекста, потому что евангелие всегда выражалось и воплощалось в культуре. Поэтому, изучая вопросы мировоззрения, мы должны попытаться

⁸ N. T. Wright, *The New Testament and the People of God, Christian Origins and the Question of God 1* (London: SPCK, 1992), 40 (*italics added*).

понять основные убеждения окружающей культуры, в которой живет каждая христианская община, а также отметить отношение христианской веры к другим окружающим ее «верам», традициям и обычаям. Это очень сложное предприятие, которое может закончиться плачевно. Как показывает изучение контекстуализации в миссиологии, опасность опорочить евангелие, приспособить его к идолопоклонству той или иной культуры никогда не исчезает. Учение о мировоззрении в таком случае должно иметь дело как с библейскими основополагающими доктринами, так и с убеждениями окружающей культуры, а также и со сложным взаимодействием двух систем верований.

Это открывает широкий круг вопросов для христианских учебных программ, и много хороших книг описывали те или иные темы по мировоззрению. Тем не менее, только из книги Брайана Уолша и Ричарда Миддлтона «Цель, которая изменяет. Формирование христианского мировоззрения» можно увидеть, насколько обширны и разнообразны эти вопросы.⁹ Именно поэтому эта книга остается, на наш взгляд, одной из лучших доступных работ по учению о мировоззрении. И все же этот труд был написан более двадцати пяти лет тому назад, и в нем не могли быть освещены такие насущные в наше время вопросы, как глобализация, постсовременность и потребительство. И хотя связь между евангелием и культурой у Уолша и Миддлтона описана совершенно правильно, они все же не полностью исследовали все нюансы контекстуализации. Наша книга разделяет взгляды Уолша и Миддлтона в том, что мировоззрение — это всесторонняя дисциплина, включающая в себя много более мелких областей исследования. Мы пишем о библейском мировоззрении, культурном мировоззрении и мировоззрении в действии, и между последними двумя темами мы поднимаем вопрос

---

⁹ Мы можем также упомянуть неопубликованный курс для дистанционного обучения, написанный под руководством Джонатана Чаплина. Он называется «Введение в христианское мировоззрение» (“An Introduction to a Christian Worldview” [Open Christian College, 1986]). Этот курс был использован в книге Уолша и Миддлтона (Brian Walsh and Richard Middleton, *The Transforming Vision: Shaping a Christian World View* [Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984]), а также в книге А. Уолтерса «Обновленное творение. Библейские основы реформатского мировоззрения (К. — СПб.: МАХШ, 2002) (Albert Wolters, *Creation Regained: Biblical Basics for a Reformational Worldview* [Grand Rapids: Eerdmans, 1985]). Содержание курса совпадает со взглядами Уолша и Миддлтона и, таким образом, также имеет дело с мировоззрением в полном смысле этого слова.

о возрождении евангелия в культурном контексте, то есть мы исследуем взаимодействие евангелия и культуры.

Мы начинаем с евангелия царства и призыва к церкви распространять благую весть. Во второй главе мы находим истоки слова «мировоззрение» и причины, по которым оно стало подходящим для христианской общины, особенно для евангельской церкви в Северной Америке. В третьей и четвертой главах мы возвращаемся к вопросу, как понятие мировоззрения может помочь подготовить церковь для всеобъемлющего служения, и с этой целью мы излагаем, что, по-нашему, означает сознательное библейское мировоззрение: совокупность основополагающих и всесторонних убеждений о мироздании, содержащихся в библейской истории. Следующие три главы описывают преобладающее мировоззрение современной западной культуры: пятая и шестая главы кратко прослеживают западную историю от ее истоков в греческой культуре до настоящего времени, а в седьмой главе ставится вопрос: «Который сейчас час в нашей культуре?», какие вероучения и течения формируют ее. В восьмой главе мы рассматриваем вопрос о том, как должна жить церковь на перекрестке этих двух противоречащих друг другу, несовместимых мировоззрений. Как нам жить в двух повествованиях и в то же время оставаться верными одной истинной истории Библии? Что содержит в себе миссионерское соприкосновение евангелия и западной культуры? И, наконец, в девятой главе мы предлагаем взглянуть на то, каким может быть это соприкосновение в политике, бизнесе, искусстве, спорте и образовании.

Благодарность

Мы знаем, что находимся в большом долгу перед многими людьми, как живыми, так и давно ушедшими от нас, которые помогли сформировать наше понимание мировоззрения. В особенности хотелось бы упомянуть Альберта Уолтерса, Брайана Уолша, Ричарда Миддлтона, Гидеона Страусса, Элейн Боту, Боба Гаудсварда, Джонатана Чаплина, Германа Риддербоса, Н. Т. Райта, Лесли Ньюбигина, Фрэнсиса Шеффера, Джеймса Сайра, Дэвида Ногла и Джона Ньюби. Джим Кинни и его прекрасный коллектив в Бейкер Академикс помогли придать этой книге надлежащий вид и вывели ее в свет. Мы также в долгу перед Дугласом Лони, профессором английского языка и деканом факультета гуманитарных наук в Университетском колледже «Редимер».

Как и с «Драмой Писания», Даг помог придать ей живой, литературный стиль. Он сделал больше, чем просто отредактировал эту книгу и помог соединить два стиля изложения. Даг сразу же вникал в темы, помогал выражать мысли более ясно, а также оказал бесценную помощь не только в отношении стиля, но также и в отношении содержания.

Мы с радостью посвящаем эту книгу Петеру и Фрэн Вандерпол, а также Джону и Дженни Халтинк, нашим близким друзьям, которые осязательно продемонстрировали свою посвященность христианской академии, не самым последним выражением которой стало их финансовое содействие основанию кафедр, на которых мы преподаем. Без таких покровителей не было бы и этой книги.

Евангелие, история, мировоззрение и задача церкви

Евангелие царства

Как последователи Иисуса, свои размышления о мировоззрении мы должны начинать с евангелия, с благой вести, впервые возвещенной Иисусом, когда он выступил на сцену мировой истории: «Приблизилось Царствие Божие».¹⁰

Иисус разговаривал на языке евреев тех дней, поэтому они прекрасно понимали значение слова «царствие». Очень долго евреи ожидали вмешательства Бога в историю. Они ждали, что Бог опять будет действовать в любви, гневе и силе, пошлет Мессию и восстановит свое царствование над всем миром. И, наконец, Иисус пришел, предъявляя права на свой царский титул: *он* – Божий помазанник, Мессия. Он говорит, что Дух Божий пребывает на нем, чтобы привести замысел Бога в отношении всего мира к грандиозной кульминации. Небесный Царь Творения возвращается, чтобы вернуть себе свое царство!

Такое провозглашение благой вести – это критический момент изложенного в Ветхом Завете длинного исторического повествования о Божьей искупительной работе, которая берет свое начало от обещания, данного Богом Адаму и Еве. Бог избрал Израиль, чтобы он стал источником его искупительного благословения для народов, но Израиль не оправдал его ожиданий. Однако, несмотря на его несостоятельность, через пророков было обещано, что Бог не оставит своего замысла неисполненным: он снова совершится в обещанном Царе и через него, чтобы возродить весь мир. Иисус объявляет, что этот день настал, и сила Божья для возрождения всего творения Духом сейчас присутствует в Иисусе. Эта освобождающая сила проявилась в жизни и делах Иисуса и объясняется его словами. Но именно на кресте

---

¹⁰ Библейская основа этого раздела исследована в деталях в книге: Craig G. Bartholomew and Michael W. Goheen *The Drama of Scripture: Finding Our Place in the Biblical Story* (Grand Rapids: Baker Academic, 2004), 129–70 in “Act 4: The Coming of the King: Redemption Accomplished” (Крейг Бартоломью и Майкл Гохин Драма Писания. Черкассы: Колловкум, 2009; в разделе: Действие 4. Явление Царя. Подвиг искупления).

совершился триумф Божьего царства. Там Иисус борется с силой зла и одерживает решающую победу. Его воскресение — рассвет первого дня нового творения. Он, первым восстав из мертвых, вступает в грядущее бессмертие. До своего восхищения к Богу Отцу он поручает небольшой группе своих последователей продолжать дело проповеди евангелия, пока он не придет опять. Затем Иисус занимает свое место по правую руку Бога, чтобы царствовать над всем творением. Он изливает свой Дух, и этим Духом объявляет о своем восстанавливающем и всеобъемлющем руководстве над своими последователями и через них, когда они несут и провозглашают добрую весть.

Настанет день, когда Иисус придет опять, и каждое колено преклонится пред ним, и каждый язык исповедует, что Иисус — Творец, Спаситель и Господь. Завершение всемирной истории, которое ознаменовал своим приходом Иисус, уверенно грядет. Но до этой кульминации церковь будет принимать участие в работе Духа, возвещая о делах, словах и благой вести, заключающейся в том, что Бог совершил для мира в Иисусе.

Истинная история мира

Возвещение евангелия царства — это не объявление о новом религиозном переживании или учении. В меньшей степени это является предложением будущего спасения в другом духовном мире. Это евангелие — весть о том, куда Бог движет историю всего мира. Иисус использует известный образ Ветхого Завета, чтобы убедить в следующем: этот мир однажды будет царством Божьим. Благая весть, о которой возвещает Иисус и которую церковь должна нести в мир — это евангелие царства. Игнорируя главную идею провозглашения и служения Иисуса, мы допускаем грубую ошибку.

Иисус говорит о том, что установление Божьего царства — это высшая задача мировой истории. Это не народная сказка, интересная только для конкретной этнической или религиозной группы. Иисус вступает в повествование Божьей искупительной работы в истории, которая развертывалась на протяжении тысячелетий в период Ветхого Завета в обществе, с нетерпением ожидавшем ее развязки. Евреи верили, что Бог, которому они служили, был единственным Богом, Творцом всего, Господином истории, Спасителем человечества. После того как в мир вошли грех и зло, Бог решил восстановить свой мир и вернуть

его под покров своего милосердного правления. Этот Бог не был только Богом евреев, он был Царем всей земли. Еврейский народ был избран инструментом его искупительной работы для всего мира. Евреи верили, что эта история должна была разрешиться грандиозной кульминацией, когда Бог будет действовать решительно и в результате выполнит то, к чему вел их историю — завершение спасения для всех народов, для всего творения. Их мнения расходились в отношении того, как, когда и с чьей помощью это произойдет. Они не приходили к согласию в том, что им самим нужно делать в ожидании Божьих действий. Но все они верили, что история действий Божьего искупления велась к кульминации, которая будет иметь последствия для всех людей.

Придя на эту землю, Иисус объявил, что сам был целью этой истории искупления, вершиной Божьей деятельности. Такое заявление было ошеломляющим. Иисус не был просто еще одним раввином, предлагающим новое религиозное или этическое учение, обогащающее жизнь человека. Он утверждал, что через его личность и служение познается значение истории и самого мира. Он подчеркивал, что *все* люди должны найти свое место и значение в рамках именно его истории, и ни в какой другой.

Когда мы говорим о Библии как об истории, мы делаем нормативное заявление, что это общедоступная истина, провозглашающая сотворение мира Богом. Библейская история открывает нам глаза на реальный мир. Таким образом, повествование Библии нельзя воспринимать как местную сказку о еврейском народе. Оно начинается с творения мира и заканчивается обновлением. Между началом и концом повествования предлагается толкование значения мировой истории. Кристофер Райт пишет такие слова: «Ветхий Завет ведет повествование, как историю, или, скорее, как часть этой основной и универсальной истории, которая, в конечном счете, в своих рамках охватит все творение, время и человечество. Другими словами, через чтение этих текстов нас призывают осмыслить выдающееся повествование, величественный рассказ».¹¹

Таким образом, наши истории, наша реальность, связанная и не связанная с человеком, должна найти свое место в *этом* повествовании. В «Мимесисе» Эрих Ауэрбах показывает это через разительный

¹¹ Christopher J. H. Wright, *The Mission of God: Unlocking the Bible's Grand Narrative* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2006), 54–55.

контраст между «Одиссеей» Гомера и библейской историей: «В отличие от истории Гомера, Ветхий Завет не пытается отвлечь нас на пару часов от окружающей нас действительности; вместо этого он ее изменяет — мы должны приспособить свою жизнь к этому миру, почувствовать себя частью структуры мировой истории... Все остальное, происходящее в мире, можно только представить себе как элемент в этой последовательности; все, что известно о мире, должно входить туда как слагаемое божественного замысла».¹²

Когда мы читаем мифы и романы или когда смотрим фильмы, спектакли и телевизионные передачи, предполагается, что мы хотя бы частично забываем о своем мире и на некоторое время погружаемся в мир вымышленный. По окончании истории мы возвращаемся в свой мир и продолжаем жить своей жизнью. Мы в какой-то мере позволили себе уйти от реальности и погрузиться в выдумку, возможно, в надежде получить новую информацию, обогатиться знаниями или, на худой конец, просто развлечься. Некоторые из нас захотят вынести оттуда некие крупинцы истины и мудрости или привезти с собой сувенир из мира красоты, дающего нам некоторое новое (но, надо сказать, ограниченное) понимание какой-то стороны нашей жизни в реальном мире. Но не так обстоит дело с библейской историей — ведь Библия и *есть* реальный мир. Среди всех историй эта история заявляет, что говорит *всю* правду о том, каким в действительности является наш мир. Подразумевается, что здесь, в этой самой истории, мы найдем смысл жизни. Здесь мы должны найти подходящее для себя место. Здесь нам предлагается понимание основного значения человеческой жизни как таковой.

Таким образом, евангелие — это общедоступная, полностью надежная истина, которая касается всех и каждого. Она не предназначена для частной сферы религиозного переживания. Евангелие — это не весть о каком-то сверхъестественном спасении, отложенном до неопределенного будущего. Это Божье послание о том, что Господь предпринимает для возрождения своего мира и всей человеческой жизни. Оно говорит нам о цели всей истории и таким образом утверждает, что является достоверной историей мира.

¹² Erich Auerbach, *Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature*, trans. Willard R. Trask (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968), 15. Ауэрбах Эрих. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.; СПб.: Per Se; Унив. кн., 2000.

Выбор истории

Вся человеческая жизнь формируется определенной историей. Подумайте над следующей иллюстрацией, предложенной Н. Т. Райтом:

Какое значение заключено в словах: «Собирается дождь»? На первый взгляд кажется, что выражение вполне понятно. Однако значение и смысл этого высказывания можно понять только тогда, когда мы увидим, какую роль оно играет в более широком изложении. Если мы собираемся идти на давно запланированный пикник, то эти слова станут плохой новостью, которая повлечет за собой изменение наших планов. Если же мы живем в Восточной Африке, где очередная длительная засуха неминуемо оставит пустыми амбары, тогда такое утверждение поистине станет радостью. Если бы три дня назад я утверждал, что пойдет дождь, а вы мне не верили, то такое заявление доказало бы мою способность предсказывать погоду. Если бы мы принадлежали к израильскому народу, находящемуся на горе Кармил, и слушали слова Илии, то такое утверждение подтвердило бы слова Илии, что Яхве – истинный Бог, а Илия его пророк. В любом случае, каждое отдельное утверждение необходимо услышать в контексте полного сюжета, завершеного рассказа.¹³

Значение этих слов зависит от того, какая история их формирует. Фактически, каждая история придает событию новое значение. Так же происходит и с нашей жизнью: «Наше понимание жизни зависит от того, как мы понимаем человеческую историю. Частью какой же реальной истории является моя жизнь?»¹⁴ То, на что здесь ссылается Ньюбигин – это не лингвистически построенный мир повествования, придуманный нами, чтобы придать значение нашей жизни, а, скорее, толкование мировой истории, дающей смысл человеческой жизни. Таким Бог создал мир, и таким он в действительности и является.

Поскольку люди созданы для жизни в обществе, некая совместная история неминуемо сформирует всю жизнь социальной группы. Евангелие приглашает всех, кто слышит его, поверить в благую весть и покаяться (Мк. 1, 14-15). Все слышавшие призваны поверить в истинность этой истории и признать ее своей, оставив другую историю, ранее формировавшую их жизнь. Из этих слушателей создано общество людей, поверивших в евангелие и предлагаемую в нем историю мира.

¹³ N. T. Wright, *Jesus and the Victory of God, Christian Origins and the Question of God 2* (London: SPCK, 1996), 198. *Путь Н. Т. Иисус и победа Бога*. М.: ББИ, 2004.

¹⁴ Leslie Newbigin, *The Gospel in a Pluralist Society* (Grand Rapids: Eerdmans, 1989), 15.

Задача церкви

Церковь — это общество, откликнувшееся верою и покаянием на благую весть о царстве. Историю Библии оно признало своей, и стремится строить свою жизнь согласно этому повествованию. Это также и общество, на которое возложена ответственность за распространение благой вести среди людей. Евангелие определяет задачу и призвание церкви в мире. Прежде чем Иисус вернулся к своему Отцу, он собрал своих учеников и сказал им слова, которые должны были определить смысл их последующей жизни: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин. 20, 21). Эти слова подытожили, что значит быть общиной последователей Христа. Их задача состояла в том, чтобы возвещать о царстве Божьем — конце и цели истории — по всему миру, как и Иисус возвещал о нем в Израиле.

Кристофер Райт правильно видит задачу, «основным ключом открывающей все великое повествование канона Писания».¹⁵ Он верит, что Библия рассказывает «историю миссии Бога через Божий народ во взаимосвязи с Божьим миром и для блага всего Божьего творения».¹⁶ Таким образом, миссия Божьего народа — «посвященное участие в миссии самого Бога, как Божьего народа по Божьему приглашению и повелению, в истории Божьего мира для искупления Божьего творения».¹⁷ Наша принадлежность Богу исходит из миссионерской роли в библейской истории.

Таким образом, нам становится ясно, зачем евангелию нужна церковь. Иисус не оставил после себя книгу, где находилась бы благая весть царства. Наоборот, для распространения этой вести он создал общество: «Как Ты (Бог Отец) послал Меня в мир, так и Я послал их в мир» (Ин. 17, 18). Это общество определяет задача: нести благую весть царства.

Так как евангелие говорит о Божьем владычестве над всем творением, всеми народами и человеческой жизнью, задача последователей Иисуса широка, как само творение. Им поручено быть свидетелями евангелия во всех сферах общественной жизни — в бизнесе, науке,

¹⁵ Wright, *Mission of God*, 17.

¹⁶ Wright, *Mission of God*, 51.

¹⁷ Wright, *Mission of God*, 22–23.

политике, семье, юриспруденции, искусстве, средствах массовой информации и в любом другом уголке человеческой жизни:

*Дух вводит Божий народ во всемирное служение.
Он побуждает молодых и пожилых, мужчин и женщин
идти и к соседу, и дальше —
в науку и искусство, средства информации и рынок, неся
Благу весть Божьей благодати...*

*Вслед за апостолами отправляется церковь —
отправляется с евангелием царства...
В мире, отошедшем от Бога,
где миллионы людей принимают неправильные решения, —
эта миссия важнейшая для нас...*

*Иисус Христос — Владыка всего мира.
Следовать за таким Господом — значит служить ему везде,
как свет во мраке, как соль в разлагающемся мире.¹⁸*

На перекрестке двух историй

Иисус говорит: «Я послал их в мир» (Ин. 17, 18). В Ветхом Завете Божий народ был этнически единым и собран в одном месте. История, формировавшая их культурную и общественную жизнь, была той же самой, что создала и их религиозные взгляды, — это Ветхий Завет. Однако в Новом Завете все меняется. В то время, когда Божий народ был послан в мир воплощать Божью историю в среде различных культур человечества, он принимает полиэтническую и поликультурную форму. Такое многообразие культур представляет собой огромный вызов для церкви в деле выполнения ее задачи среди всех народов, во всех местах, во все времена, пока опять не придет Господь. Каждая культурная общность рассказывает историю, которая формирует и организует их жизнь, и ни одна из этих историй не является нейтральной ни в философском, ни в религиозном плане. Истории народов предлагают широкий спектр повествований о том, как появился этот мир, объясняют его значение, цель и назначение. Каждая культура рассказывает и живет согласно истории мира, которая до некоторой

¹⁸ Christian Reformed Church, *Our World Belongs to God: A Contemporary Testimony* (Grand Rapids: CRC Publications, 1987), paragraphs 32, 44–45.

степени не сочетается с евангельской. Такая история мира часто находится ниже уровня здравого понимания человека, однако она создает и формирует всю культуру общинной жизни.

История, сформировавшая за несколько столетий западную культуру, — это рассказ о прогрессе, показывающий, что мы движемся вперед к еще большей свободе и материальному процветанию, что мы это делаем только усилиями человека, особенно через науку и технологию, а также применяя научные принципы в общественной жизни, в экономике, политике и образовании.

Недавно в современной истории прогресса появились два значительных затруднения. Они возникли из-за резкой критики того, что часто называют *постсовременностью*, из-за ее неспособности обеспечить человечество той лучшей жизнью, которую так долго обещали. В то же время история прогресса приобрела новую и, несомненно, сильную форму, распространяясь по миру способом, называемым *глобализация*. Нам представится случай рассмотреть все это подробно в дальнейших главах. На данном этапе пока только важно усвоить, что данная культурная история — это повествование о понимании мира и человеческой жизни, которое лежит в основании западной культуры. И хотя члены современной западной культуры часто не знают об этой истории, она все же выполняет функцию линзы, через которую они видят и понимают мир, или карты, указывающей направление, или общего основания, на котором нужно строить общественную и культурную жизнь.

Стоит еще кое-что сказать о современной западной истории мира, чтобы христиане лучше поняли ту культурную среду, в которой они должны сохранить стремление жить в истине библейской истории. Во-первых, как и библейская история, западная история претендует на то, что она передает правдивую историю мира, причем это представляется как само собой разумеющийся факт. Остальные истории низводятся до второстепенного статуса религиозных преданий и отодвигаются на второй план. Во-вторых, как и библейская история, история культуры всеобъемлюща, она рассматривает каждую сторону человеческой жизни. В-третьих, западная история в корне несовместима с библейской историей.

В нашей современной культуре... существуют две абсолютно разные истории. Одна — это история об эволюции, о развитии

видов через выживание сильнейшего, история о развитии цивилизации, о нашем варианте этой цивилизации и предоставлении человечеству господства над природой. Другая история – это та, что рассказана в Библии, история о творении и падении человека, о Божьем избрании людей выполнять его цель для человечества и о пришествии того, в ком эта цель должна исполниться. Это две разные и несочетающиеся истории.¹⁹

Итак, народ Божий оказался на перепутье, на пересечении двух историй, которые заявляют о своей подлинности и полноте (см. илл. 1).

Илл. 1. Жизнь на перепутье

Как люди, принимающие евангелие, мы являемся членами общества, которое верит, что Библия – это истинная история мира. Но как активные члены общества той культуры, в которой живем и в жизни которой принимаем участие, мы также причастны и к другой истории, длительное время формировавшей западную культуру. Мы не можем просто стоять в стороне от того, что наш окружает, ведь наша жизнь вплетена в общество, обычаи, язык, отношения и социальный уклад нашей культуры. Воплощение в жизнь Божьего царства должно принять форму культуры нашего времени и нашего места. Поэтому мы оказываемся на перепутье: живем в двух сообществах, в двух историях, очень несочетающихся друг с другом, но претендующих на свою подлинность.

¹⁹ Newbiggin, *Gospel in a Pluralist Society*, 15–16.

Миссионерская встреча или компромисс?

Как может существовать на таком перепутье христианская община? Все зависит от того, какая из этих историй считается основной, неоспоримой, истинной историей нашего мира. Вопрос в том, будет ли наша вера основываться на Иисусе и его царстве и будет ли это ключом к пониманию мира в целом и его истории, или мы примем за истину светскую историю и таким образом уступим ее давлению, ограничив свою веру до неофициальной сферы религии.

Если церковь верно и преданно показывает всей своей жизнью, что евангелие истинно, тогда произойдет миссионерское прикосновение, или встреча, столкновение между библейской и культурной историями.²⁰ Так как обе истории всеобъемлющи и обе претендуют на истинность, такое столкновение неизбежно. Когда это произойдет, основные религиозные убеждения, бытующие в культурной общности, будут подвергнуты сомнению, и евангелие предложат как альтернативный образ жизни. Церковь, оставаясь верной библейской истории, будет призывать людей к покаянию, к вере в евангелие, к жизни согласно истории Библии — и, конечно, к христианской жизни.

Но есть и другая, более мрачная вероятность. Если церковь, сознательно или несознательно, примет мирскую историю окружающей культуры за основу, за истинную историю мира, тогда она будет обязана приспособить евангелие так, чтобы оно вписывалось в культурную историю. И если евангелие поставлено на второстепенное место в другой, более полной истории, для церкви это неизбежно выльется в компромисс, так как она не будет нести миру благую весть на евангельских условиях, а именно: свидетельствовать о том, что только евангелие является истинной историей о нашем мире и о нашей жизни в нем.

Лесли Ньюбигин считал, что именно это уже и произошло в христианской церкви современного западного мира. Ньюбигин сорок лет трудился в Индии миссионером и, вернувшись в Европу, смог посмотреть на ее культуру свежим взглядом и увидеть несочетаемость евангельской истории и той, другой истории, формирующей современную культуру Запада. Ньюбигин считал, что церковь подвергла

²⁰ «Миссионерское прикосновение, или встреча» (англ. *Missionary encounter*) — термин, часто используемый Лесли Ньюбигином. См., например, *Foolishness to the Greeks: The Gospel and Western Culture* (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 1.

большой опасности свою христианскую жизнь, сделав библейскую историю частью современной научной истории. Он говорил, что у западной церкви «запущенная стадия болезни синкретизма», ведь она приняла смешение двух несовместимых точек зрения.²¹ В таком синкретизме истина, на которую претендует одна или обе истории, неизбежно подвергается риску. Когда евангелие просто включено в западную культуру, оно опускается до статуса частного религиозного повествования о бестелесном, будущем, сверхъестественном спасении, отложенном на неопределенное время. Ньюбигин верил, что церковь должна вернуть евангелие на своих условиях — как истинную и полную историю нашего мира и как провозглашение окончательной задачи всемирной истории. И только тогда, считал он, евангельская история будет готова для своей первой схватки с западной культурой.

Освобождение евангелия для миссионерской встречи. Роль мировоззрения

Больше столетия тому назад два христианских мыслителя — Джеймс Орт и Абрахам Кайпер, как и Ньюбигин, увидели, что культура Запада подрывала значение библейской истории как основы жизни в христианском обществе и, таким образом, препятствовала настоящей встрече между евангелием и западной культурой. Хотя они не использовали выражение «миссионерская встреча», но все же вновь призвали церковь прислушаться к утверждению Христа, что только евангелие предлагает истинный и полный взгляд на мир. И Орт, и Кайпер воспользовались современным термином «мировоззрение», чтобы продемонстрировать возможность евангелия предложить свой всеобъемлющий взгляд на мир и человеческую жизнь — мировоззрение, которое не будет приспосабливаться ни к какому другому мировоззрению, но будет настаивать на истинности своего. Более чем через век после Орра и Кайпера христиане все еще стоят перед вопросом: может ли идея мировоззрения помочь нам выполнить сегодня то, к чему мыслители призывали церковь еще в то время, и лишить историю зависимости от современной западной культуры? Мы верим, что это так, и раскрытию этого вопроса посвящаем наш труд.

²¹ Leslie Newbigin, *The Other Side of 1984: Questions for the Churches* (Geneva: World Council of Churches, 1983), 23.

Что такое мировоззрение?

Мартин Лютер однажды сказал, что евангелие — это лев в клетке, которого не нужно защищать, а нужно только выпустить.²² Действительно, евангелие — это сила Божья ко спасению (Рим. 1, 16; 1 Кор. 1, 18). Если оно действует в словах, делах и жизни Божьего народа, то достигнет своих целей. Евангелие находится «в клетке», когда оно подгоняется под историю гуманизма. Только когда евангелие будет освобождено из заточения господствующей истории народа, тогда церковь будет готова для своей всесторонней миссии в западной культуре. В этой книге мы надеемся помочь освободить льва. И первый вопрос этой главы звучит так: может ли идея мировоззрения помочь в выполнении этой задачи?

Краткая история понятия мировоззрения

Так как идеи и названия, которые мы им даем, взяты откуда-то и от кого-то, мы сейчас кратко рассмотрим историю понятия «мировоззрение» и его использование евангельской церковью XIX и XX веков в качестве средства восстановления полного объема евангелия.²³

Слово «мировоззрение» — это перевод немецкого термина *Weltanschauung*, впервые использованного философом эпохи Просвещения Иммануилом Кантом (Immanuel Kant) в работе «Критика способности суждения» (1790). Кант считал, что каждый человек использует только разум, чтобы прийти к *Weltanschauung* — пониманию значения мира и своего места в нем. Кант только один раз употребил этот термин, и он не был ключевым в его мысли. Говоря о формировании *Weltanschauung*, Кант только поставил акцент на автономии человеческого разума, развивающегося в отрыве от религии и традиций, что впоследствии будет иметь глубокое и длительное влияние на развитие концепции мировоззрения среди его последователей. Как отмечает

---

²² Мы признательны Рою Клоусеру за то, что он указал нам на эту замечательную метафору.

²³ Для полного рассмотрения этой темы см. David Naugle, *Worldview: The History of a Concept* (Grand Rapids: Eerdmans, 2002).

Дэвид Нагл: «Акцент Канта на осмыслении и готовности (человеческого) “я” как познавательного и нравственного центра мироздания... создал концептуальное пространство, в котором может расцвести идея мировоззрения».²⁴

И она действительно расцвела. Немецкая философия, особенно идеализм и романтизм XIX века, позаимствовала у Канта этот термин и отвела ему значительное место в своей философской системе. К 40-м годам XVIII века *Weltanschauung* стал стандартным пунктом в словаре образованной Германии, свидетельствующем о глобальном восприятии жизни и мира в целом.²⁵ К концу XIX века термин достиг статуса академической популярности.²⁶

Для идеалиста-философа Фридриха Шеллинга (1775–1854) идея *Weltanschauung* была близка к стремлению человека прийти к соглашению с глубочайшими вопросами существования и природы вселенной. Акцент, который Шеллинг ставит на мировоззрении как полном и объединяющем понимании мира, должен был иметь большое влияние среди философов, пришедших после него. Позднее *Weltanschauung* станет «ключевым словом среди мыслящих людей немецкого идеализма и романтизма... что указывало на систему убеждений, которые лежали в основе и формировали человеческую мысль и действие».²⁷

Датский христианский философ Серен Кьеркегор (1813–1855) подчеркивал коренное отличие между относительно новым понятием мировоззрения и старой дисциплиной философии, доказывая, что философия — это объективная система мысли, а мировоззрение — это система убеждений, за которую человек так крепко держится, что можно говорить о том, что он ею живет (то есть имеет свое мировоззрение).²⁸ Это было особенно важно для Кьеркегора, когда он пытался отличить истинное христианство от номинального; по его мнению, человек достигает мировоззрения только путем преобразования, реальной встречи с живым Христом.

²⁴ Naugle, *Worldview*, 59.

²⁵ Albert M. Wolters, “On the Idea of Worldview and Its Relation to Philosophy,” in *Stained Glass: Worldviews and Social Science*, ed. Paul A. Marshall, Sander Griffioen, and Richard J. Mouw, Christian Studies Today (Lanham, MD: University Press of America, 1989), 15.

²⁶ Naugle, *Worldview*, 55.

²⁷ Peter Heslam, *Creating a Christian Worldview: Abraham Kuyper’s Lectures on Calvinism* (Grand Rapids: Eerdmans, 1998), 89.

²⁸ См. Naugle, *Worldview*, 76, 81.

Вильгельм Дильтей (1833–1911) также размышлял над связью между мировоззрением и философией. Как и Шеллинг, Дильтей утверждал, что мировоззрение — это взгляд на жизнь, всесторонний и объединяющий, его цель — выразить глубочайшее значение мира, ответить на основные вопросы жизни. Таким образом, согласно Дильтею, мировоззрение может принести единство и слаженность в различные области человеческой жизни.²⁹ Герберт Ходжес так подводит итог понятия мировоззрения Дильтея: это «совокупность идей и мнений, включающих (а) веру и убеждения о характере жизни и мире; (б) основанные на этом эмоциональные склонности и тенденции; и (в) систему стремлений, предпочтений и принципов, определяющую поступки и дающую жизни единство и значение».³⁰

Для достижения нашей задачи еще две стороны мышления Дильтея о мировоззрении заслуживают особого внимания. Первое, для Дильтея мировоззрение — это основная система верований о мире, которая служит для формирования всего нашего последующего мышления. Таким образом, мировоззрение не может просто приобретаться от применения разума: «Мировоззрения — это не продукт мысли. Они не появляются от одной простой жажды знаний. Постигание реальности — важный, но единственный фактор в их формировании. Они появляются из нашего отношения к жизни и познания ее, и от всего склада нашего ума».³¹ В таком случае, мировоззрение глубже, чем философия или наука; несомненно, философия и наука стоят на фундаменте чьего-то мировоззрения. Как говорит Сандер Грифффиун: «Притязание мировоззрения на истину не может быть ни доказано, ни опровергнуто философией или наукой. Наоборот, сама философия зависима от мировоззрения. Дильтей отнес метафизический поиск наивысшей гармонии к мировоззрениям, что в свою очередь лежит в основе философий».³² Дильтей выразил понимание мировоззрения,

²⁹ Sander Griffioen, "The Worldview Approach to Social Theory: Hazards and Benefits," in Marshall, Griffioen, and Mouw, *Stained Glass*, 87. Грифффиун предлагает отличное краткое изложение взглядов Дильтея, состоящее из шести пунктов.

³⁰ Из книги: Н. А. Hodges, *Wilhelm Dilthey: An Introduction* (New York: Oxford University Press, 1945), цитата из труда: Dorothy Emmet, "The Choice of a World Outlook," *Philosophy* 23, no. 86 (July 1948): 208.

³¹ Wilhelm Dilthey, *Selected Writings*, ed. and trans. H. P. Rickman (Cambridge: Cambridge University Press, 1976), 141.

³² Griffioen, "Worldview Approach," 87.

которое в его время стало доминирующим в немецкой философии, и это было такое же понимание идеи, которое приняли христианские мыслители после Дильтея (такие как Джеймс Орр и Абрахам Кайпер): *мировоззрение выражает систему убеждений, которая закладывает основание и формирует мышление и жизнь человека.*

Дильтей также делал ударение на многочисленности и относительности мировоззрений. Поскольку Кант считал, что одно мировоззрение могут разделять все люди (поскольку у всех есть человеческий разум), Дильтей утверждал, что (так как, на его взгляд, человеческий разум сильно обусловлен местом и временем человека в истории) разные мировоззрения ограничиваются, чтобы возникнуть при других исторических обстоятельствах. Он считал, что все мировоззрения есть не чем иным, как частичным выражением мироздания, и таким образом они неминуемо будут расходиться между собой. Дильтей не считал, что вопрос разнообразия мировоззрений когда-нибудь будет решен, и что какое-то мировоззрение сможет выйти победителем, потому что, по его мнению, мировоззрения на самом базовом уровне коренятся в вере и таким образом являются «недоказуемыми и неразрушимыми».³³

Краткое описание истории этого понятия показывает, что для христианских мыслителей мировоззрение вызывает некоторые ассоциации, которые нужно подтвердить, и другие, которых нужно остерегаться. Таким образом, мы соглашаемся с Шеллингом в том, что мировоззрение — это всестороннее и объединяющее понимание мира и места человека в нем. Мы также можем подтвердить понимание Дильтея, что это одно из основных убеждений о мире, которое формирует мысли и действия и, следовательно, чувство единства и значение жизни. И, бесспорно, Кьеркегор был прав, настаивая, что мировоззрение нужно принимать лично и практически, оно должно изменить жизнь человека.

Однако в нашем поиске чисто библейского, христианского понимания мировоззрения нам не следует принимать рационалистическую идею Канта, которая имеет свое основание в независимом человеческом разуме. И нам нужно быть очень осторожными с релятивизмом и историчностью Дильтея, предполагающими, что мировоззрения просто будут возникать время от времени и от места к месту, как результат исторических факторов. Хотя исторические обстоятельства,

³³ Dilthey, *Selected Writings*, 141.

несомненно, производят формирующее влияние на мировоззрение, мы все же живем под радикальным утверждением евангелия, которое истинно для всех времен и народов как свидетельство того, кто «вчера, сегодня и вовеки тот же» (Евр. 13, 8).

Предназначение мировоззрения в христианской мысли

К началу двадцатого века мировоззрение как понятие было использовано в большинстве учебных дисциплин. Главным образом, именно Джеймс Орр (1844 – 1913) и Абрахам Кайпер (1837 – 1920) применили это понятие мировоззрения в христианской мысли. Как Орр, так и Кайпер обратились к понятию мировоззрения в ответ на культуру постпросвещения, которая собиралась господствовать на западе. Богослов Орр был уверен, что частичная реакция на враждебное христианству мировоззрение была неправильной. Он считал, что требованием времени было доказательство того, что христианство само по себе было всесторонним и упорядоченным представлением обо всем в мире:

Противодействие, с которым предстоит столкнуться христианству... простирается до способа зарождения мира и места человека в нем, способа зарождения всей системы вещей, природных и моральных, частью которых мы являемся... Именно христианский взгляд на вещи поддается нападению, и именно описанием и отстаиванием христианских взглядов на вещи в целом можно противостоять этой атаке.³⁴

Согласно Орру, христианское мировоззрение христороцентрично,³⁵ сосредоточено на Христе как исполнении истории спасения и принимает (как это сделал сам Христос) точку зрения Ветхого Завета на творение:

Тот, кто всем сердцем верит в Иисуса как Сына Божьего, тем самым является верным еще многому. Он верен взглядам на Бога, на человека, на грех, на спасение, на цель Бога в творении и истории, на судьбу человека, которые можно найти только в христианстве. Это формирует

³⁴ James Orr, *The Christian View of God and the World* (1893; repr., Grand Rapids: Eerdmans, 1947), 4.

³⁵ Orr, *Christian View*, 378.

Weltanschauung, или «христианский взгляд на мир». Христианский взгляд на вещи формирует логическое целое, на которое нельзя посягнуть, принять или частично отвергнуть, но оно стоит или падает в своей целостности и может только страдать от попыток смешения или компромисса с теориями, которые покоятся на абсолютно явных основаниях.³⁶

Орр был уверен, что христианам необходимо явно выражать полное христоцентричное мировоззрение, сокрытое в библейской истории, с тем, чтобы четко выявить антисверхъестественную (или антихристианскую) основу противоборствующих модернистских мировоззрений.

Абрахам Кайпер не просто облек всесторонний взгляд христианского мировоззрения в слова, он выразил его посредством своей многогранной деятельности как журналист, богослов, политик, премьер-министр Нидерландов и основатель Открытого университета (Free University) в Амстердаме. Он искренне верил, что кальвинизм (традиция протестантской мысли, начало которой положил реформатор XVI века Жан Кальвин) затрагивает все стороны жизни. Кайпер в своих Стоун-лекциях (Stone Lectures), которые он читал в Принстонском университете в 1898 году, назвал это мировоззрением.³⁷ Как и Орр, Кайпер увидел, что современность родила мировоззрение, прямо противоположное христианской традиции: «Две системы жизни (модернизм и христианство) сражаются друг с другом в смертельной схватке... Такое сражение идет и в Европе, и в Америке».³⁸ В этой титанической борьбе, считал Кайпер, только полное библейское мировоззрение имело шанс устоять против своего оппонента: «В модернизме на нас наступает значительная сила всеобъемлющей системы жизни, и нам нужно устоять в системе жизни такой же всеобъемлющей и мощной силы».³⁹

Для Кайпера единственным подходящим христианским подходом к проблеме модернизма был кальвинизм, и поэтому его личным намерением было сформулировать смысл кальвинистского мировоззрения для религии, политики, науки и искусства. Для Кайпера

³⁶ Орр, *Christian View*, 4, 5, 17, 18

³⁷ Впоследствии были изданы как Лекции по кальвинизму (Grand Rapids: Eerdmans, 1931).

³⁸ Куувер, *Lectures on Calvinism*, 11 (Кайпер Абрахам. Христианское мировоззрение. Лекции по кальвинизму. СПб.: Шандал, 2002)

³⁹ Куувер, *Lectures on Calvinism*, 11.

конфликт, или антитезис, между модернизмом и христианством проявляет себя в каждом элементе культуры и общества, а особенно сильно в том, что немцы называют *Wissenschaft* (часто переводится как «наука», но с более широкой ссылкой на академическое мышление и теоретизирование в общем). Кайпер утверждает, что есть два отдельных типа «науки»: один является результатом работы тех, кто строит теории на основе обращения ко Христу, а другой — тех, кто этого не делает: «Мы говорим о двух типах людей. Оба типа — это люди, но один тип внутренне отличается от другого, и поэтому имеет другую суть, берущую начало в его сознании; таким образом, они видят мироздание с разных точек зрения и ведомы разными мотивациями. И тот факт, что есть два типа людей, служит причиной неизбежности существования факта о двух видах человеческой жизни и осознания жизни и двух видов науки».⁴⁰

Возможно, Кайпер слишком упрощает проблему такой контрастностью взглядов, но он все же вносит решающий вклад в наше понимание мировоззрения своим полным неприятием независимости человеческого разума. В этом он отличается от Орра и других ключевых сторонников христианского мировоззрения XX века, таких как Карл Генри⁴¹ и Френсис Шеффер.⁴² Хотя и Генри и Шеффер много сделали для продвижения христианского мировоззрения, они оба придерживались мнения, что правильно функционирующий средний человеческий разум будет иметь христианский взгляд на мир. Другими словами, они признавали общее эпистемологическое основание с нехристианами. Подход Кайпера был в корне другим, так как он твердо верил, что сама эпистемология человека уже является развитием его мировоззрения.

Такой подход Кайпера был подхвачен его современником, католическим философом Алисдаером Макинтайром, который доказывает, что рациональность неминуемо завязана на традиции, то есть она всегда функционирует в контексте отдельной традиции

---

⁴⁰ Abraham Kuyper, *Principles of Sacred Theology*, trans. J. Hendrick de Vries (1898; repr., Grand Rapids: Baker Academic, 1980), 154.

⁴¹ См. Carl F. H. Henry, *God, Revelation, and Authority*, vol. 5, *God Who Stands and Stays: Part One* (Waco: Word, 1982), chap. 20, “Man’s Mind and God’s Mind.”

⁴² Ведутся дискуссии о том, был ли Шеффер рационалистом или нет. См. B. A. Follis, *Truth with Love: The Apologetics of Francis Schaeffer* (Wheaton: Crossway, 2006), chap. 3, “Rationality and Spirituality.”

или истории, или, как мы это называем, мировоззрения.⁴³ И не так давно Алвин Плантинга и Николас Вольтерсторф развили этот элемент традиции, приведя доводы в пользу правомерности христианского начала в теоретизировании.⁴⁴ Традиция, рожденная мыслью Кайпера (и других, например, его современника богослова Германа Бавинка), известна как «неокальвинизм». Вот его основные идеи:

- Благодать восстанавливает природу через Божье искупление во Христе, она — как лекарство, восстанавливающее здоровье в больном теле. Спасительный труд Христа направлен на творение в целом, чтобы возродить его к той цели, которую Бог всегда имел для него.
- Бог всевластен, он управляет всей реальностью своим законом и словом.
- Культурный мандат, данный в Быт. 1, 26-28 (осуществлять царское управление творением), имеет непреходящую важность: Бог призывает человечество развивать сотворенный мир, таким образом преумножая его славу.

За последние десятилетия мировоззрение стало популярной темой в евангельских кругах. Немаловажную роль в этом сыграл Френсис Шеффер.⁴⁵ Свой вклад в распространение христианского мировоззрения также внесли Ал Уолтерс,⁴⁶ Джон Стотт, Чарльз Колсон,⁴⁷ Джеймс

⁴³ См. Alasdair McIntyre, *Whose Justice? Which Rationality?* (Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1988).

⁴⁴ См., например, J. F. Sennet, ed., *The Analytic Theist: An Alvin Plantinga Reader* (Grand Rapids: Eerdmans, 1998); Nicholas Wolterstorff, *Reason Within the Bounds of Religion* (Grand Rapids: Eerdmans, 1976). В качестве введения к так называемой реформатской эпистемологии, в которой Плантинга и Вольтерсторф — ключевые лица, см. Dewey J. Hoitenga, *Faith and Reason from Plato to Plantinga: An Introduction to Reformed Epistemology* (Albany: State University of New York Press, 1991).

⁴⁵ Francis A. Schaeffer, *The Complete Works of Francis A. Schaeffer: A Christian Worldview*, 2nd ed., 5 vols. (Wheaton: Crossway, 1982).

⁴⁶ Albert M. Wolters, *Creation Regained: Biblical Basics for a Reformational Worldview* (Grand Rapids: Eerdmans, 1985). Уолтерс Альберт. Обновленное творение. Библейские основы реформатского мировоззрения. К. — СПб.: МАХИП, 2002. Второе издание с эпилогом в соавторстве с Майклом Гохином было издано в 2005 году.

⁴⁷ Charles Colson and Nancy Pearcey, *How Now Shall We Live?* (Wheaton: Tyndale, 1999).

Сайр,⁴⁸ Брайан Уолш и Ричард Миддлтон,⁴⁹ Артур Холмс,⁵⁰ Том Райт⁵¹ и Нэнси Пирси⁵² (среди многих других) внесли свой вклад в распространение христианского суждения и мировоззрения. Лозаннский конгресс по всемирной евангелизации в 1974 году был особо важен для этого вопроса.

Лозаннский завет (появившийся в результате конгресса) не использует язык мировоззрения, но все же рассматривает те же вопросы, используя язык взаимоотношений между евангелизмом и социально-политической деятельностью.⁵³ Лозаннский конгресс отметил значительное оздоровление видения всей жизни в пределах евангельской традиции; видения, проиллюстрированного в книгах Джона Стотта «Христианское служение в современном мире»⁵⁴ и «Новые проблемы современны христиан»,⁵⁵ а также в основании Стоттом Лондонского института современного христианства.⁵⁶

Джеймс Сайр многие годы был неутомимым поборником христианства. В своем восхитительном труде «Искусство читать медленно»⁵⁷

---

⁴⁸ James W. Sire, *The Universe Next Door: A Basic Worldview Catalog*, 4th ed. (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2004). Сайр Джеймс. Парад миров. Типология мировоззрений. СПб.: Мирт, 1997.

⁴⁹ Brian J. Walsh and J. Richard Middleton, *The Transforming Vision: Shaping a Christian World View* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984). См. также J. Richard Middleton and Brian J. Walsh, *Truth Is Stranger Than It Used to Be: Biblical Faith in a Postmodern Age* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1995); Brian J. Walsh, *Subversive Christianity: Imaging God in a Dangerous Time* (Bristol: Regius, 1992).

⁵⁰ Arthur F. Holmes, *Contours of a World View*, Studies in a Christian World View 1 (Grand Rapids: Eerdmans, 1983).

⁵¹ N. T. Wright, *The New Testament and the People of God*, Christian Origins and the Question of God 1 (London: SPCK, 1992), 38–44, 122–44.

⁵² См. Nancy Pearcey, *Total Truth: Liberating Christianity from Its Cultural Captivity* (Wheaton: Crossway, 2004).

⁵³ См. John R. W. Stott, ed., *Making Christ Known: Historic Mission Documents from the Lausanne Movement 1974–1989* (Carlisle: Paternoster, 1996), гл. 1 и 7 о Лозаннском завете и об отношении между благовестием и взаимосвязью с обществом см. the 1982 Grand Rapids Report, *Evangelism and Social Responsibility: An Evangelical Commitment*, ed. John R. W. Stott, Lausanne Occasional Papers 21 (Exeter: Paternoster, 1982).

⁵⁴ John R. W. Stott, *Christian Mission in the Modern World* (London: Falcon, 1975).

⁵⁵ John R. W. Stott, *New Issues Facing Christians Today* (London: Marshall Pickering, 1999). Стотт Джон. Новые проблемы современных христиан. Черкассы: Смирна, 2004.

⁵⁶ T. Dudley-Smith, *John Stott: A Global Ministry* (Leicester: Inter-Varsity, 2001), chap. 9.

⁵⁷ James Sire, *How to Read Slowly: Reading for Comprehension* (Downers Grove, IL: IVP, 1978).

он рассматривает, как читать прозу, поэзию, документальные произведения, чтобы понять их мировоззрение. Самая известная книга Сайра о мировоззрении — «Парад миров», название которой показывает разнообразие мировоззрений, окружающих нас в плюралистическом обществе: наш сосед может видеть мир совсем по-другому и поэтому жить в «другом мире»! Согласно Сайру, мировоззрение — это «набор предположений о мире, в котором мы живем, которых мы сознательно или несознательно придерживаемся».⁵⁸ Обратите внимание на важный момент: человек может не осознавать свое собственное мировоззрение, оно может функционировать как очки, через которые он видит мир. Очень редко мы смотрим на сами очки. Поэтому любому из нас легко предположить, что мы видим свой мир непосредственно, объективно, нейтрально, пока намеренно не уделяем внимания тому, что весь опыт мира передается через мировоззрение.

Сайр определяет следующие мировоззрения, состязающиеся за первенство:

- христианский теизм;
- деизм (это то, что остается от теизма, когда отказываешься от идеи Бога как личности);
- натурализм (что полностью исключает Бога, но сохраняет веру в независимость человека);
- нигилизм (вытекает из натурализма, когда вера в человеческий разум ослаблена);
- экзистенциализм (пытается пойти дальше нигилизма, подтверждая свою веру в силу человека создать свои идеи добра, правды и красоты);
- восточный пантеистический монизм (в котором мнение Нью Эйдж объединено с экзистенциалистическим восприятием себя);
- постмодернизм (отвергает, что мы можем знать реальность такой, какая она есть, но утверждает, что мы можем преуспеть, главным образом, через использование языка; для постмодерниста «прагматическое знание — это все, что можно и нужно иметь».⁵⁹

⁵⁸ Sire, *Universe Next Door*, 16.

⁵⁹ Там же.

Сайр правильно утверждает, что христиане могут оказать услугу - помочь людям осознать свое мировоззрение. Сайр составил ряд определяющих вопросов, которые помогут определить характер мировоззрения:

- Что такое первичная реальность?
- Какова природа окружающего мира?
- Что значит быть человеком?
- Что происходит в момент смерти?
- Возможно ли вообще что-то знать?
- Как отличить хорошее от плохого?
- О чем говорит история?⁶⁰

Недавно Сайр опубликовал небольшую книгу под названием «Дать имя слону», где он рассматривает нынешние размышления христиан о мировоззрении и уточняет определение, которое он дал раньше: «Мировоззрение — это обязательство, основное направление сердца, которое можно выразить в виде истории или ряда предположений (допущений, которые могут быть истинными, частично истинными или полностью ошибочными), которых мы придерживаемся (сознательно или несознательно, постоянно или непостоянно) об основном законе реальности, и это дает нам то основание, на котором мы живем, движемся и существуем».⁶¹

Есть несколько значительных заключений в пересмотренном Сайром определении, с выразительностью которых мы искренне соглашаемся. Первое, акцент на обязательстве, которое идет не от сознания, а от сердца, относится к его пониманию, что мировоззрение — это, прежде всего, не нечто интеллектуальное и пропозициональное, а скорее дело сердца, духовной направленности, религии. Как Херман Дойеверд и Дэвид Ногл, Сайр придерживается мнения, что в самой своей сути каждый из нас имеет религиозную направленность либо к истинному

⁶⁰ James Sire, *Naming the Elephant: Worldview as a Concept* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2004), 122.

⁶¹ Sire, *Naming the Elephant*, 122; см. также *The Universe Next Door*, 17.

Богу, либо к идолу или идолам: «Просто живя в этом мире, каждый человек поступает и живет по религиозным взглядам».⁶² Второе, Сайр признает, что часто мировоззрение выражается как главная история или основное повествование.⁶³ Мировоззрение не является, прежде всего, рациональной системой убеждений, а скорее историей о мире. Третье, Сайр поставил ударение на «пережитой» природе мировоззрения — оно выражается не только в словах и мыслях, но также в образе нашей жизни. Существует значительное различие между наличием и изложением мировоззрения. У каждого есть мировоззрение, и оно проявляется в жизни, но не каждый может сказать, какое у него мировоззрение.

Хотя реформатские протестанты и евангельские богословы лидируют в применении понятия мировоззрения для выражения всестороннего видения евангелия, богословы из других христианских традиций также внесли значительный вклад, например, римокатолик Романо Гуардини⁶⁴ и восточный православный богослов Александр Шмеман.⁶⁵ По мнению Шмемана, люди должны относиться к миру как священники, которые благословляют Бога в благодарении и поклонении и, наполняя мир этой евхаристией, могут изменять жизнь в подобие Бога. Падение человечества повлекло за собой потерю этой сакраментальной, священнической перспективы на жизнь, но искупление приводит к ее восстановлению. Во Христе «истинная жизнь, потерянная человеком, была возрождена, потому что искупление как новое творение значит, что “во Христе жизнь — жизнь в своей полноте — была возвращена человеку, отдана как таинство и общение, что и стало Евхаристией”... В искуплении мир восстановлен как Божье творение, и люди обретают вновь свое священническое призвание».⁶⁶ Таким образом, Шмеман убеждает христиан свидетельствовать этому миру, изменяя каждую сферу жизни.

⁶² Sire, *Naming the Elephant*, 124.

⁶³ Не совсем понятен комментарий Сайра: «Мировоззрение — это не история или ряд предположений, но оно может выражаться такими способами» (*Naming the Elephant*, 126).

⁶⁴ Romano Guardini, *The World and the Person*, trans. Stella Lange (Chicago: Henry Regnery, 1965); originally published as *Welt und Person: Versuche zur christlichen Lehre vom Menschen* (Würzburg: Werkbund-Verlag, 1939). Еще один хороший источник — комплект CD-дисков Scott Hahn, *Building a Catholic Biblical Worldview* (West Covina, CA: St. Joseph's Communications, 1999).

⁶⁵ Alexander Schmemmann, *For the Life of the World: Sacraments and Orthodoxy*, 2nd ed. (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1973).

⁶⁶ Naugle, *Worldview*, 52, цитируя Schmemmann, *For the Life of the World*, 20–21.

Критика христианского мировоззрения

Несмотря на широкое принятие понятия мировоззрения для того, чтобы дать современное звучание евангелию во всех сферах жизни, подход мировоззрения все равно не обошелся без критики. Здесь мы рассмотрим некоторые из основных возражений против уместности мировоззрения.

Возражение №1:

Подход мировоззрения рационализирует евангелие

Традиция под названием «модерн» слишком превознесла и даже боготворила человеческий интеллект и разум. В модернизме считается, что рациональность — это единственный надежный путь к познанию истины о нашем мире. К традиции и истории относились с подозрением и могли их принять за истину только в случае, если она подтверждалась рациональным анализом. Чтобы противостоять вызову современности, христианам было необходимо дать адекватное (т. е. рациональное) объяснение их веры во Христа. Поэтому в эпилоге своей известной книги «Христианский разум», написанной в 1963 году, Гарри Блемаерс поставил такой важный вопрос:

Будут ли христиане в следующие пятьдесят лет, невзирая на усиливающийся атеизм, углублять и очищать свои христианские обязательства по усовершенствованию личной морали и духовности... или они будут углублять и очищать свои христианские обязательства и на интеллектуальном, и на социальном уровнях, борясь и противостоя не только атеистическим нападкам на личную мораль и жизнь души, но также и атеистическому искаженному и извращенному понятию о значении жизни и цели общественного строя?⁶⁷

Как пророчески увидел Блемаерс (наряду с Орром, Кайпером, Генри и Шаффером), христиане отчаянно нуждались в христианском мышлении. Доказательство того, что евангелие интеллектуально надежно, было важной задачей, а развитие христианского мировоззрения было важной частью этой задачи. Но опасность противления модернизму на его условиях, где рационализм был тем единственным, что

⁶⁷ Harry Blamires, *The Christian Mind* (London: SPCK, 1963), 189.

имело значение, состояла в том, что евангелие или само христианское мировоззрение могло быть сведено всего лишь до интеллектуальной системы взглядов. Излишнее подчеркивание разума может привести к неадекватному пониманию. Мировоззрение пытается выразить нечто намного более глубокое. Мировоззрение заботится о том, чтобы выразить наши глубочайшие религиозные убеждения о мире, которые вытекают из евангелия и библейской драмы. Мы выражаем свои основные предположения о мире, которые вытекают из живых отношений со Христом. Никто более ясно не предостерегает об опасности интеллектуализма, как католический монах Томас Мертон, живший в двадцатом веке. В своей «Созерцательной молитве» он утверждает:

Размышления недостаточно, чтобы исследовать космический порядок и найти себе место в этом порядке. Размышление — это нечто большее, чем получить Weltanschauung (философский взгляд на вселенную и жизнь)... потому что такое размышление может быть не связано с глубочайшими истинами христианства... Мы должны позволить привести себя в состояние благоговейного страха, нагими и незащищенными, туда, где мы одни будем стоять пред Богом в своей незначительности, без объяснений, без теорий, полностью зависимыми от его заботы, крайне нуждаясь в даре его благодати, его милости и просвещении веры.⁶⁸

«Мыслить по-христиански» — это существенная часть выражения христианского мировоззрения, но мышление вытекает из мировоззрения. И наше мировоззрение глубоко соединено с нашей жизнью во Христе. Если мышление «по-христиански» отсоединяется от всего опыта жизни во Христе Иисусе, это ведет к искаженному, интеллектуализированному христианству, лишенному благодати и смирения. Истинно библейское мировоззрение сосредоточено на реальных отношениях с Христом, оно будет так же питать эти взаимоотношения, как и иметь точное критическое мышление, которое вытекает из этих взаимоотношений.

В рамках нынешнего обсуждения опасности интеллектуализации евангелия мы должны отметить нежелание Карла Барта применять понятие мировоззрения для изложения евангелия. В своих рассуждениях о доктрине творения Барт утверждает, что христианское богословие о творении никогда не сможет стать мировоззрением. Но возражение Барта зиждется на его собственном характерном определении самого

⁶⁸ Thomas Merton, *Contemplative Prayer* (London: Darton, Longman & Todd, 1969), 85.

термина «мировоззрение». Он правильно замечает, что христианская доктрина творения основана на благодати, но затем утверждает: несмотря на то, что богословие «обеспокоено только благодатью... (мировоззрение), а небогословское мышление учитывает только такие представления о вселенной, которые возможны для разума без посторонней помощи... богословие должно признать и осознать творение как пользу, потому что это труд Божий в Иисусе Христе, тогда как философия, в сущности, не способна этого сделать».⁶⁹ Если мы допускаем предположение Барта о том, что мировоззрение может постичь реальность только разумом, то, без сомнения, он прав, что евангелие и мировоззрение несовместимы. Но мы не можем согласиться с этим предположением; в самом деле, понятие христианского мировоззрения (в значении, в котором мы раскрываем этот термин), не полагается исключительно на разум, но отправной точкой считает Божье откровение во Христе. Как только христианское мировоззрение воспринимается как истинно христианское, когда евангелие становится отправной точкой и учение о творении воспринимается серьезно, — а центром его является Христос, жало критики Барта теряет свою силу.

Возражение №2:

Подход мировоззрения релятивизирует евангелие

Дильтеевское понимание мировоззрения выдвинуло эту проблему на передний план. С приходом постмодернизма в конце XX и начале XXI веков историцизм и релятивизм девятнадцатого века только укрепил свои позиции. Многие постмодернистские мыслители оставили свои поиски в пользу того, что Шеффер называет «истинная правда» о мире, так как они поверили, что такой не существует.⁷⁰ Однако вместо того, чтобы отчаиваться по поводу отсутствия истины, постмодернисты часто как бы радуются ограничениям в силу какого-то неунывающего нигилизма. Такой подход действительно дает какое-то понимание: он признает, что мы исторически помещены в определенную среду,

⁶⁹ Karl Barth, *Church Dogmatics*, vol. 3, *The Doctrine of Creation: Part 1*, ed. G. W. Bromiley and T. F. Torrance (Edinburgh: T&T Clark, 1958), 343. См. «Творение и завет» в книге: Барт Карл. Церковная догматика. Т. 1. М.: ББИ, 2007.

⁷⁰ Francis Schaeffer, *Escape from Reason: A Penetrating Analysis of Trends in Modern Thought* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1968), 21.

что мы все смотрим на мир через определенные очки, которые влияют на наше восприятие мира и, таким образом, наше понимание этого мира непременно будет разным. Такое множество альтернатив дает место и христианскому мировоззрению наряду с другими, что может показаться положительным моментом. Но при этом христианское мировоззрение принижается до статуса одного из многих, приемлемого настолько, насколько оно действительно подходит человеку. И тут возникает опасность оказаться затынутыми в болото релятивизма.

В среде плюрализма, столь распространенной в XXI веке на Западе, релятивизм — это настоящее искушение, которому христиане должны противостоять. Новый Завет тоже был написан в плюралистичной среде, однако даже и в такой среде он смело заявил, что Христос — наиполнейшее и последнее откровение Божье и (как говорит Ньюбигин) является ключом к разгадке всего творения. Мы должны провозглашать ту же истину, хотя она не всегда будет воспринята доброжелательно. Но это ни в коем случае не отвергает того, что другие мировоззрения могут предложить истинное и глубокое понимание. Однако наше призвание состоит в том, чтобы провозглашать: Христос — истинный свет мира. В то же время мы не должны уравнивать наше понимание мировоззрения с самим евангелием. Выражение нашего христианского мировоззрения не должно содержать критики евангелия. И мы должны настаивать на том, что библейская история — это не просто еще одна история наряду с другими, но что это истинная история мира. Библия нормативна и всеобъемлюща, она излагает истинную историю мира, и этим она противопоставляет себя альтернативным историям, которые пытаются сделать то же. Как утверждает Том Райт: «Вся суть христианства в том, что оно предлагает историю, которая является историей всего мира. Это общедоступная истина».⁷¹

Возражение №3:

Подход мировоззрения отходит от Писания

Система взглядов, которую принимает мировоззрение, может быть орудием мысли, но любое сильное орудие, используемое без должной осторожности (вспомните бензопилу), может стать опасным для человека, который им пользуется. Если наше мировоззрение по нашей не-

⁷¹ Wright, *New Testament and the People of God*, 41–42.

брежности теряет укорененность в Писании, оно становится уязвимым, и его могут использовать в другой истории, не библейской. Возможно, что в процессе разработки библейского концептуального основания корни Писания ослаблены, и основа становится уязвимой для разных идолов наших дней. Мировоззрение, появившееся из библейской драмы, должно снова и снова возвращать нас назад, углубляясь в эту историю, а не наоборот.

Возражение №4:

Подход мировоззрения заменяет надежду на возвращение Иисуса

Мы уже говорили об опасности мировоззрения, которое просто отражает мировоззрение культуры, а не активно знакомится с ней. Библейская история открывает нам полную природу искупления: через Иисуса Христа Бог возвращает свое царствование над всем творением. Когда мы молимся: «Да будет воля Твоя как на земле, так и на небе», мы посвящаем себя на участие в искупительной работе Духа в мире во всех сферах жизни. Такое отношение придает сил и вдохновляет христиан что-то делать для изменения этого мира. Но настоящая опасность заключается в том, что мы можем подумать, что мы сами будем возвещать царство. Мы можем засуетиться, пытаясь изменить этот мир своими силами. Довольно часто мы ошибочно поглощены видением успеха (основной принцип модерна), думая, что если мы будем достаточно усердно работать, то возвестим царство своему поколению. Таким образом, среди посвященных христиан может развиваться чрезмерное увлечение трудом, отражающее идолопоклоннические стремления в окружающей гуманистической культуре.

Возражение №5:

Подход мировоззрения пренебрегает бедными

Зачастую чрезмерная активность, вызванная мировоззренческими размышлениями, исходит из среды большинства, из среднего класса нашей культуры. Это сильная сторона многих христиан, которые всерьез относятся к мировоззрению, — они посвятили себя не побегу от культуры, а труду в рамках культуры, чтобы изменить ее. Христиане, понимающие значение мировоззрения, настаивают на том, что необходима

работа изнутри для того, чтобы изменить структуру и общество наших культур. Всегда присутствует опасность, что мы можем быть заражены и привыкнуть к этой культуре, вместо того чтобы быть инициаторами ее изменения, и мы можем стать бесполезными, как соль, потерявшая свою соленость. Например, христиане, работающие над тем, чтобы изменить нечестные структуры бизнеса, постепенно могут измениться под влиянием действующих сегодня сильных духов в мире бизнеса.

Есть и другая опасность в попытке изменить культурные и социальные структуры: человек может пренебречь теми, кто был изолирован этими структурами. Есть много примеров того, как развитие христианского мировоззрения привело к прекрасным спасительным инициативам. Однако правдой остается и следующее: когда мы думаем об истинно спасительных инициативах для бедных, приходят на ум такие практические действия, как Ларш (L'Arche), основанный Жаном Ванье, где христиане живут вместе с умственно отсталыми и инвалидами, а также вспоминается работа последователей Матери Терезы. В других же случаях мировоззренческая деятельность христиан зачастую обходила стороной бедных и нуждающихся.

Хотя все эти возражения нужно воспринимать серьезно, мы не думаем, что какое-либо из них ставит под сомнение уместность христианского мировоззрения. На наш взгляд, преимущества, которые станут далее более очевидны, намного превышают опасности.

Рабочее определение мировоззрения

В литературе по христианскому мировоззрению есть много определений. Мы предлагаем такое:

Мировоззрение – это формулировка основных убеждений, включенных в общую историю и основанных на вере, которые дают форму и направление всей нашей личной и общественной жизни.

Конечно, тут нужно еще и пояснение. На наш взгляд, все мировоззрения происходят от той или иной главной истории. Таким образом, многие современные науки неявно помещают себя в рамки главной истории, которая началась с «большого взрыва» и привела к эволюции вселенной и к появлению людей, которые хотят управлять природой и человеческой жизнью; в конечном итоге, все неизбежно

находятся на пути к постепенному сворачиванию вселенной, и все это происходит без какой-либо ссылки на живого Бога. Понятно, что это отличается от библейской истории, в которой основной сюжет — творение, грехопадение, искупление. Екклесиаст говорит в Еккл. 3, 11: «Бог вложил вечность, чувство начала и конца, чувство причастности к большей истории в наши сердца, в центр нашего существа, чтобы мы нуждались в большей истории, в которую бы мы поместили меньшие истории своей жизни и культуры». ⁷² Бог хотел, чтобы мы нашли смысл своей жизни через причастность к большей истории, которая дает цель и направление и объясняет наш мир. Важно отметить, что тот, кто отвергает христианскую историю, все же не будет жить без главной истории — он скорее найдет альтернативную главную историю и будет жить по ней. Даже постмодернистский взгляд, который говорит, что главной истории не существует, сам является потрясающим экземпляром главной истории!

Так как мы являемся общинными созданиями, мы неизбежно делимся этими главными историями. Каждый человек вырос в окружении какой-то главной истории, сформировавшей его культуру, возможно даже, неосознанно. Как христиане, мы осознаем, что являемся частью одной святой, вселенской и апостольской церкви, частью народа Божьего, имеющего прошлое и будущее. Мы разделяем одну основную историю со всеми христианами. Мы живем как часть общины, посвященной истине этой истории. Даже западный индивидуализм со своим упором на свободу личности является подходом к жизни, который сегодня разделяют миллионы людей на Западе, и таким образом он стал общим взглядом, дающим выражение общественной жизни западных народов.

Как говорится в Еккл. 3, 11, все люди присваивают главную историю в той или иной форме, потому что мы творение, а не Творец. Наше сердце, религиозная суть нашего существа направлено либо к живому Богу, либо к идолу, и главная история, по которой мы живем, является выражением движения нашего сердца. Главные истории и мировоззрения, в результате, всегда на самом глубоком уровне укоренены в религиозной вере — будь то в живого Бога, в человеческие способности, в какую-то другую часть Божьего творения, в обезличенного

⁷² О Еккл. 3, 11 см. Craig G. Bartholomew, *Ecclesiastes* (Grand Rapids: Baker Academic, 2009).

духа, проникшего в мир, или в любого из множества других идолов, сотворенных людьми.

Во все главные истории включены основные убеждения о мире, ответы на вопросы исключительной важности: «Что такое жизнь? Кто мы? В каком мире мы живем? Что не так с нашим миром? Как все исправить?».⁷³ Ответами на эти важные вопросы являются не философские идеи, а скорее убеждения, часто даже не сформулированные, но твердо закрепленные в определенной главной истории, которую мы разделяем. Эти убеждения достигают слаженности, потому что они просто части одного объединенного видения мира, которое вытекает из этой истории.

Убеждения дают порядок и направление всей нашей жизни, как личной, так и общественной. Мировоззрение не только описывает для нас мир, но также и направляет нашу жизнь в этом мире. Оно не только дает нам понимание о том, каков этот мир (описательная функция), но также действует как путеводитель, указывая, каким мир должен быть и как мы должны жить в мире (нормативная функция).⁷⁴

⁷³ Ричард Миддлтон и Брайан Уолш сформулировали четыре мировоззренческих вопроса: «Где я? Кто я? Что не так? Как все исправить?» (*The Transforming Vision*, 35). Н. Т. Райт предлагает заменить форму единственного числа местоимения «я» на форму множественного числа «мы», чтобы указать, что мировоззренческие взгляды разделяются обществом. Он также предложил добавить пятый вопрос: «Какое сейчас время?», чтобы показать, что мировоззрение — это рассказ, в котором мы находим свое место (*Jesus and the Victory of God, Christian Origins and the Question of God 2* [London: SPCK, 1996], 443n1; see also 467–72. Райт Н. Т. Иисус и победа Бога. М.: ББИ, 2004). Также миссиолог Г. Бавинк говорит о том, что человек «в силу занимаемого им места в мире должен всегда и везде отвечать на одни и те же вопросы. Он должен бороться с основными проблемами, которые его существование влечет за собой» (*The Church between Temple and Mosque: A Study of the Relationship between the Christian Faith and Other Religions* [1966; repr., Grand Rapids: Eerdmans, 1981], 31). Он излагает эти вопросы в пяти пунктах, которые можно найти во всех мировых религиях. Он говорит о следующем: «Я и вселенная», «Я и религиозные нормы», «Я и загадка моего существования», «Я и спасение» и «Я и верховная власть». Мы подумали, что будет полезно поговорить здесь о четырех вопросах, которые обобщают эти пункты: «Какова природа наивысшей реальности? Как мне приобрести спасение? В чем смысл человеческой жизни? Каков источник порядка и как его познать?» Bavinck, *The Church between Temple and Mosque*, 32–33). Мы уже упоминали определяющие вопросы, изложенные Джеймсом Сайером.

⁷⁴ См. James Olthuis, “On Worldviews,” *Christian Scholar’s Review* 14 (1985): 153–64; также издан под тем же названием в книге: Marshall, Griffioen, and Mouw, *Stained Glass*, 26–40.

В христианской истории вера в творение имеет фундаментальное значение. Такая вера значит, что христианский взгляд на мир, в некотором смысле, полностью отличается от разновидности научного мировоззрения, описанного ранее в этой главе. Согласно научному мировоззрению, вселенная — это случайный продукт времени и случая, в то время как с христианской точки зрения мир — это доброе творение Бога Отца, упорядоченный им и носящий на себе следы его мастерства. Очень часто приходится решать, что не так с миром: христианская история, с ее верой в грехопадение, имеет абсолютно иной взгляд на проблему зла, чем взгляд с точки зрения эволюции. Если мы верим, что мужчину и женщину сотворил Бог и что, по его предвидению, брак создан для дружеского общения, тогда мы будем считать брак великим подарком и надлежащим местом для сексуального выражения и воспитания детей. Не имея такой веры, мы можем относиться к сексу как к средству для получения удовольствия, как, например, от вкусной еды — где угодно и с кем угодно. Не только наши идеи, но и поступки будут вытекать из принятого нами мировоззрения.

Главные истории и мировоззрения формируют не только наши личные жизни, но также и судьбу народов и всех общественных сфер человеческой жизни. В Южной Африке апартеид (расистское мировоззрение, согласно которому белые лучше черных) укоренился и сознательно был внедрен в каждую сферу жизни. Белые учились в лучших школах, чем черные, законом было запрещено белым вступать в брак с черными, по закону белые и черные жили в разных районах, лучшие рабочие места отдавались белым и т. д. Оглядываясь назад, трудно поверить, что такое мировоззрение так долго поддерживалось многими. Но пример с апартеидом явно показывает, насколько мировоззрение всесторонне формирует не только нашу личную жизнь, но и жизнь общин и народов.

Наши основные убеждения о мире и человеческой жизни, которые лежат в основе и формируют нашу жизнь, часто обитают в нашем подсознании, невыраженные, но все же реальные. Они действуют как тектонические плиты, лежащие под земной поверхностью, невидимые, но все же имеющие сильный эффект. Вот что говорит Рой Клоузер по этому поводу:

Огромное влияние религиозных убеждений остается в значительной степени скрытым от обычного взгляда, оно относится к остальной

*жизни так же, как большие геологические пласты земной поверхности к континентам и океанам. Движения этих пластов не видны при обычном осмотре любого отдельного ландшафта и могут быть обнаружены с большим трудом. Тем не менее, насколько широки эти пласты, настолько огромна их сила, и их видимый эффект — образование горных хребтов, землетрясения и извержение вулканов — не что иное, как маленькие поверхностные повреждения в сравнении с силой самих мощных пластов.*⁷⁵

Как только эти убеждения вплетены в историю мира, которую мы приняли, они начинают формировать нашу жизнь. Однако мы можем в большей степени осознавать эти фундаментальные убеждения и их влияние, если будем делать следующее: 1) давать краткое изложение главной истории; 2) определять и формулировать основные убеждения этой истории; 3) формулируя, объяснять эти убеждения. Это то, к чему должно привести размышление над мировоззрением.

Постановка вопроса предполагает, что важно сделать ясное различие между обладанием мировоззрения и его формулировкой. У нас у всех есть мировоззрение, в том смысле, что мы все имеем основные убеждения о мире как части большей истории, которая дает порядок для нашей жизни. Но имея их, нужно также суметь сформулировать эту историю и убеждения. Мы подчеркиваем важность осознания этих убеждений, распознавая и формулируя их.

Итак, мировоззрение влияет на историю и основные убеждения, которые являются центральными для нашей главной истории. Это дает нам возможность видеть более ясно их основную связь и понять более полно их смысл. Таким образом, христианское мировоззрение — это извлечение и выражение наиболее полных убеждений, вплетенных в библейскую драму, через которую мы понимаем Бога, человеческую природу и мир. И все же христианское мировоззрение должно также углублять наше понимание истории и основные убеждения, которые формируют нашу культуру. Поэтому необходимо описать и сформулировать вехи западной истории и определить ее основные убеждения.

⁷⁵ Roy Clouser, *The Myth of Religious Neutrality: An Essay on the Hidden Role of Religious Beliefs in Theories* (Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1991), 1.

Связь между Писанием и мировоззрением

На протяжении веков христиане считали необходимым найти способы выражения единства Писания в различных культурах. Один из таких способов — это библейское богословие, которое стремится изложить единство Писания согласно категориям самого Писания, таких как завет и царство. Цель библейского богословия не навязать систематические категории извне, а скорее обнаружить основные категории в самой Библии. В этом смысле наша книга «Драма Писания» (*The Drama of Scripture*) — это упражнение в библейском богословии. Само Писание имеет форму повествования, и мы хотели следовать этому в пересказе истории Библии. Еще один способ выразить единство Писания — проанализировать структуру самых фундаментальных и всеобъемлющих библейских убеждений, включенных или изображенных в библейской драме. Таким образом, христианское мировоззрение излагает основные элементы или убеждения, которые составляют библейскую историю, и показывает, как они объединяются в гармоничное строение. Эти убеждения можно, конечно, проанализировать и дальше, по богословским и философским категориям. Но суть христианского мировоззрения — это то, что библейская история излагает и заключает в себе структуру основных убеждений, которая может быть изложена для направления христиан в их жизни. Структура основных убеждений, присущих библейской истории, предназначена не только для богословов, но для всего народа Божьего. Можно так изложить разные уровни:

- Писание;
- библейское богословие (наш рассказ о библейской истории);
- христианское мировоззрение (изложение полной структуры христианских основных убеждений о том, что включено в драму Писания во взаимосвязи с основными культурными убеждениями);
- систематическое богословие и христианская философия (что влияет на христианские убеждения на теоретическом уровне).

Конечно, эти теории не неопровержимы. Было бы неразумно, например, представить или допустить, чтобы чье-то мировоззрение было наполнено только Писанием и библейским богословием. Как правильно

заметил Дильтей, мировоззрения появляются из жизни и опыта. Мы все имеем мировоззрения, и они были сформированы, частично, как чтением Писания и библейского богословия, так и христианской традицией. Но наши мировоззрения были также сформированы, частично, теми идеями, которые мы впитали, часто неосознанно, из окружающей культуры. Признавая это, мы все же решительно утверждаем, что первичными источниками христианского мировоззрения должны быть Писание и библейское богословие. Вот поэтому «Жизнь на перепутье» следует за «Драмой Писания»: чтобы рассматривать систему взглядов отвлеченно от Писания, необходимо иметь сильное восприятие географии Писания и его повествовательной гармонии. Нам следует быть как можно больше осведомленными об экологии, в которой мы работаем, включая аспекты культуры, в которой мы живем. Но, разрабатывая структуру христианского мировоззрения, мы должны сделать Писание и библейскую драму своими постоянными и нормативными ориентирами. И, поступая так, важно не забывать, что даже на этом уровне мировоззрение — это не Писание, и никогда не сможет его заменить. Мировоззрение будет истинно христианским, если оно выходит из библейской драмы и возвращает нас вновь и вновь к Писанию.⁷⁶

Почему и как мы должны выходить за рамки Писания? Миссионерское повеление

Конечно же, есть здравый смысл, согласно которому мы никогда не сможем и не будем выходить за рамки Писания. Мы используем термин «за рамки» только для того, чтобы сослаться на задачу абстрагирования от Писания и изложения полной структуры базовых убеждений, объединенных в христианской истории. Почему так важно абстрагироваться и сформулировать эти основные убеждения?

Мы уже видели, как Орт и Кайпер были побуждены изложить евангелие как мировоззрение в ответ на мощный вызов противостоящих мировоззрений в их культурном окружении. Другими словами, их порыв был миссионерским: чтобы заинтересовать их культуру евангелием и быть надежными свидетелями Христа, им нужно было показать, что

---

⁷⁶ John Calvin, *Institutes of the Christian Religion*, ed. John T. McNeill, trans. Ford Lewis Battles, 2 vols., Library of Christian Classics 20–21 (Philadelphia: Westminster, 1960), 1:3–5. Это и было целью его введений.

евангелие содержит мировоззрение, обеспечившее реальную и жизненно важную альтернативу влиятельным мировоззрениям того времени. И так было всегда на протяжении всей истории церкви. Нельзя сказать, что отцы ранней церкви в прямой форме воспользовались понятием «мировоззрение», но вскоре им стало очевидно, что если они должны свидетельствовать о Христе в своем греко-римском окружении, то им нужно сформулировать основные христианские убеждения и показать, как они увязываются в надежную систему. Как заметил С. Макдональд об Августине Гиппонском: «Он не был первым человеком, защитившим христианство, как истинную мудрость, искомую философией. Но он был мыслителем, который в переломный исторический момент показал, что христианство может иметь философское понимание, способное дать ответ на философские вопросы философски усовершенствованным образом, и представил его как философски удовлетворяющее мировоззрение, соперничающее с языческими философскими системами».⁷⁷ И, следуя за Августином, Фома Аквинский применил философию Аристотеля для толкования евангелия способами, заслуживающими доверие его современников.

Дело в том, что христиане всегда считали миссионерской необходимостью объяснить гармоничность библейской вести и рационально и последовательно соотнести ее с культурой тех дней. Простая проверка текста не подходит в этом отношении, здесь нужно ощущение того, как соединяются основные убеждения драмы Писания и как можно на их основании развить христианское понимание и критическую оценку тогдашней культуры. Это не значит, что христиане всегда так хорошо это делали. Как мы уже видели в отношении понятия мировоззрения, идеи, концепции и языки сами имеют философский багаж, и если не быть осторожным, то можно дойти до внесения чуждых философий в христианство вместо того, чтобы позволить евангелию изменять культуру.

Апологетика — благоразумное вовлечение мировоззрения в дело достоверного свидетельствования о Христе — и взаимосвязь с обществом в целом требует объяснения логики евангелия, которая идет дальше драмы Писания. Если, например, человек хочет создать бизнес

⁷⁷ S. MacDonald, "Augustine, *Confessions*," in *The Classics of Western Philosophy: A Reader's Guide*, ed. Jorge J. E. Gracia, Gregory M. Reichberg, and Bernard N. Schumacher (Oxford: Blackwell, 2003), 103.

по христианским принципам, ему для работы нужно больше, чем знание библейских стихов. Ему нужно представлять, насколько работа соответствует плану Бога для человечества: каким его задумал Бог, как он был извращен грехом и как труд Христа в нем может направить его в работе, за которую он берется. Мы подробнее рассмотрим этот вид взаимосвязи в последней главе этой книги. А сейчас мы просто отметим, что отправной точкой для подобных размышлений является достижение правильного понимания полной системы взглядов основных убеждений, заложенных в драме Писания. Такая система дает концептуальную опору, на которой создается христианский взгляд на предмет бизнеса и работы сегодня.

Хорошим примером применения христианского взгляда на учебную дисциплину является безукоризненный труд Оливера О'Донована о политической теории и политике сегодня.⁷⁸ Оливер О'Донован подчеркивает, что нам необходимо серьезно воспринимать авторитет Писания, потому что это Божье Слово для всей жизни. Однако чтобы сделать политическое размышление в свете Писания, самой драмы Писания недостаточно. Политическая теория требует идей, и О'Донован настаивает, что эти идеи нужно создавать из Писания; действительно, в «Жажде народов» создание идей О'Донована для политической теории снова и снова возвращало его к Писанию.⁷⁹ Таким образом, на обоих уровнях — академическом и практическом — серьезная христианская взаимосвязь жизни и культуры, то есть христианская задача, требует создания христианского мировоззрения. Поскольку мы живем и думаем, исходя со своего мировоззрения, вопрос не ставится так: придерживаемся мы одного мировоззрения или нет. Напротив, вопрос таков: по какому мировоззрению мы будем жить, думать и работать? Если мы отказываемся создавать христианское мировоззрение и жить по нему, мы останемся уязвимыми к влиянию мировоззрений, существующих в окружающей нас культуре. Но если мы серьезно относимся к своему свидетельству о Господе Христе, с той честностью и глубиной, которой такое свидетельство требует в наше время, то преимуществом

⁷⁸ См. особенно Oliver O'Donovan, *The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).

⁷⁹ См. O'Donovan, *The Desire of the Nations*; see also Craig Bartholomew et al., eds., *A Royal Priesthood? The Use of the Bible Ethically and Politically: A Dialogue with Oliver O'Donovan*, *Scripture and Hermeneutics* 3 (Grand Rapids: Zondervan, 2002).

станет создание и принятие христианского мировоззрения, коренящееся в драме Писания. Наша задача требует этого.

Практическая и теоретическая взаимосвязь с нашей культурой требует создания мировоззрения. Но как конкретно мы должны выходить за рамки Писания? По нашему мнению, путь продвижения — это вынуть из драмы Писания ее ключевые убеждения, в частности, систему творения, грехопадение и искупление, и исследовать, как эти убеждения объединены, с тем, чтобы гарантировать, что на этом дотеоретическом уровне мы оставались настолько близки к Писанию, насколько возможно. Христианское мировоззрение формирует и создает самые базовые, самые фундаментальные, самые полные убеждения библейской истории способом, дающим возможность этим убеждениям стать и линзой, через которую мы можем видеть этот мир, и картой, которая даст нам направление в мире. Создание христианского мировоззрения — это способ, при помощи которого мы можем передать всей жизни самые базовые категории евангелия, таким образом оснащая церковь для выполнения миссионерской задачи. Христианское мировоззрение может положить крепкое основание для сильной культурной взаимосвязи, обеспечив конкретным пониманием и концептуальными средствами для выполнения наших задач в этом мире — дома, в церкви и в обществе. Следующее описание библейского мировоззрения конкретизирует каждое из этих преимуществ.

Библейское мировоззрение. Творение и грех

Если мы действительно верим, что Библия — это данное нам Божье слово, истинная история мира, то очевидно, что наше мировоззрение должно быть укоренено в ней и основываться на ней. В следующих двух главах мы попытаемся ясно изложить библейское мировоззрение.

Иисус Христос, библейская история и мировоззрение

Мы начнем с личности Иисуса Христа и вспомним простое, но в то же время глубокое библейское исповедание ранней церкви: «Иисус — Господь» (Рим. 10, 9; 1 Кор. 12, 3). Это исповедание противоречило общественному признанию, которое объединило Римскую империю: «Цезарь — Господь». В Римской империи господином⁸⁰ называли того, кто обладал абсолютной властью. Когда ранняя церковь говорила «Иисус — Господь», она подразумевала нечто большее, чем просто политическую власть. Греческое слово *kyrios* (господин) использовалось для обозначения еврейского «Яхве» в греческом переводе Ветхого Завета. Яхве было изначальным именем Бога в Ветхом Завете. Таким образом, признать, что Иисус — Господь, означает отождествить Иисуса с Богом истории Ветхого Завета: Иисус является Творцом и Вседержителем мира, Правителем истории, Искупителем и Судьей всего.⁸¹

Это признание раскрывает троичное понимание Бога. Иисус говорит, что был послан Богом Отцом, чтобы возвестить о нем и завершить труд искупления, который он совершал на протяжении всей истории Ветхого Завета. В личности Иисуса и его труде отражается полное присутствие живого Бога в человеческом теле: «Видевший Меня видел Отца... Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце, и Отец во Мне» (Ин. 14, 9-11). Когда Иисус возвращается к Отцу, он обещает не оставлять своих последователей сиротами,

---

⁸⁰ В английском языке используется слово *lord*, которое переводится как «Господь» и «господин». — Прим. перев.

⁸¹ См. Christopher J. H. Wright, *The Mission of God: Unlocking the Bible's Grand Narrative* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2006), 105–21.

но прийти и снова жить среди них в полноте своего присутствия во Святом Духе (Ин. 14, 16-18). Верное библейское мировоззрение начинается с троичного признания: есть один Бог в трех лицах, в центре которых — Иисус Христос.

Исповедать, что Иисус есть Господь, значит признать, что Иисус вместе с Отцом и Святым Духом все сотворил, все поддерживает, правит историей и направляет ее к цели, все восстанавливает и обновляет, и в конце он всех будет судить. Если мы только исповедуем, что Иисус — наш личный Спаситель и пренебрегаем тем, что Иисус — Творец, Правитель, Искупитель и Судия, тогда у нас ограниченное мировоззрение. Библейское мировоззрение требует правильного понимания того, кем является Иисус.

Но библейское мировоззрение предполагает также правильное понимание евангелия. Иисус возвестил благовест о том, что пришло царство Божье, и это известие стало кульминационным моментом длинной истории. Бог действует в любви и силе, чтобы восстановить падшее (но по сути благое) творение и чтобы оно снова жило под благим и милостивым правлением. Бог вновь становится царем. В возвещении о приходе царства мы получаем прекрасный сюжет драмы Писания: 1) Бог (во Христе и Духом) творит мир; 2) грех искажает, извращает и разрушает творение; 3) Бог исцеляет, исправляет и восстанавливает; 4) наконец, Бог примиряет с собою весь мир. В то время как главный акцент в библейской истории делается на Божьем подвиге спасения, включающем как весь Ветхий завет после грехопадения в Быт. 3, так и весь Новый Завет, эта история освобождения и спасения предполагает первые два действия драмы: сотворение мира и его грехопадение. Спасение имеет смысл только тогда, когда мы понимаем: что было спасено и почему оно нуждалось в спасении. Главный сюжет Библии — это история о том, как Бог восстановил творение, обезображенное грехом: сначала было творение, затем грехопадение, а потом восстановление.

В этой главе мы представим фон библейской истории о Божьем труде спасения: творении (что было спасено) и грехе (почему оно нуждалось в спасении).

Творение. Мир, каким его задумал Бог

Часто мы используем слово «творение», чтобы просто указать на Божье действие создания мира в начале: «Что касается происхождения,

я верю в творение, а не в эволюцию». Мы также можем использовать это слово для обозначения всего творения, кроме людей, в нашем материальном мире: «Сегодня мы ходили на прогулку в лес и наслаждались Божьим творением». Использование этого слова в обоих случаях не ошибочно, но они слишком ограничены, очень узки. Библейская история заключается главным образом в восстановлении творения: Бог восстанавливает свое благое творение, чтобы оно вновь жило под его милостивым правлением. Для здорового христианского взгляда на мир необходимо понимать творение как то, что Бог восстанавливает.

Бог Творец

Библейская история начинается с Бога: «В начале Бог...» И какой это Бог! Возможно, для нас, спустя столько тысяч лет после написания этих слов, трудно ощутить сильное воздействие, которое эта вступительная фраза могла оказать на первых слушателей, с их языческими взглядами на богов. Быт. 1 было написано отчасти для того, чтобы опровергнуть языческие представления, преобладающие в то время. Это удивительное начало свидетельствует о том, что было время, когда существовал только Бог; он больше открывает свою сущность, когда раскрывается значение творения. Он единственный Бог (не много богов), он Владыка над всем творением (не мелкое, племенное божество), он несравненный и не имеющий себе равных, благой и добрый, праведный и мудрый (в отличие от капризных и часто злых богов, о которых были противоречивые мнения). Здесь мы знакомимся с Богом, который будет главным действующим лицом в библейской драме.

Библейское мировоззрение, следовательно, должно начинаться с этого Бога; Бога, который показал себя сначала в истории творения, а потом намного полнее открылся на протяжении всей библейской драмы. И пока мировоззрение занято уточнением того, как человек должен правильно воспринимать этот мир (как подразумевает слово «мировоззрение»), человек не может иметь правильное представление о мире, не понимая его Творца, потому что этот мир сотворен, поддерживается, управляется им и наполнен его присутствием, славою и откровением. Учение о творении включает понимание основных взаимоотношений между величественным Богом и всем остальным, поскольку все остальное существует только потому, что он вызвал его к жизни.

Библейские авторы не говорят о том, что Бог сотворил мир и потом удалился от него. Идея отсутствующего Бога — опасная мысль, таящаяся в самой глубине деизма, по мнению которого Бог сотворил мир, как часовщик творит часы. Все, что нужно для самостоятельной работы механизма часов, встроено, и как только часы сделаны, часовщик больше не нужен. Деистический взгляд на Бога представляет его как того, кто вложил законы природы в творение и, таким образом, присутствие и сила Бога больше не нужны творению для его дальнейшего существования.

Но это определенно не библейский взгляд на Бога. Библейская история говорит о Боге, который в каждый момент истории тесно связан с тем, что он творил — живой, присутствующий царь, а не землевладелец, который не живет в своем имении. Божье присутствие наполняет вселенную. Об этом кратко говорил Павел, когда обращался к грекам язычникам в Афинах: Бог сотворил весь мир и все, что в нем, он дает всем людям жизнь и дыхание, а также все остальное, чем они обладают, направляет и руководит историей, правит народами. Его промысел состоит в том, что все люди должны искать его, обращаться к нему и находить его, потому что он близок ко всем нам: «Ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян. 17, 28). Это один из основных принципов истинного библейского мировоззрения: мир наполнен Божьим присутствием. Джон Генри Ньюмен справедливо говорит, что Бог «настолько объединил себя с творением и сблизился с ним своим присутствием, своим провидением, своим воздействием на него и своим влиянием, что мы не можем по-настоящему и полностью созерцать творение без созерцания Бога».⁸²

Если Божье присутствие во вселенной проявляется таким образом, тогда мир полон его славы и величия:

*«Нет даже атома во вселенной, в котором бы не была видна яркая искра его славы». Бог постоянно присутствует в своем творении. Чистый сердцем видит Бога везде. Все наполнено Богом. «Я признаю, что выражение «Природа — это Бог» может использоваться в благочестивом смысле благочестивым разумом».*⁸³

⁸² John Henry Newman, *The Idea of a University* (1873; repr., London: Longmans, Green, 1923), 50–51.

⁸³ Herman Bavinck, *The Doctrine of God*, ed. and trans. William Hendriksen, Twin Brooks Series (Grand Rapids: Baker Academic, 1977), 89. Первое и последнее предложение

В «Божьем величии» (*God's Grandeur*) Джеральд Мэнли Хопкинс говорит об этом так:

*Мир наполнен величием Божьим.
Он вспыхивает, как яркая вспышка шуршащей фольги,
Взрывается полнотой бытия, как масло оливы,
Извлеченное из раздавленного урожая.*

Для Хопкинса Божье величие тесно связано с творением, и оно заявляет о себе так выразительно, как отраженный свет, ослепляющий глаза подобно блеску шевелящейся на солнце золотой фольги. Божье величие подобно электрическому току (эта мысль была очень важной научной новостью в середине XIX столетия, когда Хопкинс написал свой сонет), таящемся в батарее или генераторе, но готовому быть выведенным в спящую электрическую дугу, когда включится переключатель. Божья слава подобна маслу оливковых ягод, которые полностью раскрываются, только когда их собирают и помещают под разрушающую силу давилного пресса — и здесь Хопкинс наводит на мысль о том, что Божье величие было явлено нам в полноте в Иисусе Христе, который также был «раздавлен». Мир пронизан, переполнен и трепещет от славы Божьего присутствия.

Божье присутствие в мире означает также, что он вовлечен во все сферы и события творения. По-видимому, Ньюман вспомнил речь Павла в Деян. 17, когда писал следующее:

Он — полновластный, действующий, независимый, повелевающий; тот, в чьих руках находится все, у которого есть цель для каждого случая, образец для каждого действия, и, таким образом, у него есть свое отношение к теме каждой конкретной науки, которую раскрывает книга знаний; тот, кто с восхитительной, нескончаемой силой соединил себя со всей историей творения, устройством природы, течением мира, началом общества, судьбами народов, деятельностью человеческого разума.⁸⁴

На протяжении всей своей жизни человек встречается лицом к лицу с живым Богом. Вся человеческая жизнь проходит *coram Deo*, «пред лицом Бога», или «в присутствии Бога». Эта латинская фраза

в кавычках из книги: John Calvin, *Institutes of the Christian Religion* I.V.1, 5.

⁸⁴ Цитата из книги: Newman, *The Idea of a University*, 36.

встречается около пятидесяти раз в Вульгате (латинский перевод Библии Иеронимом).⁸⁵ Эта библейская фраза имеет в виду нечто похожее на происходящее в древнем восточном дворе, в тронном зале монарха, где слуги царя предстоят перед ним в почтительном ожидании, всегда сознающие важность его присутствия и готовые исполнить его приказ. Жить *coram Deo* означает жить и осознавать Божье присутствие, откликаться на его слово и быть готовыми служить ему. Таким образом, христианское мировоззрение должно начинаться с осознания Божьего присутствия и его участия в делах мира. Жить в мире, изображенном в Библии, значит жить, трудиться и вручать нашу жизнь в руки самого Бога.

Несмотря на то, что Божье присутствие и промысел наполняют вселенную, Бог не должен отождествляться с творением. Согласно Быт. 1, Бог един, а все остальное — дело его рук. Бог вызывает все творение *ex nihilo*, «из ничего». Главное различие между Творцом и творением, между Богом и всем остальным — это основной вопрос направленности христианского мировоззрения. Ньютон справедливо подчеркивает, что хотя Бог присутствует и работает среди творения, он всевластен и независим от него.

Наше мировоззренческое путешествие начинается с Бога, с его присутствия и промысла в мире, а также с его независимости и полновластия.

Мир как Божье благое и упорядоченное творение

Первая глава книги Бытия много повествует не только о Боге Творце, но также и о том, что он сотворил, и его творение описано как упорядоченное, благое и историческое. Мы рассмотрим каждую из этих особенностей по очереди.

Упорядоченное творение

Бытие показывает нам развитие от темного, бесформенного и пустого творения к прекрасно упорядоченной вселенной, и это все

---

⁸⁵ Вульгата — это ранний перевод Библии на латынь V века, частично сделанный и исправленный Иеронимом. Она стала окончательной и официальной Библией римской католической церкви и оказывала огромное влияние на церковь и общество в Средневековье.

совершено Божьим словом.⁸⁶ Мы читаем, как Бог вызывает к жизни нечто новое с помощью простой фразы «Да будет...». Окончательный результат — многочисленное великолепное творение. «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их» — поет псалмопевец (Пс. 32, 6 ср. Евр. 11, 3). Но божественное слово, которое все вызывает к жизни в первой главе книги Бытия, после этого не замолкает: Бог неизменно и непрерывно поддерживает творение и управляет им. Апостол Петр говорит нам, что мир содержится сегодня «тем же Словом», которым Бог его сотворил (2 Пет. 3, 5-7). Псалмопевец говорит, что Бог «посылает слово Свое на землю; быстро течет слово Его», чтобы падал снег и град, чтобы дул теплый ветер и чтобы таял лед после бури (Пс. 147, 4-7). Библия описывает творение как непрерывный и постоянный отклик на Божье слово, его первичное, оберегаемое и правящее постановление. Брюс Милне хорошо это выражает следующими словами:

*Бог вызвал вселенную к жизни из ничего, и поэтому каждую минуту все находится в подвешенном состоянии над бездной небытия. Если бы Бог отнял свое поддерживающее Слово, то все живое... тотчас провалилось бы в пустоту и прекратило свое существование. Продолжение существования вселенной каждую следующую минуту является поэтому таким же великим чудом и таким же совершенным творением Бога, как само ее сотворение в начале. Собственно говоря, мы все живем «ежеминутно только благодатью Божьей».*⁸⁷

Божьи повелевающие слова охватывают все — как все творение помимо человека, так и всю человеческую жизнь, которая существует и упорядочена согласно Божьему Слову. Что касается всего творения, кроме человека, то увидеть это нам нетяжело. Мы легко можем определить общие стандарты и закономерности, которые обнаруживаем, изучая физику, химию и биологию. Более трудно понять, что вся человеческая

⁸⁶ См. Paul G. Schrottenboer et al., *God's Order for Creation* (Potchefstroom: Institute for Reformational Studies, 1994); Albert M. Wolters, "Creation Order: A Historical Look at Our Heritage," in *An Ethos of Compassion and the Integrity of Creation*, ed. Brian J. Walsh, Hendrik Hart, and Robert E. VanderVennen, 33–48 (Lanham, MD: University Press of America, 1995); David Koyzis, *Political Visions and Illusions: A Survey and Christian Critique of Contemporary Ideologies* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2003), 194–201.

⁸⁷ Bruce Milne, *Know the Truth: A Handbook of Christian Belief* (Leicester: Inter-Varsity, 1984), 74.

жизнь тоже упорядочена Богом, что (как утверждал Абрахам Кайпер) границы Божьего Слова также широки, как и само творение:

Вся сотворенная жизнь обязательно содержит в себе закон для своего существования, установленный самим Богом... Следовательно, существуют Божьи повеления для нашего тела, для крови, которая течет по артериям и венам, а также для наших легких, как органа дыхания. И даже при том, что существуют Божьи повеления в логике, чтобы упорядочить наши мысли, Божьи повеления для нашего воображения в области эстетики, таким же образом существуют строгие Божьи повеления для всей человеческой жизни в области морали.⁸⁸

Это понимание привело Кайпера к утверждению, что вся жизнь должна быть прожита как отклик Богу: «Все, что было сотворено, было сотворено Богом с неизменным законом существования творения. И по той причине, что Бог полностью предписал такие законы и указания для всей жизни, следовательно... вся жизнь (должна) быть посвящена служению ему в строгом послушании».⁸⁹

Не только человек, но и все остальное творение отвечает на Божьи заповеди, но существует основная разница между тем, как откликается все остальное творение и люди. Отклик всего остального творения обязателен: сильный ветер дует по приказанию, а не потому, что он решил дуть; когда солнечные лучи ярко светят весной, лед тает, потому что он должен таять (Пс. 148, 8; 147, 7). Но мужчина и женщина были сотворены Богом с возможностью выбора — это важная сторона его образа в нас. Однако это также означает, что мы можем — и часто это делаем — избирать непослушание его законам в своей жизни. Отклик человеческого создания должен быть свободным, ответственным и творческим, а это также значит, что Божьи правила для человеческой жизни «могут нарушаться по-разному, они также оставляют много места изобретательности и воображению людей, призванных их исполнять».⁹⁰

⁸⁸ Abraham Kuiper, *Lectures on Calvinism* (Grand Rapids: Eerdmans, 1931), 78. Кайпер Абрахам. Христианское мировоззрение. Лекции по кальвинизму. СПб.: Шандал, 2002.

⁸⁹ Kuiper, *Lectures on Calvinism*, 53.

⁹⁰ Albert M. Wolters, *Creation Regained: Biblical Basics for a Reformational Worldview*, 2nd ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 2005), 17. Уолтерс Альберт. Обновленное творение. Библейские основы реформатского мировоззрения. К. — СПб.: МАХИЦ, 2002.

Люди воплощают и осуществляют Божий порядок в отдельных исторических и культурных ситуациях. Для творческих откликов существует много свободы и места. В то время как определенные эмоциональные отклики соответствуют данным ситуациям (напр., радость — это приемлемый отклик на Божьи благословения), существует широкий спектр способов, как разные люди могут выражать радость (южноамериканское или африканское народное выражение радости, скорее всего, будет более ярким и бурным, чем европейское или североамериканское), но каждое из этих выражений может быть подходящим в свое время и в своем месте, чтобы верно отразить Божий порядок для человеческой жизни.

Отсюда очень важный вопрос о том, как нам узнать Божью волю относительно эмоциональной жизни, материального благополучия, брака, творчества. Как нам узнать, согласуются ли гомосексуальные союзы с Божьим порядком относительно брака или нет? Как нам узнать, является ли демократия верным политическим строем? Как мы можем понять, на какой стадии капитализм соответствует Божьему закону о процветающей экономической жизни? Насколько системы наших школ придерживаются Божьего закона о качественном образовании? Существует ли искусство, которое не соответствует Божьей воле относительно эстетической жизни?

Распознать Божий порядок будет всегда сложно, но существуют руководящие указания. В начале такого распознавания нужно осознать, что это работа Божьего Духа, а не просто вопрос нашего рационального мышления. Дух творения использует способы, с помощью которых сообщает нам Божью волю. Первый — это само Писание: что сказано в Библии относительно данного вопроса? В некоторых сферах может быть много прямых указаний, но в других — мало. Например, Бог дает Израилю закон в Ветхом Завете, конкретное выражение Божьего порядка для человеческой жизни в определенном времени и месте в истории. Подобным образом, и в Новом Завете послания Павла полны наставлений молодым церквям, которые он насадил. Они также предлагают следование Божьему порядку, установленному в отношении творения, для жизни тех церквей на определенном отрезке истории. Однако всегда существует опасность того, чтобы задавать Библии вопросы, на которые она не дает ответы, а также бездумного перенесения норм из другого времени в наше. Писание, наделенное божественной властью, предлагает понимание Божьей воли для его людей в разные

периоды истории, поскольку Божий порядок, данный творению, для человеческой жизни тверд и неизменен.

Существуют другие правила, которые помогут нам понять Писание и распознать Божью волю в творении. Например, мы часто закрываем глаза на Божий неизменный порядок для нашей жизни из-за наших местных культурных и богословских предубеждений, но внимательное выслушивание христиан с другими конфессиональными традициями, из иного культурного окружения и другого исторического времени может показать нам нашу слепоту. Кроме того, когда мы видим твердый и неизменный образец, неизменный в любое время и в любой культуре, это может предостеречь нас от искажений и отступлений от этой закономерности. Более того, Божий завет с творением означает, что послушание приносит благословение, а непослушание приносит осуждение (Втор. 30, 15-20). Распознавание жизни и смерти, благословения и проклятия в наших делах может помочь нам увидеть Божий путь. Наконец, Бог вложил в сознание каждого из нас ощущение божественного порядка, которое Альберт Уолтерс определяет как «подсознательная гармоничность нормативности творения».⁹¹ Все это может направлять нас, но правила эти не являются автоматическими. Каждое из этих утверждений может быть неправильно использовано для того, чтобы оправдать зло. Вот почему, вне сомнения, Павел так часто молится о том, чтобы церковь возростала в премудрости, разумении и познании (Еф. 1, 15-23; Флп. 1, 9-11; Кол. 1, 9-12).

Еще один способ распознать Божий порядок, заложенный при творении для человеческой жизни, образец, по которому мы можем осознавать его царствование над нами и, таким образом, наслаждаться его благословением — это использовать библейский язык мудрости, который Джеральд фон Рад определяет как «практичное знание законов жизни и мира, основанное на опыте».⁹² Мудрость — это открытие порядка творения, находящегося как в природе, так и в обществе, и это подразумевает готовность жить в соответствии с этим порядком. Божья мудрость проявляется в порядке, который он установил в творении; настоящая человеческая мудрость проявляется в распознавании и следовании этому порядку. Гордон Спайкмен отмечает: «Наше призвание

⁹¹ Wolters, *Creation Regained*, 29.

⁹² Gerhard von Rad, *Old Testament Theology*, trans. D. M. G. Stalker, 2 vols. (New York: Harper & Row, 1962–1965), 1:418.

состоит в том, чтобы организовать нашу жизнь в Божьем мире — будь то за кафедрой или в политике, в академической среде или в сфере бизнеса — сообразно с благим порядком, который установил для нашей жизни он сам».⁹³

Книга пророка Исаии указывает нам на связь между творением и мудростью:

*Приклоните ухо, и послушайте моего голоса;
будьте внимательны, и выслушайте речь мою.
Всегда ли земледелец пашет для посева,
бороздит и боронит землю свою?
Нет; когда уравниет поверхность ее,
он сеет чернуху, или рассыпает тмин,
или разбрасывает пшеницу рядами,
и ячмень в определенном месте, и полбу рядом с ним.
И такому порядку учит его Бог его;
Он наставляет его.
Ибо не молотят чернухи катком зубчатым,
и колес молотильных не катают по тмину;
но палкою выколачивают чернуху,
и тмин — палкою.
Зерновой хлеб вымолачивают,
но не разбивают его;
и водят по нему молотильные колеса с конями их,
но не растирают его.
И это происходит от Господа Саваофа:
дивны судьбы Его, велика премудрость Его! (Ис. 28, 23-29)*

Этот земледелец знает природу семени, присущую творению, и землю, с которой он имеет дело, также он знает наилучшие способы засеивания этих семян, уборки урожая и молотбы. Но земледелец знает все это в силу своего опыта работы с Божьим упорядоченным творением. Бог наставляет земледельца, говорит Исаия, но он не использует Писание, чтобы сразу так и сделать, наоборот, мудрость — Божье наставление — приходит, когда земледелец распознает и следует порядку, который он наблюдает в Божьем творении.

⁹³ Gordon Spykman, *Reformational Theology: A New Paradigm for Doing Dogmatics* (Grand Rapids: Eerdmans, 1992), 180.

Творение и мудрость относится к человеку и всему остальному творению. «Израиль не проводит различия между “житейской мудростью”, которая лежит в области норм общественного порядка, и “природной мудростью”, которая согласуется с так называемым естественным правом».⁹⁴ Другими словами, границы значения слова «творение» были намного шире для ветхозаветного Израиля, чем для нас в наши дни. Творение включает культурные и социальные стремления людей и таким образом охватывает всю человеческую жизнь — личную, общественную, культурную. Общественные институты не просто индивидуально сформированы; культурные образования всегда действуют в пределах границ Божьего порядка, который делает эти институты возможными. Например, Писание ясно учит, что брак, как культурное и общественное установление, был создан Богом, чтобы принять его с благодарением (1 Тим. 4, 3-4); подобно и о политической власти говорится как о сотворенной или предопределенной Богом (1 Пет. 2, 13).⁹⁵ Таким образом, мы должны чтить то, как Бог сотворил брак и политическую власть. Мудрость распространяется на всю человеческую и культурную жизнь.

Весьма хорошее творение

На протяжении всей истории творения мы слышим часто повторяющиеся слова: «И увидел Бог, что это хорошо». А кульминация истории: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1, 31). Что следует после этого — хорошо далеко не все, конечно, но Бытие настаивает, что совершенство творения, исходящее из Божьей руки, не содержит ни тени зла. В противовес этому, языческие истории о сотворении рассказывают о мире, состоящем из добра и зла, порядка и беспорядка. По мнению язычников, добро и зло являются частью самого материала этого мира. С библейской точки зрения, зло подобно пятну на чистом полотне творения: оно приходит позже и не

⁹⁴ Gerhard von Rad, *Wisdom in Israel*, trans. James D. Martin (Nashville: Abingdon, 1972), 71.

⁹⁵ Уолтерс справедливо отмечает: «“Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа” (1 Пет. 2, 13); выделенное курсивом слово является переводом греческого слова *ktisis*, обычное библейское слово, обозначающее “создание” или “творение”. Кажется очевидным, что гражданские власти основываются на Божьем повелении» (*Creation Regained*, 25–26).

присуще природе мира, его можно вывести без изменения сути того, что оно обезобразило.

В Новом Завете апостол Павел выступает против еретического верования в то, что физическая сущность есть зло, что пища и секс (так очевидно принадлежащие нашему материальному существованию) также по сути являются злом. Апостол страстно протестует против такой точки зрения: учить подобным вещам, утверждает Павел, значит оставить веру, последовать духам заблуждения и принять учение, преподанное дьяволом. Правда в этом вопросе, настойчиво утверждает Павел, совершенно другая: брак и пища были созданы Богом «дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение Божье хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением» (1 Тим. 4, 1-5).

В первой главе книги Бытия Бог заявляет, что каждое отдельное творение «хорошо»; когда творение завершено, Бог говорит, что все «весьма хорошо». Из этого мы можем сделать вывод, что всякое творение — хорошо, но гармония всего творения вместе — весьма хорошо; совокупность лучше, чем каждое творение в отдельности:

Творение — это симфония, где можно найти разнообразие созданий, каждое из которых восхваляет Творца согласно своей уникальности, отличающейся от творений другого «типа». Лань должна служить Господу как лань, ель — как ель. Разница в служении зависит от разницы в Слове, обращенном к ним. Ответ творения на всеобъемлющее Слово — служение. Мне это представляется как симфония голосов, в которой каждый род творения выполняет свою уникальную функцию в важном существовании общего.⁹⁶

Эта гармония должна присутствовать также и в культурном, общественном и личном измерении жизни человечества. Технология и искусство, учебные заведения и бизнес, воображение и чувство — все это является соответствующими звуками в симфонии Божьего творения. Каждое из них — хорошо, поскольку соответствует Божьему замыслу для творения, а вместе они весьма хороши, потому что вместе служат ему в гармонии. Идолопоклонство, разногласие и какофония возникают

⁹⁶ Bernard Zylstra, "Thy Word Our Life," in *Will All the King's Men . . . : Out of Concern for the Church, Phase II*, ed. James Olthuis (Toronto: Wedge, 1972), 157.

тогда, когда мы берем одну сторону творения и возносим ее в положение, выходящее за рамки предопределенного Богом места для этого творения. Совершенство в творении — это вопрос соответствия Божьему порядку в его разнообразии (Божьи слова) и его гармонии (Божье Слово).

Историческое творение

Наконец, первая глава книги Бытия описывает творение не как законченное, а скорее как развивающееся и движущееся в истории к определенной цели. Стабильный порядок и историческое развитие не противоречат друг другу.

Бог благословил Адама и Еву поручением подчинить землю и владычествовать над нею (Быт. 1, 28). Это основа Божьего замысла этого мира. Сначала Бог планировал, что историческое развитие творения должно продолжаться в человеческом развитии богатого потенциала Божьего творения через ответственную культурную деятельность людей. Вся культура и общество, вся человеческая цивилизация — это ответ на этот божественный мандат. Сначала творение было как здоровый новорожденный ребенок. Оно было «весьма хорошим» в том смысле, что с ним было все в порядке, как с новорожденным; оно было совершенным и здоровым во всех отношениях. Но здоровое новорожденное дитя должно продолжать расти и развиваться. Так же и с творением: Божий замысел сначала состоял в том, что творение должно раскрыться, развиваться и двигаться по направлению к цели.

Человеческий мятеж врывается в историю сразу же, как только человечество начинает развивать свой скрытый потенциал творения, однако этот мятеж не разрушает исторической структуры мира. Оно также не изменяет значение истории. Скорее, когда Бог ступает на длинную историческую дорогу искупления, он делает это именно для того, чтобы вновь восстановить и подтвердить первоначальную цель и значение истории. Библия повествует об историческом развитии творения как о переходе от сада в город, от Едема в новый Иерусалим, в который будут принесены все культурные сокровища истории (Откр. 21, 24-26).⁹⁷ Этот прекрасный город, цель истории, — это труд Божьего искупления,

⁹⁷ Hendrikus Berkhof, *Christian Faith: An Introduction to the Study of the Faith* (Grand Rapids: Eerdmans, 1979), 523, 543; idem, *Christ the Meaning of History* (Grand Rapids: Baker Academic, 1966), 188–92.

восстановления всего творения, включая историю, для достижения назначенной цели.

Таким образом, последовательность порядка творения и динамика раскрытия этого творения присущи библейскому мировоззрению. В самом деле, историческое развитие возможно только потому, что Бог дал повеление своему творению и остается верным своему слову.

Роль людей в Божьем творении

Человечество как Божий образ

История творения развивается красиво, в изложении используется повторение и ритм. «И Бог сказал: “Да будет...” и стало так... И увидел Бог, что это хорошо... И был вечер, и было утро — день один... второй день... третий день...». Уже привыкаешь к спокойному, размеренному темпу истории, пока этот темп не нарушается и внимание не-переключается на другое: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему» (Быт. 1, 26). Здесь происходит что-то новое. Бог, Царь над всем, объявляет всему царскому двору, что собирается создать творение по своему образу, чтобы самому управлять сотворенным. Мы достигли кульминационного момента в истории, и это тоже является важным для христианского мировоззрения. Что значит быть человеком? Какова роль людей в библейской истории? Кто мы?

Несомненно, характеристика человечества и его роли в мире, изложенная в Быт. 1, шокировала бы первых слушателей этой истории. Они запутались в языческом мировоззрении, в чьих мифах изображалась совершенно иная картина того, что означает быть человеком: в их историях люди были всего лишь дикарями, рабами богов, сотворенные только для того, чтобы служить. Это относилось ко всем смертным, кроме царя и иногда родовой знати, которые, как исключение, считались образом Бога. Утверждение, что люди — все люди, а не только цари, — были сотворены по образу Бога, было бы ужасающим.⁹⁸

Для автора книги Бытия говорить о человечестве, как о сотворенном по образу Бога, значило бы, во-первых, утверждать о зависимой

⁹⁸ См. Gunnlaugur Jónsson, *The Image of God: Genesis 1:26–28 in a Century of Old Testament Research*, trans. Lorraine Svendsen, rev. Michael S. Cheney, Coniectanea biblica: Old Testament Series 26 (Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1988), 143–44; J. Richard Middleton, *The Liberating Image: The Imago Dei in Genesis 1* (Grand Rapids: Brazos, 2005), 93–145.

жизни творения. Генри Блошер отмечает, что «образ — это всего лишь образ. Он существует только по происхождению. Это не оригинал, и в то же время не что-то, не имеющее оригинала. Человеческое существо как образ подчеркивает радикальную природу своей зависимости».⁹⁹ В самом деле, повеление не есть плод дерева познания добра и зла было неизменным напоминанием о зависимости человека как части творения (Быт. 2, 16-17).

Во-вторых, быть Божьим образом значит иметь взаимоотношения с Богом. Согласно Книге Бытия, не только царь имеет доступ к богам, все человечество имеет взаимоотношения с одним Богом Творцом. И если Бог постоянно повелевает всему творению своим словом, тогда человеческая жизнь предназначена для того, чтобы всегда откликаться на его повеления. Повиновение Богу, жизнь в общении с ним и любовь к нему являются неотъемлемыми элементами того, что значит быть человеком.

В-третьих, быть Божьим образом — значит отражать Бога, быть таким, как он, отражать его характер. Мужчины и женщины не принадлежат к божественной природе, но они являются ограниченным, человеческим отображением безграничного Творца. Подобно Богу, люди могут, например, видеть, слышать, думать, любить, искать справедливости, гневаться и проявлять милость. Однако не только этими способностями мы отображаем Бога, но и тем, как мы их используем. Имеет значение то, что мы думаем, что мы любим, как мы пользуемся нашими глазами и ушами, что нас раздражает. Кроме того, мы отображаем Бога не только индивидуально, но также совместно. Некоторые подражают ему, поступая, как отцы, которые проявляют сострадание, выслушивая других, следуя в своих поступках его примеру.¹⁰⁰

Это «богоподобие» дает нам возможность познать, возлюбить, поклоняться и наслаждаться Богом, так как мы можем в некотором роде понять, кто он и что он делает. То, что мы сами отцы или имеем отца, помогает нам понять, что значит для Бога быть нашим Отцом; проявление сострадания помогает нам понять Божье сострадание. Тесная связь между отражением Бога и его познанием видна в комментарии

⁹⁹ Henri Blocher, *In the Beginning: The Opening Chapters of Genesis*, trans. David G. Preston (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984), 82.

¹⁰⁰ См. Anthony Hoekema, *Created in God's Image* (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 100; Richard J. Mouw, *When The Kings Come Marching In: Isaiah and the New Jerusalem* (Grand Rapids: Eerdmans, 1983), 47.

Блошера о том, что мы есть «образ божественной Славы... которую человечество как отображает, так и созерцает».¹⁰¹ Поскольку человечество отображает Божью славу, мы можем также созерцать ее.

В-четвертых, отображать Бога означает быть представителем Бога в творении, быть как бы членами его правления, управляющими. В Библии управляющий изображен как наставляющий. Такой человек был ответственен за управление от имени хозяина, не для собственного удовольствия, но скорее для благосостояния семейства, в соответствии с желаниями хозяина. В конце своей службы управляющий обязан отчитаться в том, как он руководил от имени хозяина. Человечество было призвано именно к такому виду управления над всем остальным Божьим творением, но не в Божье отсутствие, а скорее при постоянном общении с ним.

Из этих составных частей образа Божьего становится понятным: сама сущность человеческого существования — духовна. Человеческая жизнь зависит от Бога и устремлена к нему. Люди были сотворены, чтобы поклоняться, познавать, любить, наслаждаться, благодарить и повиноваться Богу. Будучи его образом, мы тесно связаны с ним. Мы стоим перед выбором: либо стараться жить по своей истинной природе в близких отношениях и общении с ним, либо разрушить задуманные им отношения. Нет такого варианта, чтобы человеческая жизнь протекала отдельно от Бога, вся человеческая жизнь — это отклик Богу: или общение с ним, или мятеж против него.

Человеческая жизнь является не только духовной, она также и социальна. Наряду с повторяющимися позитивными утверждениями о благодати творения, мы слышим потрясающие слова: «Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18). Люди не были сотворены для одиночества: «С самого начала человек был задуман не просто как существо, а как социальное существо; человеческая жизнь достигает своей полной реализации только в обществе».¹⁰² Уже в Бытии 1 есть намек на такую общественную сферу, когда автор говорит: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27). Настоящая человеческая жизнь — это жизнь в отношениях не только с Богом, но и с другими людьми.

¹⁰¹ Blocher, *In the Beginning*, 85.

¹⁰² Blocher, *In the Beginning*, 96.

Задача человечества. Мандат творения

Сотворив человека по образу своему, Бог благословил его и сказал: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте...» (Быт. 1, 28). Здесь человечество получило поручение от Бога со словами благословения: владычествовать и обладать творением.¹⁰³ С этих слов и началась история.

Повествование Бытия 1 раскрывается в трех стадиях. Первая стадия обозначена в первых двух стихах. Здесь Бог вызывает к жизни творение, и мы узнаем о нем три вещи: оно темное, бесформенное и пустое. Вторая стадия завершает начатую работу: тьма уступает место свету (первый день), бесформенность превращается в небо, землю и моря (второй и третий дни), пустота дает дорогу полноте живого творения (четвертый-шестой дни). И когда, наконец, как вершину своего творения Бог сотворил человека и призвал его владычествовать и обладать творением, он недвусмысленно предлагает человеку продолжить свою работу над развитием творения.

Мужчины и женщины будут в послушании призыву Господнему продолжать формировать и наполнять мир, сотворенный им, взяв на себя задачу развития общества и культуры. Мы можем отнести период, когда человечество участвует в Божьей работе, к третьей стадии творения.

На второй стадии Бог запечатлел свою славу на творении посредством своей собственной творческой работы формирования и наполнения. Теперь, в третьей стадии, чтобы продолжить эту работу, Бог создает творение, подобное ему. Он лепит из нас несовершенную, но божественную печать, чтобы и дальше, по мере развития творения, оставлять на нем след своей славы. Вся культурная и социальная задача человечества заключается в раскрытии славы Бога, скрытой в потенциале творения.

Некоторые люди увидели в призывании владычествовать и обрабатывать землю разрешение на тиранию, и обвиняют именно это место

---

¹⁰³ Для толкования этих слов как благословения см. Clarence Joldersma, эпилог к книге: *Educating for Life: Reflections on Christian Teaching and Learning*, by Nicholas Wolterstorff, ed. Gloria Goris Stronks and Clarence W. Joldersma (Grand Rapids: Baker Academic 2002), 296; John Stek, "What Says the Scripture?" in *Portraits of Creation: Biblical and Scientific Perspectives on the World's Formation*, by Howard J. Van Till et al. (Grand Rapids: Eerdmans, 1990), 251.

Писания в экологической проблеме, с которой мы сейчас столкнулись во всем мире.¹⁰⁴ Но в Бытие 1 мы, напротив, видим картину заботливого управления, владычества с любовью, где мотивом сердца является служение: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2, 15). Эти два слова — «возделывать» и «хранить» — подводят итог прекрасному призванию, данному человеку. Мы должны работать, чтобы обнаружить и развить потенциал творения, создавать взаимоотношения и общественные учреждения, делать инструменты, здания и все, из чего состоит человеческая цивилизация. Но поскольку мы сейчас (в XXI веке) живем в мире, где развитие пошло таким путем, что подвергает опасности все остальное творение, мы должны ставить решительное ударение на втором слове Божьего повеления, данного нам: хранить. Развивая творение, мы должны защищать и хранить его. Джонатан Чаплин говорит так: «Мы можем давить из винограда сок, но не загрязнять виноградник. Мы можем разрабатывать сложную технику и технологии, но не за счет полезного труда человека. Мы можем есть плоды любого дерева в саду, но не опрыскивать деревья вредными химикатами ради быстрого дохода».¹⁰⁵

Бог — любящий Отец, он наполнил творение добрыми дарами, ожидающими, когда их обнаружат и будут ими наслаждаться. Перед нами стоит прекрасная задача, которая открывает путь к жизни с избытком. Божье творение — это «свидетельство заботливой руки Творца, простертой, чтобы оберегать благополучие своего творения; Отца, отдающего вселенную, полную благословений, своим детям».¹⁰⁶ Нашим откликом на этот дар должна быть любовь, благодарность и радость.

Настоящий Шалом

Еврейские пророки для описания ожидаемого обновления творения использовали слово, которое по праву может быть использовано и здесь для описания первоначального творения: *шалом*. Часто это слово переводится просто как «мир», но оно значит намного больше, чем просто отсутствие враждебности. *Шалом* описывает творение таким,

¹⁰⁴ Lynn White, "The Historical Roots of Our Ecologic Crisis," *Science* 155 (1967): 1203–7.

¹⁰⁵ Jonathan Chaplin et al., "An Introduction to a Christian Worldview" (unpublished course material, Open Christian College, 1986), 53.

¹⁰⁶ Spykman, *Reformatioal Theology*, 178.

каким оно должно было быть: преуспевающая жизнь, благоденствие, где наши отношения с Богом, друг с другом и с остальным творением были бы богатыми и процветающими.¹⁰⁷ *Шалом* характеризуется справедливостью, любовью, благодарностью и радостью:

Сплетение Бога, людей и всего творения в справедливости, полноте и удовлетворении – это то, что еврейские пророки называют шалом... В Библии «шалом» значит «всемирное благополучие, единство и улада» – состояние дел, при которых естественные потребности удовлетворяются и природные дары продуктивно используются; состояние дел, вдохновляющее на радостное изумление, так как их Творец и Спаситель открывает двери и приветствует творение, в котором Его благоволение. Другими словами, «шалом» – это то, как все должно быть... В состоянии «шалом» каждое существо имеет свою полноту или структурную целостность и каждый также имеет создающие отношения с другими существами.¹⁰⁸

Шалом – это Божий замысел при творении. Как любящий Отец, он желает этого, и только этого, для своего творения.

Грех. Разложение благого творения

Предательство в саду и его последствия

Первое, открывающее действие драмы Писания показывает нам, что творение – весьма хорошо. Все находится в надлежащем состоянии. Второе же действие – это трагическая история бунта человека, когда был нарушен *шалом* Бога.¹⁰⁹ После того как грех вошел в мир, все вдруг стало не так, как должно было быть.

В Бытии 2 Бог поселяет Адама и Еву в саду, где все, что они могли захотеть, было дано им в изобилии, но плод «дерева познания добра и зла» был запрещен. Почему Бог дал такое повеление? Дерево

¹⁰⁷ Николас Уолтерсторфф делает акцент на этом аспекте *шалом*: «Шалом включает наслаждение в чьих-то взаимоотношениях. Пребывать в шаломе означает наслаждаться, живя праведно перед Богом, наслаждаться, живя праведно среди людей, находить удовольствие в праведной жизни с близкими людьми и наслаждаться, даже живя праведно с самим собой» (*Educating for Shalom: Essays on Christian Higher Education* [Grand Rapids: Eerdmans, 2004], 23).

¹⁰⁸ Cornelius Plantinga Jr., *Not the Way It's Supposed to Be: A Breviary of Sin* (Grand Rapids: Eerdmans, 1995), 10.

¹⁰⁹ Plantinga, *Not the Way It's Supposed to Be*, 7.

должно было бы им напоминать об их статусе творения. Адам и Ева и дальше бы наслаждались полнотой Божьего творения, если бы только продолжали подчиняться Богу, доверять его слову и повиноваться ему. Это повеление сосредоточивает внимание на полноте Божьей власти: Адам и Ева должны научиться повиноваться только по той причине, что так сказал Бог. Их постоянное повиновение должно было помочь им понять свое место — место послушных детей, покорных созданий, Божьего образа — уникальная привилегия среди всего Божьего творения, но все же творения.

Бог позволяет сатане предложить Адаму и Еве другое слово, по которому нужно жить. Сатана вызывает сомнение в Божьей благодати: «Подлинно ли сказал Бог?..», возбуждает недоверие: «Не умрете...», зажигает воображение альтернативой и иллюзией: «Откроются глаза ваши, и вы будете, как боги...». Выбрав для жизни слова сатаны и отвергнув слова Божьи, Адам и Ева совершили акт предательства и непослушания против своего Творца. В этом выборе «человек не захотел быть зависимым. Он отказался повиноваться и захотел стать независимым. Повиновение больше не является руководящим принципом его жизни, им стало самостоятельное знание и воля. В связи с этим он перестает осознавать себя творением».¹¹⁰

Всей человеческой жизни был причинен вред. Уже в первых главах библейской истории грех возрастает зловецим крещендо и отзывается в каждой части человеческой жизни.¹¹¹ Согласно книге Бытия, Адам и Ева отвернулись от Бога (Быт. 3, 8, 23-24). Их отношения друг к другу стали предметом служения себе, а не бескорыстной любви (Быт. 3, 16).¹¹² В результате греха работа стала тяжелой (Быт. 3, 17). Случилось отвратительное братоубийство, разрушившее семью (Быт. 4, 8). Полигамия искажает предназначение для брака (Быт. 4, 19). Начинается работа

¹¹⁰ Gerhard von Rad, *Genesis: A Commentary*, trans. John H. Marks (Philadelphia: Westminster, 1961), 78.

¹¹¹ Plantinga, *Not the Way It's Supposed to Be*, 30.

¹¹² Брюс Уолтке отмечает: «Как результат грехопадения и Божьего суда над людьми женщина жаждет управлять своим мужем, а он стремиться господствовать над ней (Быт. 3, 16)» («The Role of Women in Worship in the Old Testament,» <http://www.ldolphin.org/waltke.html> [accessed February 14, 2008]). См. также Susan T. Foh, «What Is the Woman's Desire?» *Westminster Theological Journal* 37 (1975), 374–83; idem, *Women and the Word of God: A Response to Biblical Feminism* (Phillipsburg, NJ: Presbyterian & Reformed, 1979), 68–69.

с металлом (Быт. 4, 22), но вскоре металл начали использовать для войны. Становится очевидным искажение поэзии, когда Ламех написал прекрасный стих, но использовал его для прославления убийства и мести (Быт. 4, 23). Нечестие людей становится таким великим, что Бог пожалел о том, что сотворил людей, и обещает истребить их с лица земли (Быт. 6, 5-7). Но потоп не смывает скверный запах греха — всякое помышление человеческого сердца остается злым (Быт. 8, 21 ср. Быт. 6, 5). Весь этот печальный беспорядок достиг своей вершины у Вавилонской башни, где мы видим, как грех извратил общение, архитектуру, урбанизацию и религию. Главы Быт. 3—11 написаны отчасти для того, чтобы показать, каким мрачным стал мир в результате греха Адама и Евы.

«Тебе, Тебе единому согрешил я»

У нас есть склонность преуменьшать тяжесть, масштаб и силу греха, часто сводя его всего лишь к личному непослушанию. Но грех больше, он «очень злобный и смертельный враг, раздражительная и упорная сила, которую нужно *знать* для того, чтобы *победить*».¹¹³ Когда мы осознаем, насколько творение вдохновлено Божьим присутствием, мы сразу же понимаем, что грех — первый и самый главный противник Бога. Давид кратко исповедует: «Тебе, Тебе единому согрешил я» (Пс. 50, 6). Человечество сотворено так, что все наше сотворенное существование должно быть сосредоточено в Боге и направлено к нему. Когда мужчины и женщины отходят от Бога, они не прекращают быть религиозными, они просто свою религиозную преданность обращают на нечто другое, на какую-то другую сторону творения. Как говорит Павел: «Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца» (Рим. 1, 25). Чаплин добавляет: «Если люди неизбежно религиозны, вечно побуждаемы искать объект поклонения, тогда падение не может быть охарактеризовано только как бунт *против* справедливого Господа: его нужно описать дальше, как *замену религиозной преданности*».¹¹⁴ Если люди отвергают Бога, они найдут что-то

¹¹³ G. C. Berkouwer, *Sin*, trans. Philip C. Holtrop, Studies in Dogmatics (Grand Rapids: Eerdmans, 1971), 235; см. также 235—322; см. также Plantinga, *Not the Way It's Supposed to Be*.

¹¹⁴ Chaplin et al., "An Introduction to a Christian Worldview," 64.

другое в качестве центра своей жизни, а новый центр — это то, что Библия называет идолом.

Тесная взаимосвязь между идолопоклонством и прелюбодеем, отмеченная в Писании, помогает нам увидеть религиозную и межличностную природу греха. Муж имеет право на полную верность своей жены, а жена — мужа. Брак — особенные отношения, не признающие третьей стороны. Грех изображен в Писании как религиозное прелюбодеем: третья сторона (какой-то идол) проник в эти особые отношения и извратил их.¹¹⁵ Грех — религиозный и межличностный, он направлен против Бога.

Иначе говоря, грех — это бунт детей против любящего Отца, который сотворил для них мир, чтобы они наслаждались и радовались ему. По своей доброте и щедрости Бог создал своих детей, определив им высокое место в творении, и призвал их иметь близкое общение с ним, исследовать, хранить, радоваться и развивать творение. Грех — это неблагодарный отказ признавать любовь и благость Бога. Это высокомерное заявление, гласящее: мы сами знаем, что лучше для нас. Это предательство — не против законной, хотя и далекой власти, а скорее против любящего, щедрого, вездесущего Бога. Это жизнь, отвергнувшая Божий верный замысел.

И ты понесешь наказание за свое идолопоклонство

Хотя грех, в первую очередь, это преступление против Бога, грех также и преступление против творения, человеческой жизни, *шалом*, здоровья, успеха, целостности и процветания человека. Иеремия записал слова Господа о поклоняющемся идолам Израиле: «Но Меня ли огорчают они? говорит Господь; не себя ли самих к стыду своему?» (Иер. 7, 19). Брайан Уолш и Ричард Миддлтон комментируют, что «неповиновение противоречит самой сути творения. Грех — это бунт, как против строения, так и против Строителя реальности. Такой бунт неизбежно обречен на провал и саморазрушение».¹¹⁶

Понятие завета — такое важное в библейской истории — помогает нам понять, как грех может вызвать нарушение целостности нашей

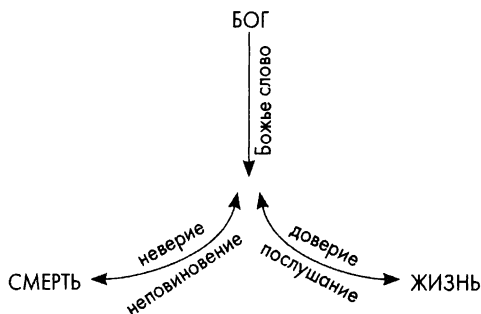
¹¹⁵ См. книгу пророка Иеремии, 3 и книгу пророка Осии.

¹¹⁶ Brian J. Walsh and J. Richard Middleton, *The Transforming Vision: Shaping a Christian World View* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984), 67.

жизни и отношений. Моисей сформулировал эту структуру завета как раз тогда, когда Израиль готовился войти в обетованную землю:

«Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего, которые заповедую тебе сегодня, любить Господа Бога твоего, ходить по путям Его и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею; если же отворачивается сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им, то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете... жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие» (Втор. 30, 15-19).

Как показывает диаграмма (см. илл. 2), Бог дает нам свое слово. Если мы откликнемся на него с доверием и послушанием, мы обречем жизнь, благоденствие и благословение. Если же нашим откликом будет неверие и неповиновение, мы испытаем смерть, истребление и Божье проклятие.

Илл. 2. Структура завета

Грех — это сила «обольстительная, компрометирующая, активная, динамичная и разрушающая».¹¹⁷ В седьмой главе Послания к Римлянам Павел описывает грех как личную силу, действующую в жизни человека, силу, завладевающую возможностями. Она врывается в жизнь, обманывает, ведет войну, порабощает и приводит к смерти. Она изменяет направление нашей преданности от Бога к какому-либо идолу, стремится к нашему уничтожению, скрывает свою ужасную натуру

¹¹⁷ Berkouwer, *Sin*, 235, 240, 259.

от нас, увлекая нас к смерти, она искажает и извращает Божье благое творение». ¹¹⁸ «Грех — это сила, которая ищет господства и уничтожения всех и вся». ¹¹⁹

Связь греха и творения

Тогда как же нам понять отношение греха к искуплению? Мы начнем с рассмотрения отношения греха к Божьему благому творению на примере паразита и его «хозяина». ¹²⁰ Паразит — это организм, который живет за счет крови другого, «незванный гость, высасывающий пищу из своего хозяина». ¹²¹ Грех живет за счет Божьего благого творения. Он прилипает к творению и искажает, извращает и разрушает его. Он использует само строение и движение творения для своих собственных злобных целей. Как говорил Клайв Льюис: «Добро, если можно так сказать, существует само по себе, зло же — это испорченная добродетель. Прежде чем что-то доброе будет испорчено, оно должно существовать». ¹²² Герман Бавинк говорит, что грех — «это ничто, и ничто не может существовать без созданий и сил, сотворенных Богом, однако он все это организывает в открытый бунт против него. Грех не уничтожает творение: мир человеческой культуры остается... частью Божьего благого творения, но грех искажает его и разлагает». ¹²³ Уолтер говорит о грехе, как о силе, которая дает неправильное направление каждой части Божьего благого творения. ¹²⁴ Таким образом, грех не разрушает, например, экономическую сферу творения, он искажает ее, и вместо того, чтобы быть слугой, творение становится жадным и эгоистичным. Грех не уничтожает силу средств массовой информации, он использует ее для передачи искаженного взгляда на мир. Грех

¹¹⁸ Плантинга раскрывает грех в его порочной силе тройным способом: грех искажает и искривляет творение так, что оно ни к чему не пригодно; грех портит и отравляет творение; грех приносит разрушение и упадок.

¹¹⁹ Berkouwer, *Sin*, 262, где автор описывает аргументацию Бавинка в работе последнего: *Gereformeerde Dogmatiek*, III, 125.

¹²⁰ Существует длинная история, восходящая к Августину, об осуждении греха на основе *privatio*. Августин сказал, что зла «не существует, кроме как в отсутствии добра» (*Confessions* 3.7.12). См. обсуждение в книге: Berkouwer, *Sin*, 256–67.

¹²¹ Plantinga, *Not the Way It's Supposed to Be*, 89.

¹²² C. S. Lewis, *Mere Christianity* (New York: Macmillan, 1952), 49.

¹²³ Herman Bavinck, *Gereformeerde Dogmatiek*, III, 126, quoted in Berkouwer, *Sin*, 262.

¹²⁴ Wolters, *Creation Regained*, 53–68.

не уничтожает сексуальности, он изменяет направление сексуального желания в неправильное русло. Итак, в каждом случае мы должны различать добрый замысел каждого творения и то, что получилось в результате искажающей и извращающей силы греха.

Масштаб греха

Грех оскверняет и обезображивает каждую пядь творения. Он пятнает людей в их личной жизни, в эмоциях, размышлениях и в речи; многие стихи Библии осуждают личную безнравственность — обман, воровство, прелюбодеяние, ропот, похоть, жадность и т. д. Но грех бывает не только личным, он бывает и коллективным. Так как люди живут в обществе, они могут выражать совместную верность идолам. С грехопадением человека центр каждой культуры находится в некой форме коллективного идолопоклонства, которое определяет все стороны общественной и культурной жизни и объединяет их в бунте против Бога.

В книге «Помощь чрезмерно развитому Западу» Боб Гоудзвард говорит о «трех основных библейских правилах»: 1) «каждый человек служит богу (богам) в своей жизни»; 2) «каждый человек преобразается в образ своего бога»; 3) вместе «человечество создает и формирует структуру общества по своему образу».¹²⁵ И дальше он конкретизирует эту мысль: «В развитии человеческой цивилизации человек формирует, создает и изменяет структуру своего общества, и, поступая так, он изображает в своей работе намерение своего собственного сердца. Он добавляет к структуре этого общества *нечто от своего собственного образа и подобия*. И этим он открывает нечто из своего образа жизни, своего собственного *бога*».¹²⁶

И, наконец, грех касается и искажает не только человеческую жизнь, но также и все остальное творение. Апостол Павел так это объясняет: «потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее... вся тварь совокупно стонает и мучится доньше» (Рим. 8, 20.22). Не только человеческая жизнь скверная, жестокая и короткая, такова жизнь и всего остального творения. Кризис окружающей среды — горькое тому подтверждение. Опубликовано огромное

¹²⁵ Bob Goudzwaard, *Aid for the Overdeveloped West* (Toronto: Wedge, 1975), 14.

¹²⁶ Goudzwaard, *Aid for the Overdeveloped West*, 15.

количество фактов о проблемах окружающей среды, указывающих на разрушение озонового слоя, глобальное потепление, кислотные дожди, утрату биологической разнородности, загрязнение воздуха, воды и почвы токсическими химическими отходами, вырубку леса и прочего. Истинно, Божье благое творение стает под бременем греха.

Заключение

Прежде чем мы оставим тему греха и завершим эту главу, стоит сказать пару оптимистических слов. Первое, грех не принадлежит к Божьему творению, он случаен. Грех определенно запятнал ткань творения, но это пятно можно вывести, и Бог поставил себе цель удалить его. Второе наблюдение: даже до завершения окончательного восстановления творения Бог не позволяет греху вести свою полную разрушительную работу. Господь остается верным и продолжает сдерживать опустошительное воздействие греха. Супруги до сих пор любят друг друга, родители все еще воспитывают своих детей в любви, политические власти, в какой-то мере, продолжают стремиться к справедливости, искусство все еще отображает нечто от *шалом* Божьего благого творения. Честность, дружбу, любовь и радость все еще можно найти в Божьем мире. Некоторые богословы называют эти доказательства Божьего сдерживающего влияния на грех «общей благодатью».¹²⁷ Бог не оставил свое творение, нечто из его начальной благодати все еще можно видеть.

И наше третье и последнее наблюдение: сила греха, какой бы она ни была большой и смертельной, сокрушена еще большей силой — животворной силой евангелия. «Благая весть» — это не просто богословское послание для ума, но это «сила Божья ко спасению», в которую нужно поверить и пережить (Рим. 1, 16; 1 Кор. 1, 18; 2, 4-5). В конечном счете, у греха нет шансов устоять против Бога. Для сокрушенного мира, который принадлежит Богу — это воистину благая весть!

¹²⁷ Дж. Беркоувер пишет: «Жизнь на этой земле еще не раскрывает всех последствий греха. Кальвин говорит об «общей благодати», и в таком контексте он рассуждает о добродетелях, которые видны также и в жизни неверующих. Он не хочет приписывать это явление к оставшейся благодати в природе, как будто отступничество от Бога не было настолько серьезным, но скорее он распознает здесь силу Бога в откровении и в благодати, (сберегая жизнь от полного разрушения)» (“General and Special Divine Revelation,” in *Revelation and the Bible*, ed. Carl F. H. Henry [Grand Rapids: Baker Academic, 1959], 20 ?1)

ГЛАВА 4

Библейское мировоззрение. Восстановление

Какой была реакция Бога на греховный бунт Адама и Евы? Бог разгневался, и справедливо разгневался! Все его творение теперь было подвергнуто разрушению из-за глупого мятежа тех, кого он с любовью сотворил, чтобы они наслаждались жизнью рядом с ним. Если мы исключаем Божий гнев из библейской истории, то мы упрощаем как грех, так и Божью любовь к своему творению. Но гнев — это не последнее слово. Бог не отвернулся от своего бунтующего мира, он принимает его в любви. Божьими бескорыстными, жертвенными и самоотверженными действиями движет неизменная любовь завета. Исходя из этой любви, Бог обещает сокрушить все злые силы, высвобожденные Адамом и Евой. И, в продолжение истории, Бог так возлюбил этот мир, что отдал своего собственного сына за него.

Спасение — история полного восстановления творения

Библейское мировоззрение должно отметить три особенности Божьей спасительной работы. Во-первых, спасение последовательно: Божий труд искупления начинается с рассвета человеческой истории, и мы еще не достигли ее заката. Во-вторых, спасение восстанавливающе: Божий труд спасения касается восстановления погибающего творения, возвращения его на предназначенный для него путь. В-третьих, спасение всеобъемлюще: вся человеческая жизнь и все остальное творение являются объектами Божьей восстановительной работы. Он планирует вернуть в свое царство никак не меньше, чем весь мир. Если сказать проще, то спасение — это восстановление всего Божьего благого творения.

Искупление последовательно

Бог мог бы, щелкнув пальцами, немедленно исцелить творение, но он так не сделал. Вместо этого Бог начал длинный путь искупления, путешествие, продолжающееся и поныне. В нашей книге «Драма

Писания» мы проследили путь искупления в этой истории в четырех действиях: Израиль, Иисус, церковь и новое творение.¹²⁸

Последовательное раскрытие библейского повествования — это история искупления на фоне творения и греха. Эту историю можно описать как миссию — Божью миссию, миссию Израиля, миссию Иисуса и миссию церкви. Кристофер Райт описал это лаконично: «Библия представляет нам историю исполнения Божьей миссии через Божий народ в единстве с Божиим миром ради всего Божьего творения».¹²⁹ Божья миссия — это его долговременная цель, или задача, по восстановлению всех народов, всех наций, всей социальной и культурной жизни и всего остального творения от беспорядка, который внес грех. Это постепенно раскрывается через его труд в жизни Израиля, в личности и служении Иисуса, и продолжается до сего дня в миссии церкви.

Искупление восстанавливает

Библейская история искупления касается восстановления и исцеления Божьего благого творения. Чтобы хорошо понять эту библейскую идею, поучительно было бы сравнить ее с идеей греческого философа Платона, чьи убеждения, хотя и основанные на полностью языческом мировоззрении, часто перенимались христианами. (Мы более полно рассмотрим длинную историю сильного влияния Платона на христианскую мысль в следующей главе). По мнению Платона, спасение:

- вертикально (наша судьба вверху, в небе);
- потусторонне (наши души спасены в ином духовном мире);
- дарует избавление (мы спасены не как часть этого мира, а скорее от этого мира).

Но истинное христианское мировоззрение противоречит взглядам Платона по каждому из этих пунктов, поскольку, согласно Библии, цель спасения:

---

¹²⁸ Краткое изложение этой истории см. в статье: Craig Bartholomew и Michael Goheen, “The Story-Line of the Bible”, которую можно найти на сайте: <http://www.biblicaltheology.ca/>.

¹²⁹ Christopher J. H. Wright, *The Mission of God: Unlocking the Bible’s Grand Narrative* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2006), 23.

- горизонтальна (мы ожидаем в дальнейшем обновления творения);
- от этого мира (творение должно быть возрождено духовно);
- неотъемлема от Божьего основного замысла для этого мира (не нужно никакого избавления).

Доводы в пользу того, что спасение — это восстановление творения, можно подытожить следующим образом:¹³⁰

- Творение — весьма хорошо, такое, каким задумал его Бог. Как сказал Альберт Уолтер: «Бог не творит ненужного и не выбирает того, что сотворил».¹³¹
- Люди сотворены для того, чтобы жить в среде творения. Мы сотворены, чтобы жить не как духи в каком-то нематериальном мире, а как воплощенные люди в этом мире.
- Материальность творения — это не проблема, проблема — грех. Божий искупительный труд заключается в том, чтобы удалить грех, заразивший творение.
- В Ветхом Завете (и особенно в пророческих обещаниях) будущее царство описано как восстановленная жизнь в рамках нового творения.
- Иисус провозглашает евангелие царства. Ни один еврей, читающий Ветхий Завет (как и сам Иисус), не представлял себе царство как нечто неземное или духовное. Именно Бог действовал в силе и любви, чтобы поразить грех, смерть и сатану и восстановить свое творение.

¹³⁰ См. Michael W. Goheen, "(Re)New(ed) Heavens and Earth: The End of the Story." Смотри статью на сайте: <http://www.biblicalthology.ca> (accessed February 14, 2008); J. Richard Middleton, "A New Heaven and a New Earth: The Case for a Holistic Reading of the Biblical Story of Redemption," *Journal for Christian Theological Research* 11 (2006): 73–97 [also available at http://www.luthersem.edu/ctrf/JCTR/Vol11/Middleton_vol11.pdf]; Michael Williams, "A Restorational Alternative to Augustinian Verticalist Eschatology," *Pro Rege* 20, no. 4 (June 1992): 11–24.

¹³¹ Albert M. Wolters, *Creation Regained: Biblical Basics for a Reformational Worldview*, 2nd ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 2005), 49. Уолтерс Альберт. Обновленное творение. Библейские основы реформатского мировоззрения. К. — СПб.: МАХИШ, 2002.

- Воскресение Иисуса — это указание на то, что мы можем ожидать для себя. После своей смерти Иисус пошел, чтобы быть со своим Отцом (ср. Лк. 23:43), но возвратился через свое воскресение, как предвестник грядущего. Мы также в смерти с Господом, но воскреснем в последний день в своих телах.
- Библейские понятия искупления, восстановления и обновления — все указывают на восстановление благого творения в том состоянии, которое было для него предназначено.
- С самого начала целью сатаны было разрушение и уничтожение Божьего мира. Окончательное уничтожение творения означало бы для сатаны его победу; победу, которую Бог не собирался допустить.
- Спасение предполагает неразрывность между первоначальным и восстановленным творением.

Есть еще два пункта, которые следует учесть. Во-первых, восстановление не означает возвращение к незрелому состоянию творения, как это было в Эдеме. Уолтер говорит о восстановлении, а не о возвращении к первоначальному состоянию, что «повлечет за собой *культурное* возвращение в Эдемский сад, возвращение, которое повернет вспять часы истории. Такое действие было бы исторически реакционным или регрессивным».¹³² Восстановление же затрагивает обновление всего творения, включая историческое и культурное развитие, происходившее с начала истории.

Во-вторых, хотя преимущество очень важна в спасении, между начальным творением и его восстановлением все же есть новое. Ричард Миддлтон комментирует: «В 1 Кор. 15 Павел указывает на разницу между нынешним смертным телом и телом воскресшим, аналогичной разнице между семенем и взрослым растением. Также и Евангелия изображают воскресшего Иисуса способным проходить сквозь стены и, возможно, материализоваться при желании. Тем не менее Иисус узнаваем, он все та же Личность, он даже ест рыбу на берегу вместе с учениками, что наводит на мысль о фундаментальной неразрывности между творением и искуплением».¹³³

¹³² Wolters, *Creation Regained*, 77.

¹³³ Middleton, "A New Heaven and a New Earth," 75–76.

Искупление всеобъемлющее

Писание очень ясно утверждает, что искупление относится не только к отдельным личностям или просто к их душам. Петр объясняет слова пророков на основе полного обновления: «Которого (Иисуса) небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века» (Деян. 3, 21). Сам Бог объявляет в конце библейской истории: «Се, творю все новое» (Откр. 21, 5). Об этом Павел также ясно говорит:

Открыв нам тайну Своей воли по Своему благоволению... дабы все небесное и земное соединить под главою Христом (Еф. 1, 9-10).

Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем (Христе) обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собой все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное (Кол. 1, 19-20).

Божье обновление касается всех сторон человеческой жизни, но оно также простирается и на остальное творение. Павел изображает все остальное творение как стенающее в ожидании обновления, ожидая времени, когда придет окончательное освобождение Божьего народа, потому что оно также будет освобождено от рабства греха. Природа больше не будет страдать от насилия, вместо этого лев будет лежать рядом с ягнятами. Как сказано в прекрасном рождественском гимне «Радуйся, мир»: спасение «жизнь дает, снимает гнет во всех концах земли».¹³⁴

Последовательное раскрытие Божьего полного восстановления

Задачей ветхозаветного Израиля было олицетворение полного восстановления

Израиль был избран Богом, чтобы стать светом народам, быть тем, чья общественная жизнь (*шалом*) указывала бы на первоначальный замысел Бога в отношении людей. Таким образом, Бог стремился направить

¹³⁴ См. прекрасную книгу Michael Williams, *As Far as the Curse Is Found: The Covenant Story of Redemption* (Phillipsburg, NJ: Presbyterian & Reformed, 2005).

их жизнь в определенное историческое и культурное русло согласно своему творческому замыслу. И мы находим это, как минимум, в трех источниках: Торе, литературе мудрости и пророчестве.

Закон Ветхого Завета, или Тора, охватывает все стороны человеческой жизни: и поклонение Богу, и взаимоотношения между людьми, и обращение с животными. Образ жизни, изображенный в ранних книгах Ветхого Завета, — это культурная и историческая контекстуализация Божьего неизменного порядка творения.¹³⁵ В нем мы получаем реальный исторический взгляд на то, как следует жить Божьему народу согласно Божьей воле в определенном месте и времени.

В литературе мудрости Ветхого Завета притчи указывают путь к жизни с избытком в Божьем мире в каждой стороне человеческого бытия, включая дружбу, сексуальность, деньги и общение. Но это наставление простирается дальше личной жизни — в восьмой главе книги Притч Премудрость взывает на площади к Израилю и просит выслушать ее, после чего привести свою социальную, законодательную и политическую жизнь в соответствие с тем, что является истинным и правильным в Божьем мире.¹³⁶ Соответственно и общественная жизнь Израиля должна была соответствовать Божьему творческому замыслу, чтобы он как народ проявлял Божью справедливость и праведность среди окружающих его народов.

И, наконец, то, какой должна быть жизнь в восстановленном Израиле, слышится в громоподобных речах пророков, судящих народ, чья социальная, политическая и экономическая жизнь не смогла олицетворить Божьих замыслов в отношении него (напр., Ам. 5, 7-15). Все это: закон, мудрость, пророки — были Божьими дарами Израилю, средством наставления в том, как им осуществлять его творческий замысел.

Провозглашение Божьего царства Иисусом знаменует полное восстановление

Главной задачей миссии Иисуса является благовестие и открытие царства Божьего. Благая весть состоит в том, что Бог действует, чтобы поразить всякое противодействие его *шалому*, чтобы вновь подтвердить свое праведное правление над всем творением. Это мы ясно видим

¹³⁵ См. Wolters, *Creation Regained*, 40.

¹³⁶ Gerhard von Rad, *Wisdom in Israel*, trans. James D. Martin (Nashville: Abingdon, 1972), 159.

в жизни, поступках и словах Иисуса, так как они говорят о грядущем царстве. Он атакует зло во всех его проявлениях: боль, болезнь, смерть, одержимость бесами, аморальность, самоправедность без любви, незаслуженные привилегии, разрушенные человеческие отношения, голод, бедность и смерть.¹³⁷ Мощные деяния Иисуса показали, что в царстве, которому он полагает начало, зло будет искоренено и Божье благое творение будет полностью восстановлено и возвращено на путь истинный.

Большинство слов и деяний Иисуса относятся к человеческой жизни, все стороны которой Бог восстанавливает до ее первоначального состояния *шалом*. Спасение — это восстановление всех сторон жизни человека: религиозной, политической, экономической, социальной и физической.¹³⁸ И также его великие дела, или чудеса, направляются на сферу человеческой жизни. Но дела Иисуса также указывают на восстановление всего остального творения, а не только человека. Колин Гантон отмечает, что так называемые чудеса природы (например, умирение бури в Мк. 4, 35-41), «не имеющие, на первый взгляд, особого значения, в действительности являются признаками Божьего восстановления своего верного правления над всем творением... активного восстановления правления Бога над творением в порабощении зла».¹³⁹

Полное восстановление совершено в смерти Иисуса и ознаменовалось в его воскресении

Смерть Иисуса оповестила о поражении каждого врага Божьего владычества и о восстановлении прав всего творения жить опять под этим правлением. В Писании есть много образов, описывающих, что совершилось в результате смерти Христа. Один образ, который Джон Драйвер называет «конфликт-победа-освобождение»,¹⁴⁰ взят из военной жизни. Победа — это кульминация жестокого конфликта из-за творения,

¹³⁷ David Bosch, *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission* (Maryknoll, NY: Orbis, 1991), 33. Бош Дэвид. Преобразование миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб.: Библия для всех, 1997.

¹³⁸ Шеффлер пишет, что у Луки спасение имеет шесть граней: экономическая, социальная, политическая, физическая, психологическая и духовная ("Suffering in Luke's Gospel" [DD diss., University of Pretoria, 1988], 57–108; cited in Bosch, *Transforming Mission*, 117).

¹³⁹ Colin Gunton, *Christ and Creation* (1992; repr., Eugene, OR: Wipf & Stock, 2005), 17–18.

¹⁴⁰ John Driver, *Understanding the Atonement for the Mission of the Church* (Scottsdale, PA: Herald, 1986), 71–86.

разыгравшегося между Богом и силами зла. Крест — это место, где происходит основная битва и достигается триумф — парадоксальным образом, через бесчестие и унижение. Эта победа освобождает все творение и всю жизнь человечества от злых сил, поработивших их (Ин. 12, 31-33; Кол. 2, 15; Откр. 7, 7-12).

В евангельском христианстве Северной Америки существует тенденция рассматривать крест Христов очень индивидуально и лично: «Иисус умер за меня». По словам Лесли Ньюбигина, мы «приватизируем этот великий труд благодати и говорим так, как будто вся мировая драма спасения достигает кульминации в словах: “за меня, для меня”¹⁴¹. Но мы не должны упускать из виду тот факт, что в распятии Бог поражает силы, порабащивающие как культурную и социальную, так и личную жизнь. Безусловно, есть правда в том, что Иисус умер за нас, но это слишком узкий взгляд на истину. В библейской драме Иисус умирает за весь мир, за каждую часть человеческой жизни, за все остальное творение. Крест — это событие, посредством которого определен курс всемирной истории.

Воскресение Иисуса — это зарождение грядущего века, в котором Бог изменит всю вселенную. Для иудеев I века воскресение виделось как крупномасштабное событие, которое произойдет в конце истории, когда Бог восстановит все творение, включая физическую жизнь человечества. Но ни один иудей I века не ожидал, что человек воскреснет в середине истории. Авторы Нового Завета, осмысливавшие значение воскресения Иисуса в иудейском контексте, пришли к выводу, что в Иисусе началась жизнь царства последнего времени. Он — начало, первенец из умерших, первый плод окончательного восстановления. В нем началось Божье владычество над всем творением.

Полное восстановление, данное прославленным Христом в Духе

Воскресший Иисус занял приготовленное для него место правителя над всем творением, как ее законный Господь, воплощение живого

¹⁴¹ Leslie Newbigin, *The Gospel in a Pluralist Society* (Grand Rapids: Eerdmans, 1989), 179. Ньюбигин использует прошедшее время — приватизировал, говорил, завершил — но по литературным причинам мы изменили время на настоящее. Сравните резкую критику христианства философом-нигилистом Фридрихом Ницше: «Спасение души — это, по сути, то же, что и: “смотрите, как мир вращается вокруг меня”» (*The Antichrist*, aphorism 43).

Бога, который (в отличие от Цезаря в Риме) истинно обладает всей властью над всем творением (Флп. 2, 9-11). Начинается владычество Бога, и Иисус сейчас действует, принося полное обновление своим Духом.

Пятидесятница — это ниспослание Духа. С тех пор, как пророки возвестили, что будет излияние Духа (в последние дни), чтобы осуществить Божье всемирное обновление (Иез. 36, 24-38; Ис. 42, 1; Иоил. 2, 28-32), Петр толкует события Пятидесятницы как сообщение о начале этой эры (Деян. 2, 14-21). Дух — это дар будущего спасения, посланный ныне.¹⁴² Посредством Духа будущее перетекает в настоящее, полное спасение царства последнего времени начинается в Духе сейчас.

С излитием Духа царство Божье уже здесь, но оно еще не наступило в полноте. Два образа подчеркивают это переходное состояние. Дух — это залог (2 Кор. 1, 22; 5, 5; Еф. 1, 14), наподобие аванса в торговле, гарантирующего полную выплату позже. Это не долговое обязательство и не долговая расписка, а скорее реальные деньги, гарантия честности и обещание, что позже будет выплачена вся сумма. Также и Дух — он не только является обещанием будущего царства, он уже настоящий подарок, здесь и сейчас. Спасение Божьего царства реально чувствуется в нынешней работе Духа — его радость, *шалом*, праведность и познание Бога несет обещание о том, что полнота Божьего милосердного царствования еще грядет.

Дух также изображается как первый урожай — о нем говорят, как о «начатке» царства спасения (Рим. 8, 23). Первый собранный урожай сельскохозяйственных культур: зерна, фруктов или кукурузы — указывает на остальной будущий урожай. Обе эти иллюстрации говорят о том, что мы уже сейчас имеем будущее спасение, а также ожидаем его полноты в будущем.

Нам дан дар Духа, чтобы мы олицетворяли это всеохватывающее спасение ради этого мира. Нам было дано предвкушение спасения, чтобы мы могли предварительно увидеть то, что грядет в будущем.

¹⁴² Дух как дар, который приближает царство последнего времени — это твердо установившаяся концепция богословской науки. Например, см. Neill Q. Hamilton, *The Holy Spirit and Eschatology in Paul*, Scottish Journal of Theology Occasional Papers 6 (Edinburgh: Oliver & Boyd, 1957), 17; Hendrikus Berkhof, *The Doctrine of the Holy Spirit* (Richmond: John Knox, 1964), 105.

Миссия церкви — провозглашение полного восстановления

Миссия церкви уполномочена Иисусом

До того, как был дан Дух, Иисус уполномочил своих учеников продолжить его миссию — известить о Божьем владычестве над всем творением. Поручение продолжить миссию, которое Иисус дал ученикам после воскресения, представлено в Евангелии от Иоанна: «Как послал Меня Отец, (так) и Я посылаю вас» (Ин. 20, 21). Иисус вдохнул Дух в учеников, чтобы уполномочить их на выполнение миссии таким образом, как он указал им.¹⁴³ Вся их жизнь должна была проходить под Божьим руководством. Как и Иисус, они должны были показывать признаки будущего царства в познании Бога, в жизни, в любви и в противостоянии силам, противящимся Божьему заботливому руководству над всей жизнью.

Вершиной истории об Иисусе, записанной у Матфея, стало его последнее поручение, данное ученикам: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века». (Мф. 28, 18-20). Часто эти слова неправильно истолковываются, как поручение только евангелизировать или ехать в другие страны проповедовать евангелие. Конечно же, евангелизация и миссионерство важны, но здесь идет речь о чем-то большем. Ученики сами должны подготавливать других учеников, которые, в свою очередь, тоже повиновались бы всем повелениям Иисуса, а также должны помогать воспитывать последователей Иисуса так, как Иисус их воспитывал.

В продолжение миссии Иисуса, его ученики также взяли на себя миссию Израиля. Та же миссионерская особенность, которая сформировала Израиль, людей, олицетворяющих Божье творческое намерение (Исх. 19, 3-6), теперь стала особенностью новозаветной церкви (1 Пет. 2, 5-9). Но социальные обстоятельства церкви Нового Завета радикально отличаются, и понимание этого важно для создания библейского мировоззрения. Церковь, в отличие от Израиля, проникла

¹⁴³ См. Lesslie Newbigin, *Mission in Christ's Way: A Gift, a Command, an Assurance* (New York: Friendship Press, 1987).

в каждый народ и культуру человечества. Божий народ больше не принимает форму независимой и отдельной нации, живущей по своему социально-политическому закону на своей собственной земле. Сейчас это общность, которая должна жить среди разных народов и разных культур, и насущным вопросом для нее является следующий: как церковь может оставаться верной под всеобъемлющей властью Божьего Слова, олицетворяя его всеохватывающее обновление, и в то же время жить среди народов, где господствуют иные мировоззрения и силы?

Царство и церковь

Иисус возвестил о пришествии царства, но, в действительности, появилась церковь. Как нам следует понимать взаимосвязь первого и второго?

Иисус возвестил добрую весть, что наступило царство Божье, что теперь люди могут покаяться, принять Богом предложенное искупление и испытывать благословение его правления. Церковь состоит из тех, кто с верою и покаянием откликнулся на весть Иисуса, и сейчас вкушает дары и силу царства. Они взяты для Божьего царства и поставлены возле Христа в великом всемирном сражении за творение.¹⁴⁴ Из этих двоих — церкви и царства — царство больше, потому что оно включает в себя церковь.

Есть три основных способа описать церковь относительно царства Божьего: его начаток, инструмент и символ. Первое, церковь — это начаток царства (Иак. 1, 18), место, где Божье правление зримо, где признано господство Христа и Дух Божий уже явно действует. Второе, церковь — это инструмент царства. В миссии Иисуса мы видим, что пришествие царства влечет за собой сражение против духовных сил, противящихся Божьему владычеству. Так как церковь продолжает миссию Иисуса, она становится инструментом Бога в возвещении его царства, в проповеди доброй вести и противостоянии противникам Божьего милосердного владычества. Третье, церковь — это символ царства. Олицетворяя Божье господство в своей жизни и работе в настоящее время, члены церкви вместе указывают на будущее пришествие царства во всей его полноте.

¹⁴⁴ Herman Ridderbos, *The Coming of the Kingdom*, Raymond O. Zorn, trans. H. de Jongste, ed. (Philadelphia: Presbyterian & Reformed, 1975), 354–56.

Миссия как причина отсрочки царства

Царство еще не настало. Мы живем в промежутке времени между тем, когда Иисус положил начало новому творению (в своей смерти и воскресении) и когда он вернется, чтобы закончить начатое. Царство Божие уже находится здесь через работу Духа, но еще не завершено. Но почему существует этот промежуток отсрочки царства?

Значение этого «наложения веков», в котором мы живем, время между пришествием Христа и его вторым пришествием — это время, данное апостольской церкви для свидетельства до края земли. Конец всего, который был открыт во Христе, можно сказать, придержан, пока свидетельство о суде и спасении, открытое во Христе, не дойдет до всего мира. Смыслом истинной эсхатологической перспективы будет миссионерское послушание, а эсхатология не ориентированная на такое послушание является ложной.¹⁴⁵

Миссионерское послушание — это суть «времени между временами». Вопрос вот в чем: как нам в послушании нести свидетельство до пришествия Божьего царства?

В начале XX века Дуайт Муди видел основную миссию церкви как спасение душ с тонущего корабля: «Я вижу этот мир, как судно, потерпевшее крушение. Бог дал мне спасательную шлюпку и сказал: “Муди, спаси всех, кого можешь”. Бог придет судить и сожжет этот мир... мир становится все мрачнее и мрачнее, его погибель все ближе. Если у вас есть неспасенные друзья на этих развалинах, лучше не теряйте времени и спасайте их».¹⁴⁶ Забота Муди о благовестии и его чувство безотлагательности были поразительными. Тем не менее, его понимание миссии в период перехода было решительно недооценено, даже искажено из-за небиблейского учения о спасении как о чем-то индивидуалистическом, как о спасении от всего окружающего творения.

Церковь характеризуется неотложным призывом к миссии: «“Как Отец послал Меня, так и Я посылаю вас” — определяет саму суть

¹⁴⁵ Lesslie Newbigin, *Household of God: Lectures on the Nature of the Church* (New York: Friendship Press, 1954), 153.

¹⁴⁶ Цитируется в книге: George Marsden, *Fundamentalism and American Culture: The Shaping of Twentieth-Century Evangelicalism, 1870–1925* (New York: Oxford University Press, 1980), 38.

церкви, как миссии. В этом отношении все, чем церковь является и что она делает, может быть и должно быть частью миссии». ¹⁴⁷ Но все же эта миссия не исключительно духовная или индивидуалистическая, она всеобъемлющая. Следуя за Иисусом, мы призваны возвещать о Божьем владычестве над всей человеческой жизнью, олицетворяя это в своей жизни, показывая своими делами и провозглашая своими словами.

Так как миссия осуществляется в период библейской истории, который мы обозначили как переходный, в нем должна произойти антитетическая схватка с силами зла, продолжающимися противится приходу царства Бога. Иногда миссия ошибочно изображается как победный марш, неуклонно продвигающийся к возвращению все большей и большей территории (географической или культурной) в Божьем творении. Но Иисус показывает нам, что наша миссия царства столкнется со значительным противлением: притча о плевелах показывает, что противление Божьему царству не уменьшается, а скорее усиливается, так как жатва приближается (Мф. 13, 24-30; 36-43). Как и Иисус, церковь призвана возвещать всеобъемлющее владычество Бога. Мы также столкнемся с неприятием и отвержением, что вполне может означать страдание (Ин. 15, 18-25). Однако мы можем встретить это противление со спокойной уверенностью и радостью, что победа Божьего царства приобретена на кресте и что победа придет. А мы должны свидетельствовать об этой победе грядущего царства.

Библия не дает нам понимания того, насколько полно и широко царство Христа будет распространено в нынешнем веке. Там нет указания на то, как глубоко обновляющая сила благой вести проникнет в общество, культуру или остальное творение до второго пришествия Христа. Церковь не должна считать, что она может создать Божье царство или вводить в него. Но мы можем сделать Божье царство видимым в наших жизнях, поступках и словах. Как сказал Давид Бош: «Мы знаем, что Божье царство не последует по пятам нашего служения. Так не случилось даже в служении Иисуса. Он широко распахнул для царства врата, но оно не вошло еще во всей своей полноте». Иисус ознаменовал это правление, но не завершил миссию. Как и он, мы призваны воздвигать признаки Божьего наивысшего царствования — не больше, но и, конечно же, не меньше... Когда

¹⁴⁷ Lesslie Newbigin, "The Bishop and the Ministry of Mission," in *Today's Church and Today's World: With a Special Focus on the Ministry of Bishops*, ed. John Howe (London: CIO Publishing, 1977), 242.

мы молимся: «Да придет Царствие Твое!» мы также посвящаем себя на то, чтобы положить начало приближению и предвкушению Божьего царствования — здесь и сейчас».¹⁴⁸ Как Божий народ, мы являемся общиной доброй вести, которая воздвигает признаки Божьего настоящего — и все же грядущего — царства в нашей общественной деятельности, а также в семейной и личной жизни.

Необходимость в здоровой общине и живой духовности

Чем больше мы осознаем широкие границы миссии церкви и не менее обширный масштаб и силу идолопоклонства в окружающей культуре в противовес этой миссии, тем больше мы должны задаваться вопросом: как церковь может ответственно выполнить эту задачу? Мы считаем, что только в том случае, если церковь укоренена в евангелии, она будет верна этой миссии. И эта укорененность может осуществиться только в здоровой общине с живой духовностью. Обе эти составные части мы видим в Деян. 2, 42-47 в Иерусалимской церкви, где верующие были глубоко преданы друг другу (как члены общины) и Писанию, молитве, общению и вечеру Господней. И когда настали гонения и трудности, они продолжали поддерживать и питать свою миссию благодаря этой твердой преданности (например, Деян. 4, 32-35).

Живая духовность имеет большое значение для церковной миссии. Во время последней подготовки своих учеников на служение в мире (Ин. 14-17), Иисус говорил им о насыщенной необходимости пребывать в нем, если они хотят приносить плод. Как ветви на лозе, мы получаем жизненные силы от Христа «через миллион крошечных каналов, спрятанных за твердой корой ствола и ветвей».¹⁴⁹ Через поклонение и благодарение Богу, решение следовать за ним, ходатайство за других, чтение и размышление над Писанием, мы получаем все необходимое для выполнения нашей миссии в мире. И все эти средства получения Божьей благодати предназначены для того, чтобы переживать их в общении друг с другом.

¹⁴⁸ Bosch, *Transforming Mission*, 35.

¹⁴⁹ Lesslie Newbigin, "Abiding in Him," in World Council of Churches, Faith and Order Commission, *Uniting in Hope: Reports and Documents from the Meeting of the Faith and Order Commission, 23 July–5 August, 1974, University of Ghana, Legon*, Faith and Order Paper 72 (Geneva: Commission on Faith and Order, World Council of Churches, 1975), 141. See also Lesslie Newbigin, *The Good Shepherd: Meditations on Christian Ministry in Today's World* (Grand Rapids: Eerdmans, 1977), 140–44.

Взаимосвязь творения, греха и восстановления

Мы рассмотрели основную сюжетную линию Библии — творение, грех и восстановление — и обозначили их взаимосвязь: грех искажил Божье благое творение, а Божье спасение восстанавливает его. Но не все в церкви разделяют это понимание.

Природа и благодать

Один из способов, позволяющих раскрыть разные понимания о творении, грехе и восстановлении среди христиан — посмотреть на то, как разные традиции церкви соотносили природу (творение человека, искаженное впоследствии грехом, обсуждалось в первой главе о библейском мировоззрении) и благодать (Божий труд спасения обсуждался во второй главе). Существует, как минимум, четыре способа понимания взаимосвязи спасения и павшего творения ортодоксальными христианами.¹⁵⁰

1) Первая точка зрения — это благодать против природы. Здесь благодать и природа противопоставляются друг другу, христиане удаляются от нечестивого мира и ищут спасения в отделении от него. (Такое мнение ассоциировалось, часто несправедливо, с анабаптизмом, монашеством и некоторыми элементами ранней церкви).

2) Вторая точка зрения — благодать выше природы. В этом случае благодать не враждебна к природе, а скорее завершает или довершает ее: благодать *сверхъестественна*, выше природы, природа несовершенна без нее. Спасение предлагает завершение, добавив нечто к природе. (Эта точка зрения ассоциируется с Фомой Аквинским и теми, кто следовал за ним в римско-католической традиции. Это также заметно и в протестантизме).

3) Третья точка зрения — это благодать рядом с природой, где природа имеет свою целостность, и христианская жизнь просто существует бок о бок с жизнью в Божьем творении. (Этой точки зрения

---

¹⁵⁰ См. Albert M. Wolters, “The Reformational-Evangelical Worldview and the Future Mission of Institutions of Christian Higher Education in a North American Context,” in *Vision and Mission: 25 Years; The Reformational-Evangelical Vision of Life and the Future Mission of Christian Higher Educational Institutions in World Perspective* [also in Afrikaans], ed. B. J. van der Walt (Potchefstroom: Potchefstroomse Universiteit vir Christelike Hoër Onderwys, 1989), 87.

часто придерживаются в некоторых лютеранских и североамериканских евангельских традициях. Примером являются «Два царства» Лютера).

4) И последняя точка зрения — это благодать вдохновляет природу. Здесь благодать видится как исцеляющая сила, которая вдохновляет природу, исцеляет, восстанавливает от исказившего ее греха. (Эта точка зрения часто ассоциируется с реформатской традицией, но имеет много приверженцев среди протестантов, анабаптистов, католиков и других).

Такие разные понимания взаимосвязи между природой и благодатью приведут к разным подходам в нашей миссии царства для окружающих народов. Первый из этих вариантов (благодать против культуры) ясно представляет себе воздействие силы греха, но не видит правильно продолжающуюся благодать творения, как не видит и спасения через восстановление всего Божьего благого творения. Этот взгляд может привести церковь к значительному отстранению от культуры. Второй и третий варианты (благодать выше и рядом с природой) не полностью осознают влияние искажающей силы греха на творение. Те, кто придерживается этих взглядов, могут не видеть, что культурная миссия церкви — это сражение не на жизнь, а на смерть. Они могут считать, что христиане могут свободно участвовать в академической, политической, экономической и т. д. жизни точно так же, как их неверующие соседи. Здесь присутствует незначительное чувство противоречия, или антитегической схватки, между христианским и другими мировоззрениями.

Четвертый взгляд, где благодать воспринимается как вдохновитель природы — ближе других к евангелию, по нашему мнению. Именно этот взгляд мы детально рассматривали в этой главе. В следующем разделе мы предлагаем три его объяснения.

Творение, грех и восстановление. Три линзы библейского мировоззрения

Смотреть на мир через Писание — это, фактически, смотреть на мир через три линзы одновременно: как на нечто, сотворенное Богом, извращенное грехом и искупленное Христом. Убери одну из трех линз, и библейское мировоззрение будет искажено. Это как ЖК-проектор, требующий три стеклянных панели — красную, желтую и зеленую, через которые проходит видеосигнал. Чтобы получился правильный цвет — нужны все три. Убери одну из этих линз, и выйдет неправильное изображение. Убери любую из линз — творение, грех или восстанов-

ление, — и наш взгляд на мир будет искажен. Помочь объяснить это помогут следующие иллюстрации.

1) Благое творение — это как земное царство. Им управлял Бог (его истинный властелин), пока узурпатор (сатана, принесший грех) не проник в это царство и навязал там свой жестокий режим, развращая и поработывая его жителей. Но Создатель-владыка начал продолжительную кампанию по разгрому узурпатора и возвращению своего царства. Он вел войну, и в критическом сражении (достигшем кульминации на кресте) он ее выиграл. Хотя победа несомненная, она еще не завершена. Узурпатор продолжает свою ожесточенную борьбу. Как граждане царства, мы становимся участниками этой битвы, ожидающими ее полного завершения.

2) Благое творение — это как новорожденный здоровый ребенок.¹⁵¹ Он совершенен в том смысле, что он такой, каким должен быть, но он также имеет потенциал, и подразумевается, что в дальнейшем он будет чем-то большим, чем в момент рождения — он будет расти, развиваться и изменяться. Но затем ребенок заражается болезнью, которая не полностью его разрушает, а начинает искажать и деформировать его развитие до такой степени, что в нем происходят два разных процесса одновременно. Его тело пытается расти и развивается естественным образом, но внутренняя болезнь также растет и развивается. (Это картина того, как грех влияет на творение: не убивает полностью или сразу, но со временем развращает, разлагает и разрушает его). Теперь представим, что доктору необходимо найти лечение для ребенка и начать его лечить. Целительное средство не должно уничтожить ребенка или сделать из него кого-то другого, а должно уничтожить болезнь, чтобы ребенок опять стал здоровым. Таким образом происходит Божье исцеление. Он не уничтожает творение, не превращает его в нечто другое: весь труд спасения заключался в том, чтобы удалить грех, которым заболело творение и восстановить его (и наше) здоровье.

3) И, наконец, различие между структурой и направлением, выведенное Уолтером, может нам в этом помочь. Структура творения — это первоначальный замысел, задумка Бога. Грех, являясь духовной силой, уводит все творение в неправильном направлении — подальше от праведного Господа, здорового функционирования и назначенной цели. Божий труд обновления, выполняемый его собственной духовной

¹⁵¹ Мы позаимствовали этот образ у Уолтера, *Creation Regained*, 45–46.

силой, даст обратное направление творению — назад на свое место, согласно порядку творения. Таким образом, мы можем говорить о том, что язык, секс, экономическая жизнь, политическая власть, наука, спорт и т. д. — это Божий замысел. И на все это было оказано враждебное влияние силы греха. Все потеряло свое направление, ничто не функционирует так, как это замыслил Бог. Однако Божий труд примирения направлен на противостояние этой искажающей силе силой любви, чтобы переориентировать и обновить творение, и оно могло функционировать так, как предназначил для него Бог.

Опасность дуализма

Только такой взгляд на мир — через линзы творения, грехопадения и восстановления — сохранит нас от дуализма, встречающегося в западном евангельском христианстве, согласно которому жизнь разделена на духовную и мирскую (см. илл. 3). Согласно дуалистического взгляда, молитва и прославление, например, могут считаться духовными занятиями, а развлечение и секс — только светскими. Служитель церкви или миссионер будет рассматриваться как человек, делающий Господне дело (в духовной сфере), а журналист или политик — это светская профессия. Церковь (и, возможно, семья) относится к духовной сфере, а университет и бизнес — к светской. В дуалистическом мировоззрении общественные заведения, работа и деятельность, относящиеся к духовной сфере, обычно считаются более высокими, чем относящиеся к светской сфере: например, молитва — лучше, чем развлечение, а служитель — лучше, чем журналист, церковь — лучше, чем университет.

Но в таком дуалистическом восприятии мира есть много проблем. Прежде всего, вся деятельность, профессии и социальная сфера в светской области принадлежат Богу так же, как и все вышеперечисленное в духовной области. Развлечения, секс, журналистика, политика, наука и бизнес — это все является частью творения, о котором Бог сказал «очень хорошо». Бог повелел появиться этим сторонам жизни так же, как и духовным. Мы должны служить Богу во всех областях жизни, потому что весь мир и вся человеческая деятельность принадлежат ему.

Кроме того, вся деятельность, профессии и общественные связи в духовной сфере также были искажены и разрушены грехом. Они не могут считаться хорошими только потому, что они духовные. Есть фальшивое прославление и эгоистичная молитва, так же как и невер-

ные служители, ленивые миссионеры и неживые церкви, и все они нуждаются в Божьем исцелении, получении правильного направления и искупительном прикосновении.

Духовное	Мирское
Деятельность	
Молитва	Развлечения
Поклонение	Секс
Профессии	
Служитель	Журналист
Миссионер	Политик
Социальные сферы	
Церковь	Университет
Семья	Бизнес

Илл. 3. Духовно-мирская дихотомия

Бог создал все и дал всему свое место в «весьма хорошем» мире. Будь то духовное или мирское, каждое творение запятнано грехом, и каждое творение может и будет очищено и восстановлено, чтобы соответствовать Божьей воле.

Осуществление. Завершение восстановления

Христианское мировоззрение должно учитывать цели, к которым движется библейская история: к духовному существованию в небе или к восстановленной физической жизни на новой земле? Более распространенная точка зрения среди западных протестантов, по крайней мере, в прошлом, заключается в том, что цель истории искупления — вечная жизнь христианина в небе. Но мы верим, что Библия открывает цель Божьей искупительной работы, и она состоит в том, чтобы быть обновленным творением. Это отличие имеет очень важные последствия для библейского мировоззрения в общем и для культурной миссии церкви в частности.¹⁵²

¹⁵² Этим не отрицается ни то, что существует небо, ни то, что когда мы умрем, то попадем на небо до воскресения тела. За простым, но полезным уточнением,

Царство Божье как восстановление творения

Дэвид Лоуренс правильно утверждает: «Вся Библия ведет нас к ожиданию славного обновления жизни на земле, с тем, чтобы грядущий век был бесконечно захватывающим приключением жизни с Богом на новой земле. В его присутствии, наполняющем каждое действие, мы будем в большей степени людьми, чем когда-либо, освобожденными от греха, смерти, всяких болей и зла».¹⁵³

Царство Божье будет восстановительным и всеобъемлющим: вся человеческая жизнь и все творение будет восстановлено для служения Господу, как им и было предназначено. Это цель библейской истории. Почему это так важно для библейского мировоззрения? И опять Лоуренс отвечает: «Восприятие нами Божьего исходного замысла как неземного и духовного способствовало тому, что у нас сложилось представление, что Бог заботится только о духовных вещах. Если духовные небеса — величайшее благо для нас, тогда земля и наше физическое существование на ней должно быть в какой-то мере вторым по значению».¹⁵⁴ Но как мы уже видели, Бог любит свое благое творение, и он никогда не отклонялся от своего плана вернуть его себе. Оно не второе по значению, и поступать так, как будто оно таковым является, значит не только бесславить Творца, но также и исказить миссию Божьего народа в промежуточное время.

Мы увидели, что миссия — это смысл существования народа Божьего в период времени между первым пришествием Иисуса и его возвращением, и потому наша задача — быть доброй вестью, говорить о ней и исполнять ее. Если искупление — это, как учит Библия, восстановление всего творения, тогда наша задача олицетворять эту добрую весть в каждой части творения, включая общественную жизнь. Добрая весть будет видна в нашей заботе об окружающей среде, в нашем подходе к международным отношениям, экономической справедливости,

---

обращайтесь к книге: David Lawrence, *Heaven: It's Not the End of the World! The Biblical Promise of a New Earth* (London: Scripture Union, 1995).

¹⁵³ Lawrence, *Heaven*, 17–18. См. также Paul Marshall and Lela Gilbert, *Heaven Is Not My Home: Learning to Live in God's Creation* (Nashville: Word, 1999); Michael Wittmer, *Heaven Is a Place on Earth: Why Everything You Do Matters to God* (Grand Rapids: Zondervan, 2004); Nathan Bierma, *Bringing Heaven Down to Earth: Connecting This Life to the Next* (Phillipsburg, NJ: Presbyterian & Reformed, 2005).

¹⁵⁴ Lawrence, *Heaven*, 17.

бизнесу, СМИ, науке, семье, прессе, индустрии и закону. Но если искупление — это только потустороннее спасение (как верил, например, Муди), тогда наша миссия будет сужена до благовестия, которое ориентировано в небо. Большая часть жизни выпала бы за пределы миссии церкви. Мы были бы вынуждены уступить большую часть Божьего творения злым силам, заявляющим свои права на нее, и мы бы потерпели неудачу в своем призвании возвещать, что Христос — Творец и Господь всего.

Включение Благой Вести в западную культуру

Наше дело в библейской истории — олицетворять добрую весть о том, что Бог восстанавливает творение. Такое свидетельство воплощения будет всегда контекстуальным, оно примет образ и форму в конкретном культурном контексте согласно времени и места, в котором Бог поместил нас. И поскольку каждый культурный контекст будет иметь свои особые возможности и опасности, наша добросовестность требует, чтобы мы знали свой культурный контекст. В какой конкретно культурной среде мы призваны возвещать о том, что Иисус — Господь? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в следующей главе.

Западная история. Истоки модернизма

В сердце христианской веры лежит исповедание, что «Слово стало плотью» (Ин. 1, 14). Иисус Христос, самое полное откровение Бога о его цели для творения, известил добрую весть царства в определенном историческом и культурном контексте. Так же и последователи Иисуса призваны нести добрую весть своим народам, а их культурные контексты всегда будут придавать особую форму христианскому свидетельству. Поэтому для нас очень важно размышлять над историей и мировоззрением отдельных культур и над временем, в которое мы живем.

Так как каждый народ со времен Эдема формировался — по крайней мере, частично, — представлениями о жизни, не имеющими ничего общего с христианской верой, то очень важно, чтобы мы хорошо понимали нашу западную культурную среду и убеждения, сформировавшие ее. Как утверждает Лесли Ньюбигин: «Безотлагательная миссионерская задача на несколько следующих десятилетий — это служение для “модернистского мира”... Она требует острого ума, чтобы исследовать, что стоит за неоспоримыми предпосылками модернизма, и раскрыть *скрытое кредо*, которое их питает».¹⁵⁵ Следующие три главы направлены на то, чтобы раскрыть скрытое кредо мировоззрения западной культуры.

Мы разделим историю западной культуры на три периода. В этой главе мы рассмотрим истоки модернизма в классическом периоде, в евангелии и в средневековом смешении последнего с классическим гуманизмом. В следующей главе мы расскажем о развитии современного мировоззрения — от его возрождения в период Ренессанса до XX столетия. И, наконец, мы зададим вопрос: какие течения формируют Запад сегодня?

Кредо гуманизма:

«Не должны ли мы сами обратиться в богов?»

Слово «гуманизм» имеет много различных значений, и в лучшем случае он признает только достоинство человека и необходимость

---

¹⁵⁵ Lesslie Newbigin, “Gospel and Culture—But Which Culture?” *Missionalia* 17, no. 3 (November 1989): 214.

в труде, который должен улучшить жизнедеятельность человека. Однако здесь мы говорим о *гуманизме как исповедании*, подчеркивая его значение в духовной жизни западной культуры, о системе убеждений, в которой люди вытеснили Бога как Создателя, Владыку и Спасителя.

Больше века назад немецкий философ Фридрих Ницше (1844–1900) рассказал ужасную притчу о безумце, выдвигающем потрясающие обвинения в том, что мы убили Бога: «Мы убили его — вы и я. Мы все его убийцы». (Ницше ссылался на философское течение Просвещения XVIII века, когда западная культура исключила Бога из общественной жизни. Особенности этого течения мы рассмотрим позже в этой главе.) «Как утешимся мы, убийцы из убийц? — спрашивает безумец. — Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?»¹⁵⁶

Безумец здесь правильно говорит, что если нет Бога, значит, нет Творца, который придает смысл человеческой жизни, управляет творением и определяет критерии правды и неправды. Если Бог действительно мертв, то люди берут на себя роль Творца: им нужно определить цели жизни, создать систему, им нужно решить, что есть правильно, истинно и хорошо. И, кроме того, если нет Бога, то нет и полновластного Владыки, который может направить историю к ее цели, придать ей смысл. Человечество, по-видимому, также должно взяться за эту задачу. И, наконец, если нет Бога, а значит и Спасителя, который освободит наш мир от зла, тогда задача человечества заключается в том, чтобы спасти себя самостоятельно. Как сказано в «Первом гуманистическом манифесте»: «Человек... сам ответственен за реализацию своей мечты (и) внутри себя имеет силу для ее осуществления».¹⁵⁷ Корлисс Ламонт подтверждает, что гуманизм «ставит перед нами задачу быть своим собственным спасителем и испытателем».¹⁵⁸

¹⁵⁶ Friedrich Nietzsche, *The Gay Science*, trans. and ed. Walter Kaufmann (New York: Vintage, 1974), 181–82 (paragraph 125).

¹⁵⁷ *Гуманистический манифест I* (1933). С момента появления этого документа за ним последовало еще два манифеста: *Humanist Manifesto II* (1973) and *Humanism and Its Aspirations: Humanist Manifesto III* (2003). Тексты доступны: <http://www.americanhumanist.org/about/> (accessed February 18, 2008).

¹⁵⁸ Corliss Lamont, *The Philosophy of Humanism*, 8th ed. (Amherst, NY: Humanist Press, 1997), 309. The entire book is available at <http://www.corliss-lamont.org/philos8.pdf> (accessed February 18, 2008).

Мы можем говорить о гуманизме, который формирует нашу западную культуру, как о *секулярном* (лат. *saeculum* — настоящая эпоха, время, мир, вселенная). Это слово может также обозначать отделение мира от Бога. При таком взгляде, существует Бог или нет, — он не имеет постоянных отношений с этим миром. Гуманизм также можно описать как *натуралистический*, утверждающий, что этот мир — это все, что есть.¹⁵⁹ И, наконец, гуманизм можно охарактеризовать как *рационалистический*, или приверженный убеждению, что человеческий разум даст возможность человеку сыграть нелегкую роль Бога. Рационалист верит, что человеческий разум (особенно когда он руководствуется научным методом) способен понять законы как божественного творения, так и человеческого общества, давая людям власть контролировать творение и подчинять его своим собственным целям. И, поскольку научный метод играет здесь такую важную роль, мы также можем описать гуманизм как *научный* — основанный на убеждениях, что (с помощью естественных наук и техники) разум может покорить все остальное творение и что (с помощью общественных наук) разум может управлять и направлять всю деятельность человека, включая экономику, политику, образование и юриспруденцию. Гуманист считает, что если мы верно следуем этому пути, доверяя своему разуму и науке, мы можем быть уверены в движении вперед к миру счастья, свободы, материального благополучия, правды и справедливости.¹⁶⁰

Гуманизм — секулярный, натуралистический, рационалистический, научный — имеет и другие имена, такие как мировоззрение Просвещения, мировоззрение модернизма или просто модернизм. Если говорить о современном гуманизме, то следует отличать его от более ранних течений, которые предположительно являются религиозными, мифическими или суеверными. Конечно же, это подразумевает ценностное суждение, что люди в наши дни, наконец, стали зрелыми, оставив позади старомодные и устаревшие религиозные взгляды на мир. Просвещением называется исторический период в XVIII веке, когда эта форма гуманизма достигла зрелости и стала господствующим мировоззрением в светской культуре Запада.

¹⁵⁹ Эта форма гуманизма поддерживалась Ламонтом (см. *Philosophy of Humanism*, 317).

¹⁶⁰ Сюда можно было включить и ярлыки *либеральная* и *коммунистическая*, чтобы описать две принципиальные формы, которые принял гуманизм в XX столетии. Конечно, со времени развала Советского Союза в 1991 году, в западном мире преобладал либеральный гуманизм.

Такое мировоззрение дает довольно реальную веру, и на протяжении нескольких столетий на нем строилась западная культура. Оно долгие годы формировалось в Европе, потом было передано в европейские колонии, например, в Северную Америку, и сегодня, в процессе глобализации, продолжает распространяться по миру. Оно также по многим пунктам атаковано новым гуманистическим веянием, называемым *постмодернизм*. Представление о жизни сторонников Просвещения во многих отношениях противоречит мировоззрению христиан, желающих нести свидетельство о всеобъемлющей власти Христа. Этот «противник может быть намного вероломнее, чем какие-либо предыдущие антирелигиозные силы в истории человечества».¹⁶¹ Поэтому очень важно, чтобы христиане хорошо это понимали.

Христианская история и историческое развитие модернизма

Модернизм, или гуманизм, по иронии судьбы, был большей частью сформирован христианской историей. Майкл Полани сказал, что вспышка модернизма в западной культуре последних двух тысячелетий — результат возгорания пламени классического гуманизма в кислороде евангелия.¹⁶² Историк культуры Кристофер Даусон заметил, что именно «накопленные ресурсы христианского прошлого» дали гуманизму духовный толчок и форму.¹⁶³

Расцвет модернизма — это длинная история взаимодействия между христианским мировоззрением и мировоззрением классического гуманизма. Классический гуманизм имел свои корни в греческой культуре, и сам Иисус был рожден в мире с таким видением жизни. В евангелии он предложил альтернативный всеобъемлющий взгляд на мир. Но так как евангелие всегда тяготеет к принятию этнической культурной формы, ранняя церковь олицетворяла и выражала христианскую веру

¹⁶¹ Alan D. Gilbert, *The Making of Post-Christian Britain: A History of the Secularization of Modern Society* (London: Longman, 1980), 153.

¹⁶² Michael Polanyi, *Personal Knowledge: Toward a Post-critical Philosophy* (Chicago: University of Chicago Press, 1958), 265–66. Полани Майкл. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. Мы позаимствовали и изменили образ Полани. Полани говорит о «возгорании христианского наследия в кислороде греческого рационализма».

¹⁶³ Christopher Dawson, *Religion and the Rise of Western Culture* (New York: Image, 1958), 16.

в идиомах и формах культуры классического гуманизма. Таким образом зародились длительные отношения и взаимодействие двух всеобъемлющих и противоречащих друг другу взглядов на жизнь: христианства и классического гуманизма.

Оба эти мировоззрения были вынуждены пойти на уступки друг другу, чтобы сформировать относительно стабильный синтез на протяжении так называемого средневековья (до XIII века). В ходе осуществления этого синтеза евангелие было скомпрометировано до некоторой степени, но оно пропитало и сформировало гуманистическое мировоззрение, которое начало появляться в период Ренессанса (XIV и XV столетия). Реформация (XVI столетие) дала новый толчок этому формирующему процессу, так как она помогла обнаружить некоторые стороны евангелия, которые были упущены. Но что парадоксально, Реформация также помогла усилить гуманистический взгляд на жизнь в различных аспектах. Научная революция (XVI и XVII вв.) развивалась в условиях переплетения христианского и гуманистического мировоззрения. Однако, по мере приближения этого периода к завершению, гуманистическая тенденция становилась преобладающей, что дало рождение эпохе Просвещения (XVIII век). С этого времени и далее гуманистическое мировоззрение все больше и больше удалялось от христианского, пока, как заметил Ницше, не стало казаться, что западный гуманизм убил Бога. Мировоззрение гуманизма, все еще извлекающее пользу от длительного соприкосновения с евангелием, имело социальное и культурное выражение в индустриальной, социальной и политической революциях XIX и XX веков. Сегодня, несмотря на то, что гуманизм (или модернизм) атакован постмодернизмом, он остается значительной силой, продолжающей формировать наш мир.

Как мы рассказываем историю?

В Африке есть такая пословица: «Пока у львов не будет своих историков, героем повествования всегда будет охотник». Способ обычного изложения истории на Западе не является нейтральным, потому что ее «участник» — это основные убеждения гуманизма. Подумайте о следующих общепринятых ярлыках четырех периодов западной истории: *классический* (VI век до н. э. — V век н. э.), *средневековый* (V—XV век), *модернистский* (XV век — до настоящего времени) и *постмодернистский* (конец XX и начало XXI веков). Эти ярлыки не нейтральные, они

делают ценностные суждения, оценивая заслугу каждого исторического периода. Слово «классический» – позитивное, относящееся к тому, что имеет признанную ценность или представляет достойный подражания стандарт (вспомните, например, «классическая музыка», «классическая литература»). Слово «модернизм» также позитивное, характеризующее нечто новое, не старомодное, устарелое или вышедшее из употребления (да и вообще, кому хочется быть отставшим?). Слово «средневековый» неоднозначно: первое словарное определение указывает период времени, относящийся к средним векам, второе же значение – «очень старомодный или устаревший». Как так получилось, что промежуток времени более двух тысяч лет назад (классический период) имеет признанную ценность, а эпоха, закончившаяся менее чем шестьсот лет назад (средневековый период), хотя и намного ближе к нам по времени, считается устаревшей? Несомненно, появление гуманизма среди (классических) греков привело богословов к тому, что они считали свой (дохристианский) исторический период так или иначе достойным подражания для наших дней. И именно подавление этого гуманизма церковной культурой средних веков дало слову «средневековый» негативную коннотацию.

Размышляя над историческим развитием двух серьезных конкурирующих мировоззрений на Западе – христианства и гуманизма – мы хотим предложить другую подборку ярлыков для истории, ярлыков, предложенных в работе Дирка Волленховена, христианского историка и философа.¹⁶⁴ Обозначение Волленховена довольно взвешенно представляет евангелие в роли «героя истории». Таким образом, мы будем говорить о Греко-Римском (классическом) периоде как о *языческом* не для того, чтобы намекнуть, что их культура была отсталой, но скорее, чтобы напомнить себе, что она развивалась без евангелия. Средневековый период мы определим как период *синтеза*, так как он характеризовался компромиссом, объединением – или слиянием – двух всеобъемлющих мировоззрений. Период современности мы охарактеризуем как *антитетический*, чтобы выделить

¹⁶⁴ Dirk H. Th. Vollenhoven, *The Problem-Historical Method and the History of Philosophy*, ed. Kornelis A. Bril (Amstelveen: De Zaak Naes, 2005), 29–88. Волленховен умер еще до того, как начали говорить о постмодернизме. Он говорил только о трех периодах: языческом, синтезе и антисинтезе. Мы добавили неоязыческий. См. John Kok, *Patterns of the Western Mind: A Reformed Christian Perspective*, 2nd ed. (Sioux Center, IA: Dordt College Press, 1998), 27.

растущую враждебность между гуманистическим и христианским мировоззрениями после средневековья. То, что многие называют периодом постмодернизма, можно определить ярлыком *неоязыческий*.¹⁶⁵ Тогда как *языческий* говорит о культуре, никогда не имевшей света евангелия, *неоязыческий* определяет культуру, рожденную в неприятии евангелия.

Модернизм, господствующее мировоззрение нашей западной культуры, не свалился однажды с неба, это продукт продолжительной истории. Сейчас мы попытаемся вкратце проследить историческое развитие, давшее форму фундаментальным убеждениям на заре западной культуры, постараемся рассказать историю, по которой живет западный мир.¹⁶⁶

Корни западного мировоззрения. Греко-римское язычество (VI век до н. э. — XV век н. э.)

Происхождение модернизма, или гуманизма, можно выяснить, обратившись к взглядам трех греков — Фалеса, Анаксимандра, Анаксимениса, живших в начале VI века до н. э. в ионийском городе Милете. Эти три мужа считали, что мир можно лучше понять не с помощью мифов или религии (что было правилом среди греков и всех древних народов), а через распознавание и объяснение рационального порядка в мире посредством тщательного наблюдения и здравомыслия. Например, Фалес (636—546 до н. э.) предположил, что землетрясения вызываются не Посейдоном (богом моря), а возникают тогда, когда земля подвергается действию турбулентности воды, по которой плавает. Анаксименис (585—525 до н. э.) высказал предположение, что радуга — не проявления богини Ирис, а результат прохождения солнечных лучей через плотную атмосферу.

¹⁶⁵ Говоря о западной культуре, Лесли Ньюбигин говорит: «Это языческое общество, и его язычество, родившись от неприятия христианства, намного больше противится Евангелию, чем дохристианское язычество, с которым были знакомы межкультурные миссии. Здесь, наверняка, мы сталкиваемся с наиболее проблематичным различием нашего времени». (*Foolishness to the Greeks: The Gospel and Western Culture* [Grand Rapids: Eerdmans, 1986], 20).

¹⁶⁶ Мы осознаем трудность и опасность этого предприятия, тем более, пытаясь сделать это в одной главе. Но все же мы делаем это, так как верим, что это важно для христианской жизни. Мы приглашаем читателей дополнить и усовершенствовать этот рассказ.

Также и другие мыслители старались объяснить происходящее в мире, не прибегая к мифам или божественной власти. Более раннее мифическое мировоззрение было заменено «растущей верой в независимый разум... Рационализм пропитал все социальное и культурное развитие Греции, тогда как архитектура, искусство, политика, медицина, история, астрономия, этика и наука все больше и больше управлялись этой растущей верой в независимый человеческий разум».¹⁶⁷

Языческое греческое мировоззрение находит самое полное и систематическое философское выражение у Платона (427–348 до н. э.) и его ученика Аристотеля (384–322 до н. э.) Наибольший интерес для них представлял поиск неизменного порядка и истины, которые бы превосходили изменения в человеческой культуре. Они стремились не просто к теоретическим предположениям, но считали важным обнаружить универсальную истину, чтобы упорядочить индивидуальную и общественную жизнь человека для его преуспевания. Например, работа Платона «Республика» делает попытки понять справедливость и то, как она может сформировать образ жизни Афин, желание Аристотеля в работе «Политика» — создать греческий город-государство. Так как они не имели доступа к Писанию, то просто не знали, что Бог уже создал хороший порядок, который можно было постичь страхом Божьим. Итак, они искали истину в неизменном рациональном порядке, который постигался разумом. Однако они имели другую точку зрения на природу всемирного порядка и на то, как разум мог понять истину — эти разногласия позже будут иметь глубокое влияние на западное мировоззрение. Основное разногласие изображено на картине Рафаэля «Афинская школа» (1510–1511) (см. илл. 4).

Слева — полная картина, справа — фрагмент из центральной части картины с изображением Платона и Аристотеля. Обратите внимание на фигуру Платона, слева, — его рука поднята к небу, как бы указывая, что истину следует искать в превосходящем мире идей. В отличие от него Аристотель держит свою правую руку над землей, показывая, что истина лежит в наблюдении за неизменным порядком в материальном мире.

По Платону, мир состоял из двух сфер — видимой (или материальной) и невидимой (или духовной). В видимом, материальном

¹⁶⁷ James Shiel, *Greek Thought and the Rise of Christianity*, Problems and Perspectives in History (New York: Barnes & Noble, 1968), 5.

мире мы обнаруживаем отдельные конкретные вещи, как, например, стулья, браки и действия справедливости. В невидимом, духовном мире (на который указывает на картине Платон), мы находим универсальные идеалы или мысленные образы стула, брака или справедливости. Отдельные детали могут присутствовать в этих универсальных идеях, но именно сами идеалы дают нам неизменный порядок для мира. Используя разум, человечество может получить доступ к этим неизменным идеалам, чтобы получить знание, духовную и общественную жизнь. Наряду с дуалистическим взглядом на мир, Платон придерживался соответствующего дуалистического взгляда на личность человека. Он проводит различие между материальным телом и рациональной душой: во время смерти тело умирает, но душа в итоге вернется в незримый мир, в высшую сферу универсальных идей и источника порядка. Таким образом, направление мысли Платона всегда было ориентировано вверх, к духовной сфере, и единственным средством для контакта с духовной сферой, обеспечивающей неизменный порядок, был разум. Для Платона и материальный мир, и тело были неприятными препятствиями к истинно духовной и разумной жизни.

На картине Рафаэля Аристотель жестом указывает на землю, на которой стоит; по Аристотелю, разум обнаруживает истину, наблюдая за неизменными идеями в мире. Он исследует отдельные, характерные вещи и понятия (от стульев до справедливости), чтобы определить, что у них всех есть универсального. Для этого Аристотель придумал целую мастерскую, полную аналитических методов, которые и до настоящего времени остаются важными в западной мысли.¹⁶⁸ Именно в философии Аристотеля греческое мировоззрение со своей глубокой «убежденностью в силе человеческой мысли рационально постигать мир» достигло своего «полнейшего выражения и кульминации».¹⁶⁹

---

¹⁶⁸ Это включает различие между дедукцией и индукцией; силлогизм; различие между материальным, рациональным, формальным и конечной причиной; различия между темой и предметом, сутью и второстепенностью, материей и формой, потенциальным и фактическим, универсальным и специфическим, родом, видом и особью; десять категорий материи, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и любовь.

¹⁶⁹ Richard Tarnas, *The Passion of the Western Mind: Understanding the Ideas That Have Shaped Our World View* (New York: Ballantine, 1991), 62.

Илл. 4. «Афинская школа», Рафаэль

Языческое мировоззрение продолжало развиваться в период Греческой и затем Римской империи. Спустя пятьсот лет после Аристотеля, Плотин (205–270) возродил идеи Платона и развил их религиозную форму в неоплатонизм. К этому времени Римская империя находилась в упадке, что характеризовалось внутренними беспорядками и серьезной социальной и экономической несостоятельностью. Граждане приходящей в упадок империи искали стабильность, избавление и уход от реальности мира, и в результате появились многие тайные религии для удовлетворения этих потребностей. Плотин развил и утвердил четыре догмата мысли Платона:

- существует основное разделение между хорошим духовным миром и нечестивым материальным миром;
- люди состоят из низшего материального тела и высшей рациональной души;
- физическая жизнь в этом материальном мире хуже духовной жизни;
- человеческая жизнь имеет потустороннее, духовное направление.

По Плотину, избавлением было освобождение души из телесной темницы, позволяющее ей подняться к лучшей, невидимой, духовной сфере. Эти акценты в мысли Плотина имели серьезное влияние на средневековую культуру, так как христианское мировоззрение поглотило его неоплатонизм.

Корни западного мировоззрения. Евангелие

В Римскую империю I века, сформированную гуманизмом, рационализмом, атеизмом и натурализмом языческого греческого мировоззрения, пришел Иисус из Назарета. Его весть основывалась на иудейском Писании, рассказывающем историю, которая достигнет своей кульминации при наступлении Божьего царства. Иисус известил, что царство Божье наступило — весть потрясающей важности и масштабности, и, безусловно, не такая, которая бы легко приспособилась к господствующему мировоззрению. Иисус заявил, что значение и цель человеческой истории и жизни, — собственно, всего

мироздания, — были открыты в его личности и деяниях. Таким образом, евангелие выдвинуло всесторонний взгляд на мир и на место человека в нем, что в корне противоречило господствующему культурному мировоззрению классического гуманизма.

Евангелие дало начало обществу, которое верило в его истинность, и поэтому следовало за Иисусом. Ранние христиане не хотели быть известными как сторонники просто неофициальной религии, предлагающей духовное, индивидуальное, будущее и потустороннее спасение. Напротив, церковь объявила себя официальной общностью, которая всем предлагает истину — настоящий смысл мира, истории и человеческой жизни.

Так как и евангелие, и классический гуманизм Рима были всеобъемлющими мировоззрениями, то конфликт был неизбежным. Ранняя христианская община могла бы отвергнуть полный масштаб евангелия и подогнать его под господствующее культурное мировоззрение. Но они отказались от этого, они не захотели низводить христианскую веру до какой-то неофициальной сферы, не имеющей влияния на общественную жизнь Римской империи. Утверждая, что Иисус есть Господь, а не Цезарь, и объяснив, что они — общенародное собрание, а не тайная секта, они бросили вызов языческому взгляду на мир, предложив свой собственный, альтернативный взгляд. И это смелое свидетельство церкви встретило гнев и гонения со стороны Рима.

Евангелие — это всесторонний взгляд на жизнь, но оно также легко адаптируется и переносится во все культуры. Евангелие — это не просто самодостаточная альтернатива господствующему культурному мировоззрению. Сама природа евангелия в воплощении, что позволяет, и даже требует, чтобы евангелие приобретало различные культурные формы, но не отказывалось от своих требований. Это не значило, что оно останется только иудейским, это говорило о желании найти место в каждой культуре, куда оно входило. Евангелие подтверждает истинное понимание в любой культуре, включая и языческую классическую культуру, в которой оно было представлено с самого начала.

Однако всегда существует опасность, что евангелие, принимая форму окружающей культуры, может быть заражено ее идолопоклонством. Фактически, в ожидании окончательного установления Божьего царства, наша борьба с идолопоклонством народов всегда будет успешной только отчасти. Мы можем назвать такие попытки верного воплощения евангелия и отвержения идолопоклонства верной контекстуализацией

евангелия в противовес неверным компромиссам между евангелием и идолопоклонством господствующей культуры. Но необходимо признать, что вся контекстуализация евангелия окажется где-то между этими полюсами. Есть подтверждения тому, что в ранние годы церкви были случаи как неверного компромисса, так и верной контекстуализации, когда евангелие проникло в мир, преданный языческому гуманизму. И в историческом развитии, последовавшем в средневековье, есть свидетельства как мощного влияния христианства на европейскую культуру,¹⁷⁰ так и неверного компромисса христианской веры с гуманистическим мировоззрением, унаследованным от Греции и Рима. Сейчас мы обратимся к синтезу этих двух взглядов на жизнь, появившихся в тот период.

Ранний средневековый синтез. Евангелие и неоплатонизм (V—X вв.)

Первые триста лет жизни церкви культурная среда Римской империи была враждебно настроена против христианской веры. Когда император Константин стал христианином и легализовал христианство (311 г.), а затем император Феодосий сделал христианство единственной религией империи (380 г.), церковь передвинулась с окраин в центр. Это могло иметь как положительный результат, дающий церкви возможность влиять через евангелие на общественную жизнь, так и отрицательный результат, заставивший церковь пойти на уступки во многом. Таким образом церковь стала в большей мере уязвимой к идолопоклонству империи.

Августин Гиппонский (354—430) стал человеком, чья философская и богословская мысль создала систему взглядов средневековой культуры. Его книга «Град Божий» формировала мышление поколений на протяжении следующего тысячелетия. Августин честно старался контекстуализировать евангелие, так как оно стало облечено идеями, унаследованными от греческой культуры. Но и в самом Августине ощущался внутренний конфликт между несовместимыми мировоззрениями — до своего обращения он был неоплатоническим философом,

¹⁷⁰ См., например, Rodney Stark, *The Victory of Reason: How Christianity Led to Freedom, Capitalism, and Western Success* (New York: Random House, 2005).

а обратился он под влиянием неоплатонического епископа Амвросия.¹⁷¹ Таким образом, существует разногласие среди богословов относительно того, насколько Августину удалось оставаться верным библейскому мировоззрению в его контекстуализации евангелия. Безусловно, Августин бросил вызов язычеству неоплатонизма по многим пунктам: он подтверждал благость творения (вопреки неоплатоническому отказу от него, как от зла); он понимал грех как духовный бунт (а не как проникновение в материальность творения); он понимал, по крайней мере, до некоторой степени, что искупление должно включать в себя восстановление человеческой жизни (в противоположность простому полету в духовный мир).

Однако что-то от неоплатонического духа продолжает жить в синтезе Августина, и это возымело негативные последствия для развития западной культуры. Например, книга «Град Божий», кажется, смешивает основы Писания и неоплатонизма. В то время как многие его суждения звучат так, как будто цель истории — восстановленное творение, другие части изменяют его неоплатонизму, согласно которому цель народа Божьего — вознестись от земной сферы в небесную. Ричард Тарнас, возможно, и несколько преувеличивает, но он все-таки показывает, как воспринимались идеи Августина и как ими руководствовались в жизни те, кто следовал ему в средневековой Европе: «Побег из этого мира в другой, от себя к Богу, от плоти к духу создал цель и направление человеческой жизни... По мнению Августина... превосходящая духовная сфера была единственной сферой, действительно имевшей значение».¹⁷² Такое вертикальное направление глубоко поразило средневековое воображение: человеческая жизнь все больше и больше была направлена к духовной сфере.

Наверное, средневековый кафедральный собор наилучшим образом выражает эту направленность. При входе в собор глаза неизбежно будут обращены к небу — это можно понять как побуждение к верному послушанию Богу, напоминанием, что культурная жизнь предопределена Богом и всегда должна быть отражением его славы. И иногда это имеет именно такое значение, особенно для многих монахов. Но не всегда

¹⁷¹ Историю его обращения мы находим в известной «Исповеди» Августина. Исповедь — это серия из тринадцати автобиографических работ, написанных в 397–398 гг. В первых десяти трудах Августин рассказывает свою историю, а в трех последних — он предлагает размышления над книгой Бытия.

¹⁷² Tarnas, *Passion of the Western Mind*, 147.

так понималось значение собора. Очень часто казалось, что этот факт говорит о том, что жизнь в этом мире недостойна средоточия человеческих усилий, что она не имеет значения, и что человек должен смотреть ввысь, чтобы найти ее смысл и ценность. Соответственно, жизнь в этом мире недооценивалась, поскольку, чтобы быть освященной, культурная и общественная жизнь должна была быть направлена к небу. Это было достигнуто, когда церковь (сообщество, которое наиболее очевидно принадлежало к духовной сфере) выступала в роли посредника для получения благодати в освящении различных культурных предприятий. Таким образом, церковь сыграла объединяющую и интегрирующую роль в культуре средневековья, управляя многими задачами народа в образовании, науке, искусстве, бизнесе и даже политике.

Несомненно, что церковная культура средневековья оказала положительное влияние на развитие общественной жизни — свет Писания был широко распространен. Европейская культура вдохновлена евангелием, и плодами этого мы пользуемся до настоящего времени. Но ценой церковного культурного влияния стало небиблейское, нездоровое обесценивание жизни в этом мире. Средневековая направленность к небу имеет как христианские, так и языческие составные части. Делая ударение на сверхъестественном, языческий неоплатонизм отставил на второй план полноценную христианскую жизнь, однако христианское влияние в средневековый период сформировало эту культуру так, что она принесла много пользы последующим поколениям.

Поздний средневековый синтез. «Платонизированное» христианство и Аристотель (XI—XIII вв.)

От XI до XIII столетий культурная активность в Европе возрастала, общественная жизнь развивалась по вертикали, а также заметно продвинулась технология. На смену «неземной», отрицающей все мирское грани в мировоззрении раннего средневековья пришел все возрастающий интерес к этому миру. Эта тенденция усилилась, когда в XII веке были снова открыты и переведены на латынь некоторые работы Аристотеля, которые способствовали развитию господствующих тенденций европейской культуры через недавно созданные университеты. Это ускорило кризис в европейском обществе. Сверхъестественное направление платонизированного христианства, которое, по общему мнению, было одобрено Писанием и выражено в теологической

и политической форме средневекового общества, теперь было под угрозой из-за мирского взгляда Аристотеля.¹⁷³ Вначале совет епископов в Париже предал анафеме труды Аристотеля и запретил их под угрозой отлучения от церкви, но джин уже был выпущен из бутылки, — более светский и натуралистический образ мышления Аристотеля быстро приобрел влияние в средневековом обществе.¹⁷⁴ Именно в этом контексте мы должны понимать грандиозную попытку Фомы Аквинского (1225—1274) синтезировать такое учение, которое бы отдавало должное и вертикальному направлению христианской жизни, как оно было сформировано в средние века, и делало надлежащее ударение на жизни и практическом разуме в этом мире.

Аквинский был верен авторитету Библии, хотя также искал место в своей вере и для Аристотеля. Его побуждения были полностью христианскими. Он верил, что творение — благое, прекрасное и упорядоченное, что культурная жизнь занимает Богом данное место, что практический разум является частью Божьего образа и дает возможность человечеству рассмотреть законность творения. Эти стороны библейского свидетельства столетиями замалчивались, и теперь, когда они обозначились в конце средневековья, Аквинский попытался, как и Аристотель, подтвердить их. Это не так уж плохо — как мы говорили ранее, евангелие должно принимать форму культуры. Но опасность состояла в том, что идолопоклонство Аристотеля было бы впитано вместе с его пониманием. Фома синтезировал библейскую истину, платонизированное христианство и Аристотеля в систему мысли, которая продолжает оказывать удивительное влияние и до настоящего времени.

Синтез Фомы Аквинского — это комплекс, основные линии которого поддаются описанию. Дуалистическая мировая структура раннего средневековья считала природу низшим уровнем, а высшим уровнем (сверхъестественным) — благодать. Фома поддерживал идею превосходства высшего мира, утверждающую, что человеческая жизнь должна быть направлена ввысь, к Богу. Тем не менее, Фома подтверждал благость нашего нынешнего мира, тела, общественной и культурной

---

¹⁷³ Hans Küng, *Christianity: The Religious Situation of Our Time*, trans. John Bowden (London: SCM, 1995), 417.

¹⁷⁴ Fernand van Steenberghen, *Aristotle in the West: The Origins of Latin Aristotelianism*, trans. Leonard Johnson (Louvain: E. Nauwelaerts, 1955), 67.

жизни и практического разума так, как их редко подтверждали в предыдущие века, но все же подчинил их душе, церкви, вере, открытой истине, уникальности христианской жизни и богословию (см. илл. 5). Культурная жизнь, согласно философской системе Аквинского, еще не свободна, чтобы развиваться так, как замыслил Бог.

Духовная сфера	Вечное	БЛАГОДАТЬ	Сверхъестественное	Высшее	
Душа	Церковь	Христианская жизнь	Вера	Откровение	Богословие
Материальная сфера	Временное	ПРИРОДА	Природное	Низшее	
Тело	Общество	Культурная жизнь	Практический разум	Закон природы	Наука

Илл. 5. Два уровня Фомы Аквинского

Аквинский находит место для разума Аристотеля в низшем уровне. По его мнению, философское или научное познание природы возможно, так как практический разум исследует природные законы творения. Здесь есть важное движение мысли, которая имела далеко идущие последствия для современного мира. До Аквинского, разум был решительно подчинен вере; в эпоху после Августина разум воспринимался как формально правильное мышление, используемое в деле защиты и разъяснения христианской веры. Другими словами, разум стал, главным образом, инструментом богословия. По Аквинскому, разум остается подчиненным вере, но предлагается новое определение разуму: для Аквинского разум — практический инструмент, направленный на исследование и наблюдение природных и социальных законов в этом мире. Это новое определение возбудит интерес к естественному миру и увеличит уверенность в силе разума — здесь мы уже можем видеть семена современной науки.

Трудность в создании двухуровневой структуры состоит в поддержании ее единства, и, как заметил Ганс Кюнг: «Христианский средневековый синтез, представленный Фомой — это одно из необычайных противоречий, которое в динамике исторического развития имело результаты, доказавшие его самоуничтожение; это было беспрецедентное и всеохватывающее движение секуляризации и эмансипации

“на нижнем уровне”». ¹⁷⁵ Аквинский не дал независимости низшей сфере природы — он для этого был слишком предан библейскому мировоззрению. Несомненно, Фома считал, что благодать пропитала и совершенствовала природу, более того, Бог поддерживал творение и управлял им. Но в последующие столетия эти два уровня были разделены. Богословы Иоанн Дунс Скот (1266—1308), а еще больше Вильям Оккам (1285—1349), пренебрегши библейскими традициями и тонкостями синтеза Фомы Аквинского, отделили верхний уровень от нижнего.

В последующие столетия низший уровень природного мира, культурной жизни и разума все в большей степени отдалялся от высшего. На самом деле, большая часть человеческой жизни была отделена от власти Бога и силы евангелия. Разум разделился с верой, самостоятельная природа отделилась от поддерживающего Слова Божьего, и человеческое общество разъединилось с Божьим нормативным направляющим словом. Эти губительные разделения ужаснули искреннего христианина Аквинского. В этих делениях лежат семена атеизма, которые вскоре должны были прорасти в истории Запада. Брайан Уолш и Ричард Миддлтон отметили, как этот процесс приобрел движущую силу во время Ренессанса: «В то время как академические богословы ограничивали автономию сферы нашей природной жизни (и природного разума), гуманисты Ренессанса так расширили автономию природы, что уже больше не оставалось потребности в благодати. Если Бог и христианство уже не подходили, чтобы быть основой для большей части жизни, почему бы не сделать их неуместность полной?» ¹⁷⁶ И в самом деле, на протяжении следующих пяти веков Бог и евангелие были все больше и больше отдалены от природной и культурной жизни Запада. Атеизм, каким мы знаем его сегодня, берет свое начало в идеях академических богословов средневековья.

Сейчас мы критически рассмотрели, как христианство пошло на компромисс посредством слияния с греческим гуманизмом, но нам следует также отметить позитивное влияние евангелия на Западе, которое началось в эту историческую эпоху. Ньюбигин описывает средневековый период как «первую великую попытку перевести универсальное требо-

¹⁷⁵ Küng, *Christianity*, 426.

¹⁷⁶ Brian J. Walsh and J. Richard Middleton, *The Transforming Vision: Shaping a Christian World View* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984), 115.

вание Христа на политический язык». ¹⁷⁷ Осознавая вред, нанесенный соглашением между христианством и языческой культурой, Ньюбигин также считает, что в результате этого тысячелетнего слияния «евангелие проникло в самую природу (западноевропейской) социальной и личной жизни». ¹⁷⁸ Миссионерский опыт Ньюбигина, приобретенный в культуре, где преобладал индуизм, дал возможность ему увидеть, что западная культура была позитивно сформирована евангелием и «что мы все еще в значительной степени живем на наработанном духовном капитале». ¹⁷⁹

Несмотря на это, синтез между евангелием и классическим гуманизмом был на грани распада и появления более антитетических отношений между ними. Этот этап западной истории мы рассмотрим далее.

---

¹⁷⁷ Lesslie Newbigin, *Sign of the Kingdom* (Grand Rapids: Eerdmans, 1980), 47.

¹⁷⁸ Lesslie Newbigin, *The Household of God: Lectures on the Nature of the Church* (New York: Friendship Press, 1954), 1.

¹⁷⁹ Lesslie Newbigin, *Priorities for a New Decade* (Birmingham: National Student Christian Press and Resource Centre, 1980), 6.

Западная история. Развитие модернизма

Два слова, которые стали уже привычными в нашем пересказе западной истории, дают разгадку того, что происходило в следующие пять-шесть веков. Слово «ренессанс» означает, что мы верим в то, что нечто было возрождено. Слово «просвещение» подразумевает, что воссиял свет миру. Воистину, эти слова имеют глубоко религиозное значение.¹⁸⁰ Они несут в себе историю: гуманизм классической языческой культуры был возрожден и развивался до тех пор, пока не стал истинным светом мира. В этой главе мы и проследим эту историю.

Ренессанс. Возрождение гуманизма (XV—XVI вв.)

Тогда как средневековые историки представляли историю, разделенную на две эры — до рождения Христа и после, в эпоху Ренессанса начала появляться новая тройная структура, согласно которой история была разделена на древний, средневековый и современный периоды.¹⁸¹ Это свидетельство того, что умами писателей овладело революционное сознание, что и заставило их воспринимать свое время как радикально новую современную эру, заслуживающую своего собственного названия, которое отличало бы ее от предыдущих. Но все же очевидно, что большая часть Европы еще фактически оставалась средневековой. И только в конце XIX столетия Ренессанс был определен как исторический период,

---

¹⁸⁰ Лесли Ньюбигин отмечает: «“Просвещение” — это слово с глубоким религиозным подтекстом. Этим словом объясняется решающий опыт Будды. Это слово используется в посланиях Иоанна для описания пришествия Иисуса. Выдающиеся мыслители середины XVIII века посчитали, что подобный час просвещения наступил и для них», и испытанное ими восхищение было вызвано «уверенностью, что ранее сокрытое становилось явным, обретало объяснение». Вместо догматических или ненаучных объяснений, которые уже не удовлетворяли умы, обнаруживалось настоящее объяснение». (*The Other Side of 1984: Questions for the Churches* [Geneva: World Council of Churches, 1983], 7–8).

¹⁸¹ Возможно, немецкий гуманист Христофор Целларий (1638–1707) был первым, кто применил такое деление в работе XVII века *Universal History, Divided into Ancient, Medieval, and Modern Time Periods*. См. Geoffrey Barraclough, *History in a Changing World* (Oxford: Blackwell, 1955), 54.

отличный от средневековья.¹⁸² Очевидно то, что в период между XIV и XVII столетиями изменились религиозные устои Европы.

В средневековый период преобладающее мировоззрение платонизированного христианства сузило область академических дисциплин до метафизики, права, богословия и логики. Сверхъестественная ориентация, унаследованная от неоплатонизма, установила пределы научного и технологического развития и ограничила область искусства, по большей части, до религиозных тем. Тоталитарная власть церкви отняла человеческую свободу; ее неподвижная, иерархическая структура препятствовала развитию общества. Но, начиная с XIV и XV столетий, произошло возрождение классической науки и возобновился интерес к гуманитарным наукам — литературе, поэзии, истории и языкам. Возобновился интерес к настоящему миру, что подтверждено научными исследованиями и техническими изобретениями, и произошел поворот к природным темам в искусстве. Были вновь подтверждены ценность человека и знаний этого мира, частично в противовес чрезмерной власти средневековой церкви и ее сверхъестественному неоплатонизму.

С большей частью направлений такого развития христианин может согласиться, посредством него культура была удалена от некоторых языческих факторов, которые были сохранены в средневековом синтезе. Однако в северной Италии среди таких мыслителей, как Пико дела Мирандола, Фичино и Бокаччо возникла радикальная и антихристианская форма гуманизма. Мы можем охарактеризовать это как начало секулярного гуманизма; гуманизма, который в корне отвергает власть Бога над человеком и природной жизнью. Нельзя сказать, что эти люди отвергали христианскую веру, их работы все еще были наполнены христианским языком и темами. Но все же направление их мысли в значительной степени противоречило библейскому мировоззрению.

Мы можем отметить четыре стороны секулярного гуманизма Ренессанса:

1) Возобновился интерес к современному миру. Джон Дьюи говорит об изменении «от иного мира к этому, от сверхъестественности средних веков до получения наслаждения от естествознания, естественной

---

¹⁸² Johan Huizinga, *Men and Ideas: History, the Middle Ages, the Renaissance; Essays*, trans. James S. Holmes and Hans van Marle (New York: Harper & Row, 1970), 243–87.

деятельности и естественного общения».¹⁸³ Два уровня Фомы Аквинского распадались: природный мир — *saeculum* — отделялся от сферы благодати и становился главным фокусом интереса ученых. Само по себе получение обновленного наслаждения в Божьем благом творении было, несомненно, нормальным ходом развития, но оно будет утверждаться все больше и больше за счет приуменьшения или даже отрицания Божьего участия и авторитета в этом мире.

2) Такой обновленный акцент на секулярной сфере у многих людей способствовал ощущению, что человечество — независимо.¹⁸⁴ В библейской истории люди обнаруживают, что природа уготована для них такой, какой ее создал Бог, и вся их жизнь находится под властью Божьего слова. Секулярный гуманизм определил человеческую жизнь отдельно от Бога, как имеющую «закон своего существования внутри себя».¹⁸⁵ Человеческая свобода была представлена как свобода от Божьей власти. Здесь мы приводим отрывок из статьи «Речь о достоинстве человека» Пико делла Мирандола (1486), где Бог обращается к человечеству в истории творения:

*«Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и главный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь».*¹⁸⁶

¹⁸³ John Dewey, *Reconstruction in Philosophy, enlarged ed. (Boston: Beacon, 1957), 47–48.*

¹⁸⁴ См. Романо Гуардини, *The World and the Person*, trans. Stella Lange (Chicago: Henry Regnery, 1965); сначала издано как *Welt und Person: Versuche zur christlichen Lehre vom Menschen* (Würgsburg: Werkbund-Verlag, 1939). Гуардини говорит о трех отправных пунктах современного мира, которые были сформулированы в конце средневекового периода, в эпоху Ренессанса: природа, субъект и культура. Ключ к пониманию этих трех пунктов — независимость, которой Гуардини передает понимание творения, человеческой жизни и культурного развития, как существующих отдельно от Бога и его власти. Природа, субъект и культура у Гуардини приблизительно совпадает с 2 и 4 пунктами мировоззрения Ренессанса.

¹⁸⁵ Guardini, *The World and the Person*, 9.

¹⁸⁶ J. B. Ross and M. M. McLaughlin, eds., *The Portable Renaissance Reader* (New York: Penguin, 1977), 478.

Хотя Пико – христианин, его язык ясно открывает небиблейское восприятие человеческой независимости.

3) Согласно секулярному гуманистическому мнению, весь остальной мир, кроме человека, имеет свою независимость от Бога. Не только человечество, но и весь нижний уровень Фомы Аквинского, поскольку он считается отделенным от высшего, утрачивает свои тесные отношения с Создателем. «Мир утратил свой образ “творения” и стал “природой”... Через видение мира как природы гуманист забирает его из Божьей руки и делает независимым».¹⁸⁷ Природа, отделенная от Божьего повелевающего слова, теперь представляется как появившаяся в результате неизменных законов. Порядок, наблюдаемый в природном мире, уже больше не воспринимается как ответ на Божье слово (ср. Пс. 147, 4), но скорее как необходимое условие собственной технической структуры. Вселенная все больше воспринимается только как тщательно разработанная, сложная машина, работающая автоматически, независимо и не имеющая потребности в дальнейшем участии ее дизайнера и создателя.

4) Как следствие первых трех пунктов, неизбежным было то, что человечество поставит себе задачу стать хозяином природы. Из трех основных взаимоотношений человека – с Богом, друг с другом и со всем остальным творением, взаимоотношения с Богом преобладали в период средневековья, в то время как отношения людей друг с другом, и особенно со всем остальным творением, было недооценено. Но в эпоху Ренессанса все больше

*жизнь человека рассматривается в ракурсе его взаимосвязи с окружающим миром... Для западной культуры со времен Ренессанса отношение человека к природе становится выше других... Мы находим самовыражение, пытаемся повлиять на мир с помощью мысли или творческой деятельности, тогда как раньше смысл жизни человека измерялся ее ценностью для других людей.*¹⁸⁸

Культура формируется коллективным религиозным пониманием народа о цели и смысле жизни. Желание контролировать и господствовать над всем остальным творением ради общего блага человечества

¹⁸⁷ Guardini, *The World and the Person*, 11

¹⁸⁸ Bob Goudzwaard, *Capitalism and Progress: A Diagnosis of Western Society*, trans. and ed. Josina Van Nuis Zylstra (Toronto: Wedge; Grand Rapids: Eerdmans, 1979), 134.

должно было эволюционировать из этого семени, начиная с Ренессанса. Гуардини объясняет: «Сам человек, который до этого был поклонником и слугой, теперь стал “творцом”. Все это выражено в слове “культура”. В этом слове присутствует претензия на независимость. Человек постигает существование, чтобы приспособить его к своей воле».¹⁸⁹

Многообещающий секулярный гуманизм Ренессанса не появляется на подмостках человеческой истории, как нечто совершенно новое. Светский дух не с легкостью заменил религиозный, потребность в свободе человека не сразу вытеснила принятие церковного авторитета, и ориентация на этот мир не сразу заняла место стремления к Богу. Семена модернистского мировоззрения сначала появились среди некоторых философов в северной Италии; и как философы, так и их мысли еще долгое время носили христианскую оболочку. Именно из-за того, что эти семена начали прорасти и заглушать христианское мировоззрение, мы говорим о Ренессансе как таковом. Роналд Уэллс прав, говоря: «В другом контексте, лишенном религиозной оболочки, (обязательно) появится новый пример человеческой самоуверенности в секулярном мировоззрении. Но в Ренессансе нет такого окончательного разрыва. Хотя потенциал для этого определенно есть и со временем это придет, этого не было в период с XIV по XVI столетие».¹⁹⁰ Таким образом, гуманизм, возродившийся в XIV веке, не претендовал на статус быть светом миру до XVIII века.

Реформация. «Осоление» и секуляризация (XVI век)

«Однажды два светловолосых близнеца по имени Ренессанс и Реформация, преследуемые и оскорбляемые, восстали против своей злобной ковыляющей мачехи — католической церкви средневековья». Так начинается ироническая сказка Крейна Бринтона, в карикатурном виде изображающая версию западной истории, которая просто относит Реформацию к категории игривой сказки о взлете секулярного гуманизма. Реформация и Ренессанс были духовными близнецами в том, что оба добивались освобождения от ограничений, наложенных на них

¹⁸⁹ Guardini, *The World and the Person*, 11.

¹⁹⁰ Ronald A. Wells, *History through the Eyes of Faith: Western Civilization and the Kingdom of God* (San Francisco: Harper & Row, 1989), 75.

церковью в средние века.¹⁹¹ Хотя этот известный пересказ истории все упрощает и представляет односторонне, Бринтон отмечает, что в нем есть доля истины: власть может быть отождествлена с духом средних веков, и свобода — с духом Реформации и Ренессанса. Но есть и другой способ изложения этой истории, где две духовных силы — христианство и гуманизм, сражающиеся за влияние в западной культуре, находят свои истоки в Реформации и Ренессансе.

Хотя в обеих историях присутствует некоторая истина, любая из них сама по себе может быть обманчива. Ренессанс не был просто гуманистическим, так как многое из его системы взглядов осталось христианским. Также и Реформация показывает смесь взглядов. Она действительно послужила возвращению многого из христианского мировоззрения, и, возможно, ее основной сути. Но в то же время Реформация также ускорила секулярное движение к модернизму.

Для того чтобы разобраться с позитивными моментами Реформации, прежде всего, нам следует признать, что это было основательное христианское обновление, вернувшее многие стороны евангелия, которые были забыты. Реформаторы вновь подтвердили благодать творения. В ответ на дуализм, который поставил монахов и священников на высший, духовный уровень, реформаторы Мартин Лютер (1483–1546) и Джон Кальвин (1509–1564) настаивали на том, что во всех видах призвания мы служим Богу, служа своим ближним. Таким образом, Лютер полагает, что Мария сразу же после того, как ее посетил архангел Гавриил (Лк. 1, 26-38), просто вернулась к своим домашним обязанностям — доению, приготовлению пищи, стирке и уборке. Другими словами, даже после благовещения Мария возвращается к Богу данному призванию. Для Лютера, каждая обязанность человека — священное призвание, одинаково священное, призван ли человек выносить во чреве Младенца Христа или готовить ужин. Реформаторы также настаивали на масштабах и глубине греха, что, как они считали, было упущено в эйфорическом возрождении гуманизма. Более того, реформаторы учили (хотя не всегда последовательно), что спасение — это восстановление человеческой жизни как творения. В результате Реформации эти и многие другие важные стороны евангелия были снова открыты и распространены в западной культуре. Ричард Тарнас отмечает, что

¹⁹¹ Crane Brinton, *The Shaping of the Modern Mind: The Concluding Half of Ideas and Men* (New York: New American Library, 1953), 22

хотя секуляризм победил в XIX столетии, многочисленные преимущества христианского мировоззрения продолжали формировать западную культуру, включая: христианские этические ценности, высокую оценку разума и ощущение доступности мира, призвание человека осуществлять управление, внутреннее достоинство человека и его неотъемлемые права, моральную ответственность и повеление заботиться о беспомощных и менее удачливых, и, кроме того, держать курс на будущее и веру в исторический прогресс.¹⁹²

Но все же существует и другая сторона Реформации: она также служила ускорению процесса секуляризации в западной культуре. Это произошло отчасти потому что реформаторы не были в достаточной мере требовательны к гуманизму своего времени. Но довольно часто влияние секуляризма было ненамеренным, более того, иногда оно прямо противоречило интересам реформаторов. Мощное течение гуманизма на Западе поднимало Реформацию к развитию, часто против их воли.¹⁹³

В последнем разделе мы отметили, что двумя фундаментальными принципами гуманизма эпохи Ренессанса были: стремление к свободе и независимости человека и направление жизни ко всему остальному творению. Часто Реформация способствовала этим тенденциям, хотя, теоретически, противилась им. Поэтому, когда у Лютера требовали отречения от «еретических» взглядов, он ответил такими словами: «Пока я не буду убежден свидетельствами Священного Писания и ясными доводами разума — ибо я не признаю авторитета ни пап, ни соборов, поскольку они противоречат друг другу, — совесть моя связана Словом Божиим. Я не могу и не хочу от него отречься, потому что нехорошо и небезопасно поступать против совести. Да поможет мне Бог. Аминь».¹⁹⁴ Эти слова можно считать декларацией подчинения Лютера авторитету Писания. Но их также можно считать утверждением автономной свободы от учрежденной власти на основе личной совести, и если его слова так понимать, тогда Лютер, кажется, совершает беспрецедентный акт сопротивления.

---

¹⁹² Richard Tarnas, *The Passion of the Western Mind: Understanding the Ideas That Have Shaped Our World View* (New York: Ballantine, 1991), 321.

¹⁹³ Для полного обсуждения секулярного влияния Реформации с позиции, не сочувствующей христианству, см. Tarnas, *Passion of the Western Mind*, 237–47.

¹⁹⁴ Roland H. Bainton, *Here I Stand: A Life of Martin Luther* (1950; repr., New York: Penguin, 1995), 144.

Так же поиск реформаторами свободы культурной жизни от власти учрежденной церкви, что само по себе хорошо и правильно, может превратиться в задачу по освобождению культуры от всей божественной власти. Подобным образом реформаторы вновь подтвердили значение благодати творения и ценность научных стремлений. Но наука, процветающая в такой обстановке, сама могла обратиться к служению гуманизму. Таким образом, в этом и во многом другом Реформация не только вновь привнесла в западное мировоззрение христианскую веру, но также и ускорила ее движение в сторону секуляризма.

Научная революция.

Наука и развитие модернизма (XVI—XVII вв.)

Два взгляда на науку: христианский и гуманистический

Наука сыграла такую важную роль в развитии западного мировоззрения, что Ньюбигин говорит о модернизме, как о «современном научном мировоззрении».¹⁹⁵ Наука (и как совокупность знаний, и как методология, которой приобретаются эти знания) — это мощный инструмент, добрый дар от Бога, который можно направить согласно христианского или гуманистического взгляда на жизнь. По сути, оба взгляда были популярны в период, известный как научная революция. Николай Коперник (1473—1543), Иоганн Кеплер (1571—1630), Исаак Ньютон (1642—1727) и большинство других основных фигур в этой революции были христианами. Тем не менее, к XVIII столетию в естественных науках западной культуры уже преобладал гуманистический взгляд.

В средневековый период развитие науки затрудняла сверхъестественная перспектива, которой не хватало позитивной оценки этого мира как подходящей сферы для исследований, а также относительно призвания человека развивать и исследовать творение. И христианское мировоззрение, и его гуманистический продукт в Ренессансе внесли взгляды, которые послужили устранению средневековых препятствий к продвижению науки. С библейской точки зрения, люди — это творения, уникальным образом призванные Богом исследовать и заботиться о благом творении, а наука может

¹⁹⁵ Lesslie Newbigin, *Foolishness to the Greeks: The Gospel and Western Culture* (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 15, 22.

их обеспечить средствами, чтобы выполнить хорошо и то и другое. С гуманистической точки зрения, понятие управления может быть искажено, и может казаться, что независимое человечество будет управлять и эксплуатировать творение для своих собственных целей. Наука в западном мире в период Ренессанса и позднее предлагала средства и традицию, по которой человечество поняло бы законы природы. С таким знанием пришла бы поразительная сила, так как сама природа могла быть использована для управления человечеством. Таким образом, новая наука имела возможность для продвижения либо христианской модели управления, либо гуманистического господства над природой.

Конечно, в это время не были проведены четкие различия между этими двумя духовными направлениями. Смещение христианского и гуманистического мировоззрений очевидно в трудах и Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), и Рене Декарта (1596–1650). Бэкон считал, что «знание — сила», и думал, что научное знание законов природы даст возможность людям прогнозировать, как будет себя вести все остальное творение, а техника даст возможность использовать силы природы для блага человечества.¹⁹⁶ Бэкон пишет: «Господство человека основано исключительно на гуманитарных и естественных науках, потому что природой можно управлять, только повинаясь ей».¹⁹⁷ Бэкон верил, что в результате грехопадения люди утратили как отношения с Богом, так и свое господство над природой. Первое, на его взгляд, можно было исправить посредством религии и веры, а второе можно будет восстановить посредством науки и технологии (которым Бэкон предопределил мессианскую роль). Но если предполагалось, что наука приведет человечество к новой цивилизации, то сначала необходимо было учредить новое осмысление познания. Необходим доскональный метод, чтобы очистить разум от всех субъективных искажений и ошибочных мнений средневековых схоластов. Метод Бэкона был практическим, впредь знание должно было прочно основываться на экспериментальном исследовании мира и индуктивном аргументировании наблюдаемых предметов.

---

¹⁹⁶ *Novum Organum*, book 1, aphorism 3.

¹⁹⁷ *Novum Organum*, book 1, aphorism 129

Декарт совершил на европейском континенте то, что Бэкон совершил в Англии. Декарта называют «отцом модернизма» из-за его приверженности независимому научному разуму как последней инстанции истины.¹⁹⁸ Как и Бэкон, Декарт считал, что с помощью науки человечество сможет овладеть законами природы, а с помощью технологии применить их, чтобы стать «хозяевами природы»¹⁹⁹ и творцами самого прогресса. Для реализации этого взгляда он предложил метод представления знания более строго и объективно, а также очищение разума от всех субъективных предубеждений — чувств, воображения, эмоций, традиций, власти и мнения. Метод решения Декарта был выражен в архитектурной метафоре: методологическое сомнение — это прочное основание, на котором нужно строить структуру знаний, поэтому начинай сомневаться во всем, что ты думаешь, что знаешь. На таком основании можно построить прочное сооружение знания, следуя рациональному методу, подвергая каждую заявку на истину только оценке разума и принимая за истину только то, что можно проанализировать и измерить в количественном выражении. Таким образом, в дополнение к практическому и экспериментальному методу Бэкона Декарт предложил рационалистический и математический метод.

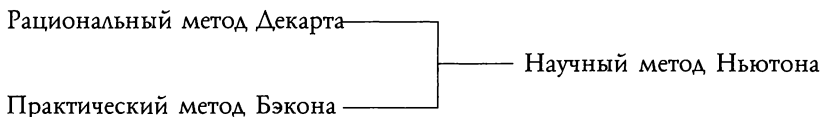
Исааку Ньютону осталось объединить эти два подхода в научный метод, отдав должное место и экспериментальному наблюдению, и математической рациональности (см. илл. 6). Со времен Ньютона наука должна была занять центральное место в западном мировоззрении, сам же гуманизм все больше и больше принимал научную форму. Многим казалось, что наука теперь предлагает откровение и спасение, открывая истинную природу мира, а также спасение человечества от последствий греха. Другими словами, наука была готова стать наиболее влиятельным идолом Запада, как говорит Александр Поуп (1688—1744) в своем злом пересказе Быт. 1, 3 и Ин. 1, 4-9: «Природа

¹⁹⁸ См. Peter A. Schouls, *Descartes and the Enlightenment*, McGill-Queen's Studies in the History of Ideas 13 (Kingston: McGill-Queen's University Press, 1989). Шульц показывает, что мысль Декарта, особенно его понимание свободы, власти и прогресса, по сути своей подобна философии Просвещения.

¹⁹⁹ Rene Descartes, *Discourse on Method*, 3rd ed., trans. Donald A. Cress (Indianapolis: Hackett, 1993), 3.

и законы природы лежат, скрывшись в ночи. Бог сказал: “Да будет Ньютон!” и все стало светом».²⁰⁰

Илл. 6. Развитие метода

Триумф гуманизма — почему?

Но все могло бы быть и по-другому. Наука могла бы подготовить человечество к его надлежащей роли управителя, который заботится о творении и совершенствует его. Как наука стала полностью пропитана гуманизмом? Отчасти виновата церковь, так как она сделала две ошибки, которые существенно обособили христианское мировоззрение.

Первой большой ошибкой церкви была слишком негативная реакция на появление новой науки. Пятнадцать столетий церковь воспринимала мир мерками языческого греческого астронома Птолемея (366–282 до н. э.), согласно которому Земля была неподвижным центром Вселенной. И, казалось, это мнение соответствовало христианскому мировоззрению: ввиду того что Бог послал своего Сына на Землю, она должна быть центром его творения. Таким образом, когда Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон, основываясь на работах друг друга, представили научные доказательства того, что земля не была центром Вселенной, а фактически вращалась по своей оси и вокруг солнца, церковь отреагировала резко и враждебно.

Первое неприятие новых открытий в астрономии пришло со стороны протестантов. Из-за их убеждения *sola Scriptura* (только Писание), они ошибочно истолковали стих из Библии, якобы предлагающий научный взгляд на мир: «Ты поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки» (Пс. 103, 5) и «...земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит» (Еккл. 1, 4-5). Эти стихи, наряду со многими другими, кажется, говорят, что неподвижная земля находится в центре мироздания. Поэтому многие в протестантских церквях верили, что

²⁰⁰ Эпитафия Поупа Ньютону.

доводы в пользу гелиоцентрического взгляда на Вселенную противоречат Писанию. Случилось так, что Лютер (ссылаясь на Нав. 10, 11-13) мягко высмеял Коперника: «Это уже стало модным. Кто хочет быть умным, не должен соглашаться с тем, что почитают другие. Он должен сделать что-то свое. Речь идет о тех, кто хочет перевернуть всю астрономическую науку вверх дном... Я верю Святому Писанию, потому что Иисус Навин повелел солнцу остановиться, а не земле».²⁰¹ Поначалу римокатолическая церковь толерантно отреагировала на новую науку, но после Галилея она изменила свое отношение и старалась пресекать новые открытия.

Христианская церковь могла бы отреагировать по-другому. Она могла поинтересоваться, были ли традиционные толкования правильными, она могла переформулировать христианские постулаты для нового времени. Католический богослов Макс Уилдирс комментирует: «Вместо того чтобы принять вызов и поразмышлять над верой, церковь предпочла легкий консерватизм, держа врага в безвыходном положении с помощью анафемы... Такая неспособность принять вызов новой картины мира стала большой потерей для церкви и христианства».²⁰² Все больше и больше церковь будет восприниматься как оплот мракобесия и препятствие на пути к свободному исследованию истины. Тарнас комментирует: «В основе культурного значения галилеевского конфликта лежит конфликт церкви и науки и, косвенно, религии и науки. И в принудительном отречении Галилео (от его исследований в астрономии) лежит поражение церкви и победа науки».²⁰³ Но так не должно было быть: религия и наука не находятся в непримиримом конфликте.

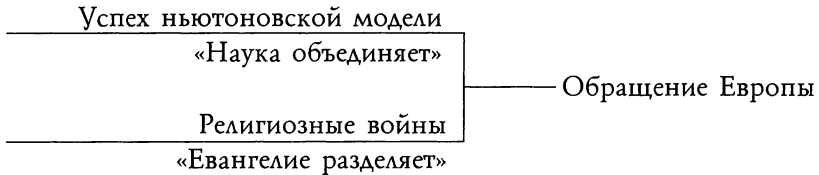
---

²⁰¹ Donald H. Kobe, "Copernicus and Martin Luther: An Encounter Between Science and Religion," *American Association of Physics Teachers* (March 1998): 192. Эти слова не были записаны Лютером, а высказаны в дискуссии, и были процитированы по памяти одним из его друзей. Статья Коби показывает историческое развитие первоначального высказывания Лютера — как оно было преувеличено и неправильно использовано для продвижения метафоры войны между наукой и религией. Я обязан этой ссылкой, наряду с некоторыми пояснениями цитат Лютера, Полу Брауну, профессору и координатору исследований окружающей среды из Trinity Western University, Langley, BC.

²⁰² Max Wildiers, *The Theologian and His Universe: Theology and Cosmology from the Middle Ages to the Present*, trans. Paul Dunphy (New York: Seabury, 1982), 140 (первоначально издан как *Wereldbeeld en teologie: Van de middeleeuwen tot vandaag* [Antwerp: Standaard, 1977]).

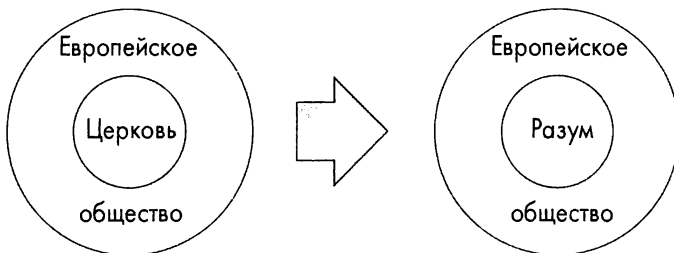
²⁰³ Tarnas, *Passion of the Western Mind*, 261.

Существует другой путь, посредством которого церковь внесла вклад в победу гуманизма. Реформация привела к разрушению христианского мира — расколу самой церкви на различные конфессиональные группы и разделению Европы на разные политические партии. Так как каждая структура соперничала за полный контроль над континентом, Европа была пропитана христианской кровью. И в то же время, когда христиане убивали друг друга, ньютоновская парадигма науки продвигала знания во многих сферах. Таким образом, в Европе параллельно развивались два процесса: религиозные войны грозили ее разорвать, а ньютоновская наука (чьи открытия часто делались благодаря международному сотрудничеству среди ученых), казалось, предлагала мир и единство (см. илл. 7).

Илл. 7. Обращение Европы

Это привело бы растущее число европейцев к восприятию научного разума как нового центра, вокруг которого можно построить стабильное европейское общество (см. илл. 8).

Илл. 8. Смена парадигмы в европейском обществе

Просвещение.

Обращение Запада к новой вере (XVIII век)

Научный гуманизм, возникший в XVII столетии, широко распространится в Европе в эпоху Просвещения в XVIII столетии, став господствующим религиозным взглядом и мировоззрением, формирующим культуру. В этом веке Европа обратилась к новой вере — научный гуманизм, казалось, заменил евангелие и стал «светом миру», и его основные убеждения можно подытожить под такими заголовками: 1) вера в прогресс, 2) вера в разум, 3) вера в технологии, 4) вера в рационально упорядоченный общественный мир. Следующие несколько страниц мы посвятим рассмотрению каждого из этих пунктов кредо Просвещения.

Вера в прогресс

Августин верил, что Бог приведет историю к высшему исполнению в Божьем граде. Писатели Просвещения «стерли Небесный город Августина с лица земли только с тем, чтобы отстроить его заново современными материалами».²⁰⁴ Вымысел о прогрессе был новой формой, которую придали идее о предвидении, или универсальной истории. Иммануил Кант (1724—1804), возможно, наиважнейшая и самая известная фигура эпохи Просвещения, говорит так: «Предназначение человеческого рода в целом — непрерывное развитие. Мы достигаем его, устремив свой взор к цели, которая, хотя только и воображаемая, высоко ценится на практике, так как дает направление нашим усилиям, согласующимся с намерениями Провидения».²⁰⁵

Образы будущего рая наполняют произведения этого времени: Анри Сен-Симон (1760—1825) утверждает, что золотой век человечества лежит не позади нас, а ждет впереди. Джозеф Пристли (1733—1804) пишет: «Каким бы ни было начало этого мира, конец будет славным и райским, гораздо больше того, что мы можем себе представить или вообразить».²⁰⁶ Представление будущего рая Уильямом Гудвином очень

²⁰⁴ Carl Becker, *The Heavenly City of the Eighteenth-Century Philosophers* (New Haven: Yale University Press, 1932), 31.

²⁰⁵ Immanuel Kant, *Criticism of Herder* (1785), quoted in F. S. Marvin, *The Living Past: A Sketch of Western Progress*, 4th ed. (Oxford: Clarendon, 1928), 217.

²⁰⁶ Cited in Becker, *Heavenly City*, 145.

напоминает новый Иерусалим из Откр. 21: «Там не будет войн, преступлений, отправления так называемого правосудия и правительства. Кроме того, там не будет ни болезней, ни боли, ни раздражительности, ни негодования. Каждый человек с неопишваемым рвением будет искать блага для всех».²⁰⁷

Карл Беккер отмечает, что для мыслителей Просвещения «цель жизни — сама жизнь, хорошая жизнь на земле вместо блаженной жизни после смерти».²⁰⁸ Такая хорошая жизнь на земле определяется, главным образом, экономическим ростом и материальным процветанием. В 1767 году французский философ Просвещения Мерсье Де Ла Ривьер писал: «Говоря по-человечески, самая большая радость для нас заключается в наибольшем изобилии вещей, пригодных для нашего наслаждения, и в невероятной свободе получать от них прибыль».²⁰⁹ Так же и Адам Смит считал, что счастье зависит от материального изобилия. Лоуренс Осборн отмечает, что для мыслителей Просвещения «прогресс отождествляется с экономическим ростом»²¹⁰ и поэтому «экономика является основным инструментом модернизма в стремлении к счастью».²¹¹ Здесь нам следовало бы остановиться и обратить внимание, что такая одержимость материальным достатком понятна в мире, охваченном бедностью и стихийными бедствиями, и именно таким был мир, известный экономистам Просвещения. Но такое стремление к материальному процветанию, сопровождаемое наличием свободного времени и свободой им наслаждаться, должно было стать движущей силой в нашем собственном обществе потребления на Западе в XX и XXI столетиях, где нет такой бедности.

Рональд Райт говорит о нашей практической вере в развитие как о «секулярной религии... мифе в антропологическом смысле» повествования об универсальной истории, которая формирует культуру.²¹²

²⁰⁷ William Goodwin, *Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on Morals and Happiness* (Toronto: University of Toronto Press, 1946), 2:528, quoted in Goudzwaard, *Capitalism and Progress*, 41

²⁰⁸ Becker, *Heavenly City*, 31.

²⁰⁹ Цитата из John B. Bury, *The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth* (London: Macmillan, 1920), 173.

²¹⁰ Lawrence Osborn, *Restoring the Vision: The Gospel and Modern Culture* (London: Mowbray, 1995), 46.

²¹¹ Osborn, *Restoring the Vision*, 57.

²¹² Ronald Wright, *A Short History of Progress*, CBC Massey Lecture Series (Toronto: House of Anansi Press, 1994), 4; cf. Christopher Dawson, *Progress and Religion: An Historical*

И давайте уясним себе: вера в прогресс и *есть* религия, истинная вера. Ничто не говорит о том, что западная культура движется в направлении прогресса, возрастающего материального благосостояния для всех. В действительности, сегодня многие свидетельства говорят об обратном.

Вера в разум

Считалось, что развитие к лучшему будет стимулироваться разумом и наукой. Эпоха Просвещения была названа «веком разума» из-за ее веры в рациональные способности человека и уверенность, что «человек способен» руководствоваться исключительно светом разума и опыта и совершенствовать благу жизнь на земле.²¹³ Тарнас добавляет: «Для здоровой цивилизации Запада в самом расцвете модернизма именно наука и разум, а не религия и вера, способствовали прогрессу. Воля человека, а не Бога, была авторитетным источником усовершенствования мира и успешного освобождения человечества».²¹⁴

С точки зрения Просвещения, научный разум должен быть *независимым*, свободным от (христианской) веры, которая все больше и больше отвергалась как обскурантистская, невежественная и суеверная. Кроме того, научный разум должен быть *действенным*, используемым для контроля, прогнозирования и формирования мира. И, наконец, научный разум должен быть *универсальным*, чтобы превосходить человеческую культуру и историю, понимать законы, которые подходят для всех людей во все времена.

Вера в технологию

Согласно кредо Просвещения, прогресс наступит тогда, когда научный разум преобразуется в технологию, чтобы использовать законы природы для пользы человечества. Знание законов природы даст человечеству контроль над всем остальным творением через технологию, а над человеческим обществом через рациональную организацию. В XVII столетии Фрэнсис Бэкон предсказал союз науки и технологии, хотя этого в действительности не произошло до XIX века. Но понимание значения технологического контроля для дальнейшего

Inquiry (London: Sheed & Ward, 1929), 3.

²¹³ Becker, *Heavenly City*, 31; cf. Goudzwaard, *Capitalism and Progress*, 38.

²¹⁴ Tarnas, *Passion of the Western Mind*, 323.

прогресса и процветания было очевидно в эпоху Просвещения XVIII века. Примером такой веры в науку и технологию может быть цитата из книги, написанной в 1770 году Себастьяном Мерсье, которая называлась *L'An 2440 (2440 год)*: «Где предел совершенствованию человека, вооруженного геометрией, ремеслами и химией?»²¹⁵ Так же в своем «Очерке об исторической картине прогресса человеческого разума» (*Sketch for a Historical Picture of the Progress of the Human Mind*) Маркиз де Кондорсе (1743–1794) обрисовал свое видение умножения материального достатка, осуществляющегося с помощью науки и технологии.

Вера в рационально упорядоченный общественный порядок

В Просвещении мысль, научный разум, применяемый к человеческому обществу, может организовать его рационально и этим достигнуть прогресса в социальной сфере. Так как физика Ньютона имела успех на основе его открытий неизменного порядка во всем остальном мире, кроме человеческого, возможно, подобный порядок можно было разглядеть также и в социальном, политическом, экономическом и научном мире. Философы Просвещения поверили, что они могут учредить небесный город, обнаружив его устройство одним разумом и соответственно организовав человеческое общество и культуру. Свободное применение научного разума должно было стать ключом к этой смелой инициативе в социальной организации. Многие мыслители Просвещения верили, что деспотические политические и социальные структуры, господствующие в Европе, были результатом христианской веры. Они представляли себя солдатами, вооруженными научным разумом, вовлеченными в войну против этих подавляющих и устаревших установлений, пережитков средних веков.

Так как материальное процветание должно было стать главной особенностью небесного града, неудивительно, что выдающееся место было уделено рациональной организации экономической жизни. Адам Смит (1723–1790) опубликовал свою весьма влиятельную работу «Исследование о природе и причинах богатства народа» (*The Wealth of Nations*) в 1776 году, где изложил понимание Просвещением рациональной экономики. Смит верил, что если мы позволим рынку

²¹⁵ См. Bury, *The Idea of Progress*, 197; Goudzwaard, *Capitalism and Progress*, 49.

быть свободным, экономические решения корыстных людей приведут нас к лучшему будущему.²¹⁶

Научный разум был применен к политической теории Джоном Локком (1632–1704) в работе «Два трактата о государственном правлении» (*Two Treatises of Government*) (1689), где он поставил под сомнение божественное право царей и поддержал более рациональную политику, где право правления было бы получено через согласие народа. Другие добивались более рациональной системы образования. На самом деле, «на протяжении XVIII века было написано больше трактатов об образовании, чем во все предыдущие века вместе взятые».²¹⁷ Однако другие строили теории для более рациональной правовой системы, основанные на труде Гуго Гроция (1583–1645). Все общество мыслителей Просвещения предлагало проекты рационального общества, основанного на научном разуме.

Такое широко распространенное желание иметь рациональное общество было основано на работах Ньютона, чей научный метод направил социальных, политических и экономических философов Просвещения на путь создания своих собственных теорий. В ньютоновской физике человек начинает с малейшего понимания законов, которые управляют ею, что приводит к гармонии отношений в других сферах. Пауль Тиллих говорит об этом как о «техническом разуме», который «разбирает реальность на малейшие частицы и затем, исходя из этого, объясняет другое, большее».²¹⁸ Этот метод стали использовать в общественных организациях, например, экономические и политические философы начали с наименьшей единицы общества — человека, и искали законы, по которым каждый из этих отдельных людей мог иметь отношение к другим. Джордж Сорос заметил, что экономическая теория Просвещения (мы можем добавить — политическая, социальная и образовательная) «основана на ошибочной

²¹⁶ Александр Поуп высмеивает взгляд, что погоня за своекорыстием совпадет с целями Бога для экономической жизни: «Так Бог и природа образовали основной костяк; и заявили, что себялюбие и любовь к обществу — одно и то же» (*An Essay on Man: In Epistles to a Friend*, 4 vols. [London: J. Wilford, 1733–1734], Epistle 3, 317–18).

²¹⁷ Marvin Perry et al., *Western Civilization: Ideas, Politics, and Society*, 5th ed. (Boston: Houghton Mifflin, 1996), 439

²¹⁸ Paul Tillich, *Perspectives on 19th and 20th Century Protestant Theology*, ed. Carl E. Braaten (London: SCM, 1967), 33.

аналогии с физикой».²¹⁹ Ньюбигин отмечает, как такая ошибочная аналогия работает в экономике: «Она стала наукой работы рынка как автоматического механизма, сконструированного в ньютоновском мире. Разница состояла в том, что основным закон, управляющий его движениями, соответствующий закону гравитации Ньютона, — это закон жадности, придуманный как основной стимул человеческой природы».²²⁰

Эта «теория универсальных законов» имеет свои корни (как это ни странно) в давней христианской традиции «закона природы» (естественный закон), принятого в XVIII столетии в мировоззрении Просвещения. В средние века Фома Аквинский придал особую выразительность христианскому пониманию закона природы, говоря, что законы, по которым устроена Вселенная, были определены Творцом и поэтому отображают цели Бога для своего творения. Закон природы для Аквинского был подтверждением Божьего присутствия. Эта идея в той или иной степени господствовала до эпохи Просвещения, когда некоторые философы начали говорить о законах природы как об имманентном законе, присутствующем в творении независимо от Бога. Поль Азар комментирует, что «целью этого движения было разъединить закон и религию».²²¹ Гуго Гроций часто считается автором этого рационалистического, секулярного взгляда на закон природы, утверждающего, что эти законы имеют силу независимо от того, хотел их Бог или нет. Последователи Гроция в эпоху Просвещения следовали его цепочке рассуждений, пока «закон природы, который они развили, не стал полностью светским».²²² Ньюбигин комментирует это «новое понимание “Закона”»: «Больше нет божественного законодателя, чьим повелениям необходимо повиноваться, потому что они Божьи.

²¹⁹ George Soros and Jeff Madrick, “The International Crisis: An Interview,” *The New York Review of Books* (January 14, 1999): 38. Цитата из Bob Goudzwaard et al., *Globalization and the Kingdom of God*, ed. James W. Skillen (Washington, DC: Center for Public Justice; Grand Rapids: Baker Academic, 2001), 24.

²²⁰ Lesslie Newbigin, *Foolishness to the Greeks*, 31.

²²¹ Paul Hazard, *European Thought in the Eighteenth Century: From Montesquieu to Lessing*, trans. J. Lewis May (Cleveland: World Publishing, 1963), 145; впервые опубликовано как *La pensée européenne au XVIIIème siècle: De Montesquieu à Lessing*, 3 vols. (Paris: Boivin, 1946); see also idem, *The European Mind: 1680–1715*, trans. J. Lewis May (New York: World Publishing, 1963), 269–70; впервые опубликовано как *La crise de la conscience européenne, 1680–1715*, 3 vols. (Paris: Boivin, 1935).

²²² A. P. d’Entrèves, *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy* (London: Hutchinson’s University Library, 1951), 55.

Законы — это необходимая взаимосвязь, которая происходит в природе вещей (Монтескье). Как таковые, они доступны для обнаружения человеческим разумом». ²²³

Таким образом, мнение Просвещения о законе природы — идея, которая революционизирует общество, — как ни иронично это звучит, основана на христианском взгляде на порядок творения; светская теория Просвещения живет за счет капитала христианского мировоззрения. Хотя, на наш взгляд, Фома Аквинский предоставил слишком много автономии закону природы, он придерживался правильного убеждения, что порядок творения обнаружил цели и волю Творца. Когда видные деятели эпохи Просвещения избавились от Бога, они все же не могли обойтись без Божьего порядка, который остался необходимым понятием их теоретизирования об упорядочении общества. Если человек намеревается создать общественную организацию, ему не лишним было бы подумать о нормативном порядке этой организации. В Просвещении была подготовлена почва для этих предположений: 1) этот нормативный порядок был установлен самой природой; 2) человеческий разум может обнаружить эти неизменные, универсальные и объективные законы, заложенные в природе; 3) открытый закон и божественный законодатель больше уже не являются необходимыми понятиями.

Мировоззрение Просвещения принимает деистический взгляд на все творение, как самого человека, так и всего остального. Деизм — это промежуточная вера между христианством и более радикальным секулярным мировоззрением, сохраняющим всего лишь след христианской доктрины творения, служащей в качестве основы для человеческого общества. «По деистической философии, Бог уже сыграл свою роль в творении порядка природы, и... в настоящем его можно спокойно не принимать во внимание как фактор». ²²⁴ Деизм — это «последний компромисс с религией»; ²²⁵ это рационализм с «сердцем, жаждущим религии». ²²⁶

²²³ Newbigin, *The Other Side of 1984*, 12. Ссылка Ньюбигина на Монтескье (1689–1755) взята из его знаменитой первой главы в *De L'esprit des lois (On the Spirit of Laws)*, эссе на правительство, впервые опубликовано в 1748.

²²⁴ Eduard Heimann, *History of Economic Doctrines: An Introduction to Economic Theory* (London: Oxford University Press, 1945), 49, цит. в: Goudzwaard, *Capitalism and Progress*, 20.

²²⁵ Peter Gay, *The Enlightenment: An Interpretation*, 2 vols. (New York: Knopf, 1966–69), 1:149.

²²⁶ Hazard, *The European Mind*, 256.

Конфликт между верой Просвещения и евангелием

По мере укрепления своего мировоззрения Просвещение приняло только определенные составляющие христианского мировоззрения, приспособивая их к своей собственной истории и, таким образом, всецело отвергая полноту христианского мировоззрения. Когда Европа воодушевилась этой новой верой, конфликт с христианством стал неизбежным. При господстве взглядов Просвещения в сердцах и умах европейцев казалось, что евангелие следует либо игнорировать, либо приспособить для служения новому порядку вещей.²²⁷ Печально, но часто сами христиане подчиняли требования евангелия универсальной законности, с тем чтобы приспособить их к новому статусу в рамках веры Просвещения. Они, таким образом, отказались от всеобъемлющего мировоззрения, присущего евангелию, позволяя ему взять «новую и намного меньшую интеллектуальную роль» и «сосредоточиться исключительно на внутренних духовных заботах».²²⁸

Ньюбигин во многих своих работах отметил это сокращение в рамках заявленных христианами прав на евангелие, описав дихотомию «факт-ценность», которая лежит в основании современной западной культуры. Когда гуманизм победил в Просвещении, научный разум был принят как единственный судья истины: любое утверждение истины, которое могло быть доказано научной рациональностью, занимало высокое положение официального факта и должно было быть принятым, как истина, каждым членом общества. Утверждения истины, которые научно не подтверждались, были отнесены к меньшей сфере частных ценностей (вкусов и предпочтений), не играющих существенной роли для общественной жизни народа. Таким образом, евангелие становится лишь делом личного вкуса. (Кто-то может любить шоколадное мороженое больше, чем ванильное, но сказать, что шоколадное мороженое — истина, значит смешивать категории). При таком взгляде любой человек может сказать, что евангелие для него благо,

---

²²⁷ До некоторой степени эти два направления, которые мы видим, приняты в капиталистическом и коммунистическом обществе, две формы, которые возьмет, в итоге, мировоззрение Просвещения. Коммунистическая форма гуманизма старается включить христианскую веру, а капиталистическая форма низводит христианскую веру до частной сферы.

²²⁸ Tarnas, *Passion of the Western Mind*, 306–7.

но заявить, что оно истинно и имеет авторитет в культурной жизни, будет означать верность религиозным пережиткам ушедшего века.

Мы можем проиллюстрировать это с помощью следующей диаграммы (см. илл. 9). Решето научного разума фильтрует и разделяет утверждения истины. То, что может удовлетворить критерии научного разума, как $1 + 1 = 2$ (математика) или описание права частной собственности (политика) — достигает статуса всенародно принятых фактов. (Учитель в средней школе, который спрашивает у детей, сколько будет $1 + 1$, не радуется плюрализму, когда ученики отвечают «3» или «4»!) Однако те утверждения истины, которые не могут подтвердить научные стандарты, относят лишь к сфере ценностей, предпочтений, вкусов и мнений, их можно придерживаться в личном порядке, но они не должны провозглашаться как официальная истина.

Илл. 9. Дихотомия «факты и ценности»

Когда действует догма научного гуманизма, евангелие считается делом личным, не играющим никакой роли в общественной жизни. Наша совместная жизнь в культуре (как нам было сказано) должна происходить на основе универсальной рациональности, из которой все наши субъективности, включая христианскую веру, отфильтровываются научным методом. Наука, политика, экономика и так далее являются частью общественной и фактической сферы жизни; евангелие отнесено к частной области ценностей. Именно так думают те, кто поддерживает мировоззрение Просвещения: говорить о свете революции и авторитете Писания в сфере деятельности общественной жизни значит путать категории.

Это, конечно же, огромное препятствие для участия христиан в общественной жизни. Евангелие исключено из мировоззрения Просвещения, и оно больше не может функционировать как направляющая сила в социальной и культурной жизни. Когда мы позволяем евангелию быть прирученным научным гуманизмом, мы, фактически, отказываемся от благой вести, открытой в Писании.

Век революции. Введение общества в согласованность с верой Просвещения (XIX—XX вв.)

«Запад потерял веру в Бога и нашел новую — в науку и человека».²²⁹ Но никакая истинная вера не может навеки оставаться только в сердце или разуме, на бумаге или на словах, она всегда будет принимать социальную, политическую и экономическую плоть. Для тех, кто воспринимает взгляды Просвещения за истину, «создание *новых* общественных учреждений — не скучная, второстепенная задача, а жестокая необходимость и высокий душевный порыв. В этом случае узкий путь к утраченному раю может лежать только через *социальный переворот*».²³⁰ И мировоззрение Просвещения было воплощено в западной культуре в ряде революций — национальной, промышленной, социальной и политической, которые произошли в XVIII, XIX и начале XX столетия. Сейчас мы кратко рассмотрим некоторые существенные особенности промышленной революции и французской революции, которые важны для понимания того, как развивалось западное мировоззрение.²³¹

До промышленной революции основной экономической единицей была семья. Дом был и мастерской, и местом работы. Труд был ручным и неспециализированным или хоть как-то разделенным. Большинство народа жило в сельской местности. Все это должно было измениться с началом промышленной революции, так как ручной труд был заменен машинами. Труд стал раздельным и специализированным, и переместился из дома на фабрику, из сельской местности в промышленный город. Фабрика представляет собой яркий пример рациональной организации и технологического контроля общества, который возник в ответ на господство мировоззрения Просвещения.

²²⁹ Tarnas, *Passion of the Western Mind*, 286.

²³⁰ Goudzwaard, *Capitalism and Progress*, 50–51.

²³¹ Американскую революцию также можно считать здесь как революцию, которой способствовало мировоззрение Просвещения.

В промышленной революции наука и технология стали настоящим единем: «Несмотря на слова Фрэнсиса Бэкона о союзе между науками и ремеслами в начале XVII века, прошло почти три столетия, прежде чем союз вступил в силу. На практике оба продолжали быть отдельными явлениями... К XIX столетию начался поиск более тесного взаимодействия между наукой и технологией. Научная технология стала результатом произошедшего интенсивного взаимодействия».²³² Линн Уайт, оглядываясь на эти события с точки зрения XX столетия, говорит, что «брак между наукой и технологией... можно отметить как самое великое событие в человеческой истории... Около столетия назад наука и технология, до сих пор совершенно разные занятия, объединились, чтобы дать человечеству силы, которые, если судить по многим экологическим последствиям, вышли из-под контроля».²³³

Эта технология была направлена, в основном, на экономическую деятельность. Паровой двигатель, кольцепрядильная машина и прядильная машина периодического действия были использованы в хлопковом текстильном ремесле. Машины чрезвычайно увеличили производительность труда человека, паровой двигатель дал человеку силу лошади. Технологический контроль обеспечил более рациональную организацию труда человека, при котором работы на фабрике были специализированы и упорядочены для максимальной продуктивности. И комбинация специализации и механизации вместе породили поразительную продуктивность.

В период с 1840 по 1900 годы, во время развития промышленности Великобритании, ее валовой национальный продукт на душу населения вырос от 300 с небольшим долларов до приблизительно 900 долларов; за тот же период в Португалии (где промышленность не развивалась), ВНП увеличился совсем не намного, приблизительно от 250 до 260 долларов.²³⁴ Это казалось прямым доказательством того, что понимание Просвещением направления прогресса к процветающему обществу, прогресса, порожденного научным контролем и технологическим развитием, осуществилось. Это укрепило веру Европы в то, что «наука (имеет) ответы на мировые проблемы», потому что «с точки зрения

²³² Stephen Monsma et al., *Responsible Technology: A Christian Perspective* (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 85, 91.

²³³ Lynn White, "The Historical Roots of Our Ecologic Crisis," *Science* 155 (1967): 1203–7.

²³⁴ Norman J. G. Pounds, *An Historical Geography of Europe, 1800–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), 32.

эпохи пара XIX века, прогресс казался продуктом вселенной, и наука была ключом, способным открыть тайны утопического блаженства».²³⁵

В первую очередь содружество технологии и труда было ради экономического роста и материального процветания, но вскоре это экономическое соглашение начало формировать все остальные стороны общественной жизни в социальный строй капитализма. Дэвид Уэллс верит, что капитализм «преобразовал социальный строй для целей производства, производительности и потребления... сосредоточил население в городах и выработал грандиозную систему финансов, банковского дела, права, связи и транспорта. Короче, он изменил порядок нашего мира... И техника содействует процессам капитализма и преобразует всю жизнь».²³⁶

Как и индустриальная революция, французская революция способствовала перестройке общества на основе кредо Просвещения. Лозунгом революции было: «Свобода, равенство, братство». Этот лозунг был больше, чем слова — эти идеи вели к ужасному кровопролитию и затем, в 1789 году, осуществили реформу французского национального учредительного Собрания. Способом достижения этих идеалов, как верило собрание, было упразднение божественного права царей, привилегий аристократии и власти церкви — всех пережитков старомодного, иерархического христианского мира. Вместо старого порядка появились неотъемлемые права отдельного гражданина, подчинение государству, конституционная форма правления, административные и правовые реформы, законодательство о бизнесе и универсальное государственное образование. «Декларация о правах человека и гражданина» сделала универсальное заявление о свободе и равенстве всех людей, что оказало формирующее влияние на Запад в следующие два столетия.

Изменения, начатые промышленной и французской революциями, превратили общество в современное государство, основанное на гуманизме. Эндрю Уолкер отмечает, что, с одной стороны, современное государство — это дитя модернизма. Родившись, это дитя олицетворяет веру современности: «В современном мире государство — это единственная, самая могущественная учрежденная

²³⁵ Andrew Walker, *Telling the Story: Gospel, Mission, and Culture* (London: SPCK, 1996), 57.

²³⁶ David Wells, *God in the Wasteland: The Reality of Truth in a World of Fading Dreams* (Grand Rapids: Eerdmans, 1994), 7.

сила в международной общности, и, возможно, самый успешный носитель процесса модернизации».²³⁷

Было бы легко прочитать эту историю, как триумф привлекательных гуманистических идеалов над обскурантистской религией. Однако это было бы неправильным пониманием произошедшего в действительности. Общество, которое отмечало триумф модернизма, не было строго христианским, а скорее средневековым христианским миром, который сам по себе был смесью христианства и языческих элементов. Как и гуманисты, христиане, скорее всего, отвергнут иерархию средних веков и чрезмерную власть церкви, но они это сделают по другим причинам. Большинство христиан согласились бы с гуманистами, что разные общественные организации должны быть свободны от контроля церкви, и в то же время они точно не согласятся с их ответом на вопрос: «Какой властью нам следует тогда формировать освобожденные сферы жизни? По велению разума или по Божьему откровению?» Кроме того, современный гуманизм продолжает жить за счет накопленного капитала евангелия, потому что христианское мировоззрение сыграло важную роль в формировании многого из того, что мы сейчас можем находить весьма привлекательным, включая права человека, свободу, равенство, производственные изменения и образование. Они никогда не были исключительно гуманистическими идеями.

Либеральная и марксистская истории прогресса

И даже после революций не все было хорошо. Промышленная революция, безусловно, привела к неоднозначным результатам. Вместе с зарождающимся богатством появилось много нищеты; многие семьи, перебравшиеся из деревни в город, начали распадаться, толпы людей теснились в антисанитарных жилищных условиях, мужчины, женщины и дети постыдно эксплуатировались на заводах, где рабочий день длился бесчеловечно долго, а зарплаты были бесчеловечно малыми. Резкий контраст пророчеств Просвещения о рае на земле! Что случилось с верой и надеждой XVIII столетия?

Глубоко укорененную веру, даже в ложных богов, не так легко разрушить. Чтобы поддержать свою веру в историю Просвещения перед лицом неумолимо растущего контрдоказательства промышленной

²³⁷ Walker, *Telling the Story*, 110–11.

революции, истинно верующие в прогресс увидели потребность в том, чтобы сложить все доказательства человеческой нищеты в еще лучший миф. И два постпросвещенческих изложения, появившиеся в XIX столетии, пытались поддерживать веру в прогресс, науку и технологию,²³⁸ истолковывая противоположные результаты, как часть этой истории. Эти два изложения — либерализм и марксизм.

Либерализм, первая великая идеологическая сила, высвобожденная в XIX столетии, предложил модель общества, основанного на независимости человека.²³⁹ В своей экономической форме либерализм высоко ценит свободу человека в экономических делах; в своей политической форме — личные права человека. На проблему ужасных страданий XIX столетия либералы предложили, как минимум, два ответа. Первый был предложен Гербертом Спенсером (1820—1903), который сказал просто (и цинично), что страдание — это цена эволюционного прогресса. Другие либералы, такие как Джон Стюарт Милл и Томас Хилл Грин, предложили более социально сознательный либерализм, и они старались привести к согласию свободу человека и ответственность правительства вершить справедливость. Но оба либеральных ответа поддерживали веру в прогресс и оба объясняли человеческие страдания, как часть истории.

Также и Карл Маркс (1818—1883) предложил историю прогресса, объясняющую страдания. Можно сказать, что Маркс более сострадательнее, чем либералы, его работы действительно демонстрируют добродетельное возмущение против страданий. Однако он, как и Спенсер, предлагает рациональное объяснение страданиям, которое также основывается на Дарвине. Наблюдения Дарвина о завоевании посредством борьбы в мире природы были переведены политическим умом Маркса в социальную терминологию: историю движет вперед классовый конфликт. История прогресса — это рассказ о ряде классовых

---

²³⁸ Марк Постер пишет: «С либеральной и марксистской точек зрения, рассуждения об обществе имеют намерение продвигать эмансипацию. Знание стимулирует свободу. Такое принятие на себя ответственности характеризует дискурс со времени Просвещения». (*Foucault, Marxism and History: Mode of Production versus Mode of Information* [Cambridge: Polity, 1984], 160).

²³⁹ Слово «либерализм» впервые было употреблено в английском языке около 1819 г. Но доктрина этой философии появилась намного раньше. Наверное, Джона Локка можно считать отцом либерализма. Но либерализм как законченный рассказ, приблизительно равнозначный капитализму Дэвида Уэльса, появляется в XIX веке.

революций, которые, в конечном счете, приведут к равенству, а также честному и справедливому распределению всех благ, созданных благодаря экономическому развитию.

Либерализму и марксизму, имеющим противоположные представления об историческом прогрессе, основанным на гуманизме XIX века, предстояло принять на себя руководство миром в продолжение большей части XX века: один нашел себе центр в городе Вашингтон, другой — в Москве.²⁴⁰

Влияние романтизма (XIX век)

Бог поддерживает порядок своего творения, однако держать в подчинении часть благого творения — все равно, что удерживать в подчинении сжатую винтовую пружину, — в конце концов, пружина с большой силой отскочит назад. Наверное, вот так лучше всего представить себе реакцию романтизма XIX века на взгляды на жизнь, которые непосредственно предшествовали ему. Просвещение сделало идолами многие хорошие стороны Божьего творения, в то же время недооценивая другие. Романтизм — это движение, в котором некоторые из сторон жизни, которые были недооценены в Просвещении, проложили себе путь в западную культуру. Романтизм должен был стать мощной силой, взаимодействующей разными способами с взглядами Просвещения. В начальной стадии он оставался второстепенным по отношению к господствующему взгляду Просвещения, но на протяжении XX века он стал набирать вес.

Так как и Романтизм, и Просвещение по форме были, в основном, гуманистическими, Романтизм не был в сути своей проблемой для Просвещения.²⁴¹ Но романтический гуманизм в некоторой степени противодействовал редукционизму Просвещения. Немецкий композитор

²⁴⁰ См. Newbigin, *Foolishness to the Greeks*, 106. Ньюбигин отмечает в отношении этих взглядов, что «они оба атеистические. Один старается безуспешно навязать атеизм и в личной, и в общественной сфере, другой допускает веру в Бога как вариант для личной жизни, но исключает его руководящую роль в общественной жизни».

²⁴¹ В то время как мы говорим о двух формах гуманизма, Артур Холмс говорит о четырех формах: научной, романтической, экзистенциалистской и марксистской (*Contours of a World View, Studies in a Christian World View 1* [Grand Rapids: Eerdmans, 1983], 21–27). Как уже говорилось, марксизм — одна форма, которую принимает гуманизм. Экзистенциалистский гуманизм — это одно из движений, которое следует по направлению романтического гуманизма.

Франц Шуберт назвал Просвещение «безобразным скелетом без плоти и крови», так как оно унижало людей до статуса просто разумных существ.²⁴² Последователи романтизма считали, что это противоречило богатству человеческого опыта и сложности человека. Эмоции, воображение, креативность и интуиция опять стали популярны в период Романтизма. Просвещение свело природу до безжизненной машины, тогда как авторы Романтизма считали, что природу нужно понимать как сложный, живой организм. Просвещение свело наши отношения с природой к простому наблюдению, эксперименту, теоретическому объяснению и эксплуатации. Последователи романтизма протестовали против жалкой скудости таких отношений с природой, считая, что природой нужно наслаждаться и благоговеть перед ней, позволяя эмоциям и воображению впитывать ее. И более того, они считали, что человечество не стоит над природой, как ее хозяин, а скорее является ее частью.

Ввиду того что Просвещение рассматривало возможность получения знания, дистанцировавшись от предмета аналитическим методом, Уильям Вордсворт (1770–1850) пишет с резким несогласием: «Вмешательство нашего разума уродует прекрасную форму вещей — мы убиваем, чтобы провести анализ».²⁴³ Не взгляд со стороны, предполагает он, а общение с природой и применение чуткого воображения дает истинное понимание мира; не разум, а воображение, креативность, эмоции и интуиция дают истинное знание. Джон Китс говорит: «Я ни в чем так не уверен, кроме как в святости сердечной любви и истины воображения. И в жизни ощущений больше, чем в жизни мыслей».²⁴⁴ Для последователей Романтизма знание, которое соединяет воображение и чувство с разумом, дает более глубокое понимание творения, чем любой исключительно рациональный метод.

Просвещение свело истину к простой науке. Для Романтизма истина — комплексная, многосторонняя, множественная и перспективная, и поэтому наука — не лучший путь обретения истины. Напротив, поэзия, литература, живопись и музыка обнаруживают загадочные сложности мира. Пристальный взгляд Просвещения был

²⁴² Цитата из: Wells, *History Through the Eyes of Faith*, 188.

²⁴³ Из стихотворения Вордсворта “Все наоборот”.

²⁴⁴ John Keats, *The Letters of John Keats, 1814–1821*, ed. Hyder E. Rollins, 2 vols. (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958), 1:184–85.

направлен на внешнее, чтобы понять внешний мир и изменить его; Романтизм направлен вовнутрь, чтобы понять себя и глубину человеческой души — ее настроения и побуждения, любовь и желания, страхи и беспокойства, внутренние конфликты и противоречия, мечты и подсознание, фантазии и экстаз. И, наконец, тогда как традиция Просвещения видела только хорошую сторону человечества, Романтизм, обращаясь внутрь, также открывал темную сторону человечества, его абсурдные и нечестивые побуждения.

Все это значило, что Романтизм все же бросил вызов устоявшемуся взгляду на жизнь Просвещения. Однако здесь не произошло замены, фактически, он существовал рядом с прогрессом Просвещения. В Романтизме цель существования человека заключалась в развитии уникальных возможностей личности человека: «полным идеалом для человека есть не распространение рационального знания, а скорее полнейшее развитие уникальных возможностей каждого человека... Было заявлено, что основная цель культуры и жизни — расширение свободы, индивидуальности и самовыражения человека. “Будьте сами собой, усовершенствуйте свою индивидуальность”». ²⁴⁵ Таким образом, современный гуманизм разделен на «две культуры». ²⁴⁶ Мировоззрение Просвещения продолжало господствовать в культурном развитии и общественной жизни, Романтизм формировал второстепенное культурное течение, имеющее влияние на личную жизнь и усиливающееся влияние в западной культуре с особенным возрождением в конце XX века.

Поздний модернизм. Достижения и спад либерального гуманизма (XX—XXI вв.)

В течение XX столетия научный или либеральный гуманизм, осолощенный евангелием, совершил некоторые выдающиеся достижения, за которые мы можем быть ему благодарны. Научные исследования значительно раздвинули границы познания; головокружительно быстрое

---

²⁴⁵ John Herman Randall, *The Making of the Modern Mind* (Cambridge, MA: Riverside, 1940), 415; cf. Newbigin, *The Other Side of 1984*, 13.

²⁴⁶ Такая классификация появляется в заглавии знаменитой книги Ч. Сноу, который исследует две культуры университетской жизни — естественные науки и гуманитарные науки, рожденные этими двумя формами гуманизма (*The Two Cultures and the Scientific Revolution* [New York: Cambridge University Press, 1959]).

развитие в области технологии обеспечило большинству из нас более комфортабельную жизнь, чем имели наши родители и деды. Кто из нас хотел бы вернуться в то время, когда не было холодильников, компьютеров или современных медицинских технологий? Промышленное и экономическое развитие принесло беспрецедентное материальное процветание многим людям, особенно на Западе. Многие другие политические, экономические и образовательные достижения могут быть названы вехами прогресса XX века. Однако эти наблюдения показывают только часть истории, так как само современное мировоззрение находится в кризисе, который углублялся на протяжении XX века, несмотря даже на кажущийся материальный рост.

Мечта Просвещения стала угасать сначала в Европе, когда ужасы двух мировых войн развеяли уверенность западных народов в старых предсказаниях о постоянно возрастающем мире и процветании. После Первой мировой войны (1914—1918) психолог Карл Юнг выразил то, что чувствовали многие европейцы:

Я не считаю преувеличением, когда говорю, что современный человек пережил, выражаясь психологически, фатальный шок, и в результате впал в глубокую неуверенность... Революция, вызванная катастрофическими результатами мировой войны, появляется в нашей внутренней жизни, сокрушая нашу веру в себя и собственную ценность... Я очень хорошо осознаю, что теряю веру в возможность рациональной организации мира, и старая мечта о золотом веке, где правят мир и гармония, тускнеет.²⁴⁷

Явно другой была ситуация в Северной Америке, особенно после Второй мировой войны (1939—1945), когда резкий всплеск экономического роста, казалось, подтверждал старый взгляд на прогресс. Тогда как европейцы «были не готовы слушать наивные разговоры о прогрессе и будущем», в Северной Америке было по-другому. «В Соединенных Штатах, как и в Канаде, присутствовал ощутимо иной дух, рожденный различным опытом. В Америке после 1945 года было чувство уверенности и оптимизма, что вновь было подтверждением исторически сложившихся западных пониманий о прогрессе. В послевоенную эпоху Америка стала новым испытательным полигоном для Просвещения и его веры».²⁴⁸

²⁴⁷ Carl Jung, *Modern Man in Search of a Soul* (New York: Harcourt and Brace, 1933), 231, 234—35.

²⁴⁸ Wells, *History Through the Eyes of Faith*, 218.

Хотя вера в миф о прогрессе остается в Северной Америке достаточно сильной, вера в современную историю в начале XXI века там также ослабевает. Вера в мировоззрение Просвещения пошла на убыль, когда Запад постепенно начал понимать пять признаков его ужасной ущербности: 1) бедность, 2) ухудшение качества окружающей среды, 3) распространение оружия, 4) психологические проблемы, 5) социальные и экономические проблемы.

Бедность. В 1960 году Организация Объединенных Наций объявила новое десятилетие «декадой развития», временем для участия развивающихся стран в современном технологическом и экономическом прогрессе. 70-е и 80-е годы впоследствии также были названы «десятилетиями развития», но мечта о прогрессе для всех народов мира стала меркнуть с течением времени. Статистика разрыва между богатыми и бедными показала, как мало было в действительности сделано в эти «декады развития»: в 1960 году 20% самых богатых людей были в тридцать раз богаче, чем самые бедные 20%; в 1990 году, после тридцати лет развития, богатые были почти в шестьдесят раз богаче;²⁴⁹ и к 1999 году 20% самых богатых людей мира были почти в восемьдесят шесть раз богаче, чем 20% самых бедных, и разрыв продолжает расти.²⁵⁰ Мечта о материальном процветании была осуществлена, как сейчас стало ясно, для немногих.

Ухудшение качества окружающей среды. Было подсчитано, что если бы весь мир расходовал природные богатства в таком же объеме, как это делают североамериканцы, этих ресурсов хватило бы еще только на десять-двадцать лет.²⁵¹ Несомненно, мировоззрение, которое разрушает творение, не может быть поддержано нравственным человеком.

Распространение оружия. Нарращивание огромных запасов оружия, способного уничтожить мир — это прямой результат современного технологического развития. Это забирает огромное количество времени, денег и ресурсов. Если бы все деньги, которые мир тратит на оружие

---

²⁴⁹ Программа развития ООН, *Human Development Report 1992* (New York: Oxford University Press, 1992), 34.

²⁵⁰ Программа развития ООН, *Human Development Report 1999* (New York: Oxford University Press, 1999), 2.

²⁵¹ Bob Goudzwaard, Mark Vander Vennen, and David Van Heemst, *Hope in Troubled Times: A New Vision for Confronting Global Crises* (Grand Rapids: Baker Academic, 2007), 153.

за один день, были вместо этого потрачены на пищу, ею можно было бы кормить голодных всего мира в течение многих лет.²⁵²

Психологические проблемы. Кеннет Герген перечисляет больше двадцати описаний умственных или психологических проблем, которые стали известны только в начале XX столетия, сюда входят: анорексия, булимия, стресс, низкая самооценка, истощение и депрессия. Герген говорит о том, что, главным образом, технологии XX века способствовали возникновению психологических потребностей, на которые указывают эти симптомы.²⁵³

Социальные и экономические проблемы. Распад семьи и рост преступности, безработица – это только некоторые из многих симптомов социального распада на современном Западе, они также подрывают веру в модернистское мировоззрение, согласно которому такие проблемы должны легко преодолеваться. И опять-таки, многие из этих симптомов можно отнести к возрастающей технологической культуре, которая получила свое развитие в прошлом веке.

Приближаясь ко второму десятилетию XXI века, может оказаться, что современная история была не в состоянии исполнить свои самые важные обещания. Остается много вопросов:

- Достаточно ли у человечества сил, чтобы обновить мир? Или Юнг действительно держит руку на пульсе западного гуманизма, когда говорит, что вера в человечество пошатнулась?
- Может ли истинно научный разум дать нам определенные знания? На протяжении XX века в таких дисциплинах, как антропология, социология, история и лингвистика, ученые подчеркивали относительность человеческого знания. Наше знание сформировано совокупностью социальных (традиция, общество, язык, культура, история, вера) и личных (чувства, воображение, подсознание, пол, класс, раса) факторов. Истинность уже не кажется такой истинной.

²⁵² См. Stockholm International Peace Research Institute (<http://www.sipri.org>), "Recent Trends in Military Expenditures;" World Food Programme, "Hunger Facts," (<http://www.wfp.org/hunger>); and Feed the Children, "Hungry and Poor . . . ," (http://www.feedthechildren.org/site/PageServer?pagename=org_nicaragua).

²⁵³ Kenneth J. Gergen, *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life* (New York: Basic Books, 1991), 13.

- Можем ли мы в действительности управлять природой так, чтобы сделать мир лучше? Или мы будем продолжать разрушать свое окружение (кроме человека), пока оно больше не сможет поддерживать нас?
- Может ли технология действительно освободить нас? Не дегуманизировала ли она нас, внося свой вклад в многочисленные социальные проблемы, ухудшение качества окружающей среды и создание оружия массового уничтожения?
- Есть ли надежда на будущее? Или наш растущий пессимизм приведет нас к уходу в жизнь вечного настоящего, погрузившись в развлечения и ища любое средство для ухода от реальности?
- Действительно ли экономический рост и материальное процветание принесет счастливое будущее? А огромная цена, которую мы сейчас платим — психологический упадок и распад отношений, — наши дивиденды?

Рассказывая о другой исторической среде, где церковь также переживала огромные изменения и проблемы, Лесли Ньюбигин дает такой полезный комментарий:

*«Настоящий вопрос таков: что Бог совершает в этих страшных событиях нашего времени? Как мы должны их понимать и объяснять другим, чтобы и мы, и они могли сыграть свою роль как сотрудники в деле Божьем? Ностальгия о прошлом и страх перед будущим равно неуместны в жизни христианина. От него требуется, чтобы в той ситуации, в которую Бог его поместил, он понял признаки времени в свете реальности Божьего настоящего и грядущего царства, и верно передал это свидетельство о цели Бога для всех людей».*²⁵⁴

Когда мы спрашиваем, что Бог делает в важных событиях нашего времени, ответ, который мы слышим, должен быть таким же, каким он был дан однажды пророку Исаии: «Я Господь, это — Мое имя, и не дам славы Моей иному и хвалы Моей истуканам» (Ис. 42, 8). Брайан Уолш спрашивает: «Кто погасил свет Просвещения?», и сам отвечает на свой вопрос так: «В известном смысле он сам погас... Но на более

²⁵⁴ Lesslie Newbigin, "Rapid Social Change and Evangelism" (неопубликована, 1962), 3.

глубоком уровне, кто погасил свет? Бог погасил! Бог исторически включает свет этой культуры, как и всегда Бог гасит свет идолопоклоннических культур». ²⁵⁵ «Мы начинаем замечать, как современный мир, *каким мы его знали*, исчезает в зеркале заднего обзора по мере нашего продвижения к неизведанному». ²⁵⁶

---

²⁵⁵ Brian Walsh, *Who Turned Out the Lights? The Light of the Gospel in a Post-Enlightenment Culture* (Toronto: Institute for Christian Studies, 1989), 15.

²⁵⁶ Walker, *Telling the Story*, 143 (курсив добавлен).

В какое время мы живем? Характерные черты современного Запада

Постмодернизм и глобализация, а также поразительное увеличение роста как христианства южного полушария, так и исламской веры — вот некоторые из признаков раннего периода XXI столетия. Какой взгляд на историю мог связать вместе такие явно несопоставимые события? Есть ли нечто общее среди такого разнообразия?

Мы считаем, что здесь присутствует общая тема, которую можно лучше понять, если вернуться к мировоззренческому вопросу Н. Т. Райта: «В какое время живет наше общество?» Как мы рассматривали в «Драме Писания», уже происходит пятое действие грандиозной драмы, и сейчас мы готовимся к шестому и заключительному действию, в котором Христос вернется, чтобы полностью восстановить творение, возрождая его для тех целей, которые установлены для него «от создания мира». В пятом действии мировой истории возродившееся течение, которое мы называли мировоззрением эпохи Просвещения, или (более коротко) модернизмом, переживает серьезные трудности. С приходом постмодернизма мы видим упадок модернизма, выражающийся в том, что его внутренние противоречия и радикальная непоследовательность подвергаются ироничной атаке, особенно на Западе. Модернизм как мировоззрение был сформирован мифом прогресса, который гласил, что человечество, в конце концов, достигнет рая на земле с помощью промышленности и своих способностей. Постмодернизм наводит на мысль, что у идола прогресса «глиняные ноги» — открытие, которое вряд ли удивит читателей Библии. Но постмодернизм — не лучший вариант. Модернизм до сих пор формирует большую часть нашей общественной, политической и экономической жизни на рыночной площади. Многие не верят или не могут заставить себя поверить в то, что секрет человеческого счастья не заключается в постоянно растущем материальном процветании. И, таким образом, глобализация — это движение, распространяющее современную либеральную историю по всему миру.

Хотя модернизм (и его распространение через глобализацию) и постмодернизм (хотя и совсем по-иному) утверждают, что они

религиозно нейтральны, мы уже увидели, что это не соответствует действительности, поскольку и тот, и другой стремятся установить устойчивую культуру на основе определенных убеждений. Они принимают независимость человечества от Бога и отвергают нормы творения для мира. На место Бога они поставили человеческий разум или человеческий язык, или материальный прогресс, или какого-то другого идола — но, в любом случае, идола. В XXI веке мы являемся свидетелями возрождения как христианства (особенно в южном полушарии), так и ислама. Несмотря на то, что эти две религии фундаментально противоположны друг другу, они разделяют радикальную неприязнь к западным идолам. Когда мужчина и женщина вне западной сферы влияния наблюдают разрушение модернистской мечты, они, по-видимому, все больше и больше обращаются к библейской вере в Бога творения и искупления или к исламскому альтернативному (но в равной степени всеобъемлющему) мировоззрению.

Если мы хотим жить по евангелию и исполнять его в свое время и на своем месте, нам надо заняться тем, что Джон Стотт называет «двойным слушанием» — одно ухо внимательно слушает Писание и христианские традиции, а другое ухо прислушивается к происходящему в окружающем обществе. Только таким образом мы будем как следует подготовлены, чтобы жить для Христа. Поскольку мировоззрение возникает из истории о мире, а истории затрагивают взаимосвязь отдельных событий, главным вопросом для нас является следующий: «В какое время живет наше общество?»

В этой главе мы будем исследовать, что происходит в западной культуре сегодня, будем пытаться понять, как эти события связаны с религиозными убеждениями, которые управляют нашей культурой. И хотя нам тяжело держать необходимую дистанцию от окружающего нас сложного общества, тем не менее, она важна для нас как для христиан. Незнание того, в какое время живет наше общество, сделает нас неспособными понять перепутье, на котором мы призваны жить для Христа. Подобное незнание может без труда соблазнить нас неосознанно принять идолов современной культуры. Это также может послужить причиной того, что мы пропустим все неподдельно хорошее, что предлагает современная жизнь.

В этой главе мы рассмотрим четыре признака времени, которые мы, как христиане, стремящиеся жить согласно мировоззрению, сформированному и наполненному евангелием, должны ясно различать: 1) широкое распространение постмодернизма; 2) потребительство и глобализация; 3) возрождение христианства в южном полушарии и 4) возрождение ислама. Мы начнем с того, что рассмотрим феномен постмодернизма в поисках ответа на вопрос: «В какое время живет наша культура?»

Признак 1. Постмодернизм

Что такое постмодернизм?

Современные дискуссии относительно постмодернизма начались в 50-е и 60-е годы XX столетия как отклик на модернизм в искусстве, и вскоре они расширились до критики всей современной культуры.²⁵⁷ Модернизм, как мы увидели, поддерживал эту основную историю, или метаповествование: прогресс, основанный на разуме и науке, должен привести человечество в новый свет мира и процветания. Но событие за событием в XX столетии разрушали этот наивный оптимизм, пока к середине столетия многие не увидели в самой истории прогресса источник наших проблем. Некоторые критики модернизма принимают термин «постмодерн», чтобы сказать об их абсолютном непринятии модернистского метаповествования. Жан-Франсуа Лиотар (1920–1998) создал фразу «недоверие к метаповествованиям» как один из определяющих элементов нового духа.²⁵⁸ Для Лиотара метаповествования — это те основные истории или всеохватывающие повести, которые направлены на то, чтобы всесторонне объяснить все события и перспективы; по сути, этот термин становится для Лиотара близким синонимом мировоззренческой истории. Его критика была направлена непосредственно на веру модернизма в разум,

²⁵⁷ О самом первом использовании термина «постмодерн», см. Hans Bertens, *The Idea of the Postmodern: A History* (London: Routledge, 1995), 20; Margaret Rose, *The Postmodern and the Postindustrial: A Critical Analysis* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), 3–20.

²⁵⁸ Jean-François Lyotard, *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge, Theory and History of Literature 10* (Manchester: Manchester University Press, 1984), xxiv. Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна. М. — СПб.: Ин-т экспериментальной социологии — Алетейя, 1998.

который может объяснить всю реальность, найти универсально справедливые критерии для управления обществом, а также на слепую уверенность в способности науки и технологий освободить человечество от всякого зла.

Недоверие к метаповествованиям имеет серьезные последствия для тех, кто стремится приобрести надежные знания. Для Лиотара основные повести, основанные на науке и разуме, не являются больше правдоподобными; наоборот, он утверждал: все, что мы имеем, — это языковые игры, разные лингвистические толкования мира, они всегда локальны и не являются универсальными. Вслед за Лиотаром, американский философ Ричард Рорти (1931–2007) утверждает, что все знания «традиционны» и что понятие верного представления о реальности, которое лежит в основе западного отношения к знанию, является мифом.²⁵⁹ Для Рорти все виды знаний скорее создаются, чем находятся, и таким образом он осуждает заикленность западных мыслителей на поисках достижения истинного знания мира через мировоззрение, которое просто устарело.

Постмодернистская философия, таким образом, поднимает различные вопросы эпистемологии: о нашей способности понять реальность, — в той мере, насколько мы ее знаем, и можем ли мы ее точно представлять. Вероятность достижения универсального, объективного знания — цель очень важная для модернизма, однако среди многих постмодернистских мыслителей она считается невозможной. Как сказал Кеннет Герген: «Здесь мы имеем дело не с сомнениями относительно утверждений об истине человеческой личности, но с полной запущенностью понятия объективной истины».²⁶⁰

Результатом этого скептицизма было сильное подозрение относительно тайных планов так называемого нейтрального модернистского знания. То, что модернисты считали объективным и свободным от оценочных суждений, расценивалось многими постмодернистами как маска сильных идеологий.²⁶¹ Постмодернисты с успехом продемонстрировали, что представленное в модернизме как

²⁵⁹ Richard Rorty, *Philosophy and the Mirror of Nature* (Oxford: Blackwell, 1980). Рорти Ричард. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997.

²⁶⁰ Kenneth J. Gergen, *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life* (New York: Basic Books, 1991), 82.

²⁶¹ В этом отношении см. работу Michel Foucault. Обзор его мнений см. David Naugle, *Worldview: The History of a Concept* (Grand Rapids: Eerdmans, 2002), 184–86.

объективная истина фактически оказалось обременено идеологическим багажом, включая приверженность патриархату, колониализму, евроцентризму, рационализму, антисемитизму. Например, сказать, что Колумб открыл Америку — не является нейтральным историческим утверждением, а скорее евроцентрическим, поскольку (по мнению тех, кто уже жил в Северной Америке) Колумб не открывал страну, а скорее вторгся в нее. Жан-Франсуа Лиотар и Мишель Фуко (1926—1984) рассматривали сам разум как глубоко погруженный в силовые игры и потому ненадежный инструмент.²⁶²

Последствие такого скептицизма — осознание неизбежности плюрализма в знании. К самой определенности и истине многие сейчас относятся с большим подозрением. Постмодернизм всерьез поставил под сомнение уверенность модернизма в том, что мир таким, какой он на самом деле есть, можно познать через разум и науку. Для постмодернистов истинное знание мира просто недоступно. И поскольку знание мира неразрывно связано с чьим-то взглядом на мир, здесь постмодернизм тоже разрушил широкое согласие модернистов. В XIX столетии в западной культуре появляется историзм — идея о том, что не существует данного Богом порядка для истории, но скорее история — это процесс постоянного движения и изменения. Вся культура, согласно этой идее, является просто результатом взаимодействия исторических сил. Такая точка зрения распространена среди постмодернистских мыслителей. Еще одна общепринятая точка зрения говорит о том, что язык является самой главной составляющей реальности: именно язык определяет, что такое действительность. Французский философ Жак Деррида (1930—2004) был главным сторонником этой идеи.

Эти подходы, как и большинство постмодернистских теорий, почти не оставляли места для какого-либо понятия о порядке, который существовал бы отдельно от человеческого толкования. Мир — это то, что мы сами творим, и мы создали столько разных миров, что стало невозможным утверждать, какая точка зрения о реальности является правильной. Ирония, скептицизм относительно человеческого знания идут рука об руку с высоким мнением о человеческой общественности как о единице, формирующей миры, в которых мы живем. Это также

²⁶² См. Bertens, *The Idea of the Postmodern*, 134–37.

отражает мировоззрение, которое, по существу, отвергает существование Божьего порядка в творении для всей реальности.

Постмодернизм также оспаривает модернистскую идею о том, что значит быть человеком. Рационалистический независимый взгляд на человека, который так преобладал в модернизме, впоследствии был разрушен, и было предложено много альтернатив. Рорти, например, предлагает, чтобы мы думали о нравственной сущности как о «системе убеждений, желаний, эмоций — и никакого основания для атрибутов. Для целей нравственного и политического размышления и беседы, человек — это просто такая система».²⁶³ Эмоции, желания, убеждения — стороны человечества, которые были подавлены возвеличением разума в модернизме, теперь обретают новую жизнь. Человек не обладает конкретной, данной ему природой. Он есть лишь социальный конструкт. Согласно Фуко, даже само наше понимание о том, что значит быть человеком — удобное изобретение:

Как это ни странно, человек... наверное, ничем не больше третины в порядке вещей или, во всяком случае, форма, чьи очертания определены новым положением, которое он совсем недавно занял в области знаний... Человек является только недавним изобретением, личностью, не прожившей и двух столетий, новой морщиной в нашем знании... которая исчезнет, как только это знание обнаружит новую форму».²⁶⁴

В постмодернизме сомнения относительно нашей способности к познанию истины, восприятию реальности и даже уверенности в том, что означает быть человеком, подрывают основы модернизма. Мировоззрение эпохи Просвещения, кажется, находится на грани окончательного краха.

Христианский ответ на постмодернизм

Как должны реагировать на постмодернизм христиане? Начиная с искусства и философии, постмодернизм распространился и на каждую вторую учебную дисциплину, и на массовую культуру. Каждый

²⁶³ Richard Rorty, "Postmodernist Bourgeois Liberalism," *Journal of Philosophy* 80, no. 10 (1983): 585–86.

²⁶⁴ Michel Foucault, *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences* (London: Tavistock, 1970), xxiii.

раз при изучении литературы, психологии, искусства, богословия, экономики, права, истории, естествознания, медицины, драматургии или какого-либо другого предмета обнаруживается, что сейчас есть большое количество литературы по постмодернизму и конкретно по данному предмету. Например, если вы изучаете литературу, вы обнаружите, что предлагаются курсы по литературному анализу, уделяющие большое внимание постмодернистской философии (часто малопонятной). Вы также, вероятно, найдете курс по постмодернистскому роману. В наши дни существует также целый ряд литературы, имеющей дело с постмодернизмом и библейскими науками. Через массовую культуру влияние распространяется на киноиндустрию, архитектуру (коллаж стилей постмодернистской архитектуры), урбанистический дизайн, живопись, музыку, дизайн ландшафта и сада и т. д. Постмодернизм завладел воображением многих людей западного общества.

Христианский подход к постмодернизму не должен быть наивным. Есть хорошие и плохие стороны постмодернизма. Безусловно, постмодернизм прошел длинный путь до раскрытия модернизма как определенного мировоззрения с его собственными идеологическими обязательствами: намного тяжелее предположить в наши дни, что модернистская образованность и деятельность объективны и нейтральны. Постмодернизм помог показать, что каждый человек действительно имеет мировоззрение, и с христианской точки зрения этому нужно радоваться. Но сильная оппозиция постмодернизма утверждению, что любое мировоззрение истинно, может привести нас к опасному релятивизму. Дэвид Харвей говорит, что модернизм, отвергая традицию и религиозную власть, придерживается веры в то, что только разум приведет нас к истине.²⁶⁵ Постмодернисты не зря отказались от иллюзии, что человеческий разум приведет нас к истине, но они не возвратили традицию и, конечно, не возродили религиозную власть. Вместо этого постмодернисты, сознавая ограниченность человека, с радостным забвением бросаются в нигилизм. Понятно, что это несовместимо с христианским мировоззрением — в действительности это очень опасно.

И еще, существует большая опасность считать, что мир — такой, каким мы его сделали. Христианский философ Алвин Платинга

²⁶⁵ David Harvey, *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change* (Oxford: Blackwell, 1990).

прослеживает эту сторону постмодернизма до идеализма Канта или (как называет Платинга) «креативного антиреализма»:

Согласно этому взгляду, именно поведение человека, а в частности, человеческая мысль и язык, каким-то образом ответственны за фундаментальную структуру мира и за основные виды бытия в нем. Однако, с текстической точки зрения, универсальный креативный антиреализм — это, в лучшем случае, забавная бравада. Потому что Бог, конечно, не обязан нам и нашему способу мышления ни своим существованием, ни своими владениями, истина как раз в обратном. И в отношении сотворенной вселенной, — если она и обязана своим существованием и свойствами одной Личности, то эта Личность определено не человеческое существо.²⁶⁶

Постмодернизм сделал один позитивный вклад в западную культуру — вернул тему о религии в серьезные академические дискуссии. Несколько постмодернистских мыслителей в своих работах подняли тему религии. Сейчас в программах академических конференций можно найти такие темы, как прощение и молитва, что было немыслимым еще двадцать лет назад. Нужно приветствовать такие события, но мы должны также отметить, что тип религии, обсуждаемый этими мыслителями, далек от того, что напоминало бы ортодоксальную христианскую веру. Постмодернисты, может, и отказались от веры в разум, но это не значит, что они утратили идолопоклонническое желание человеческой независимости. Они и не возобновили веру в традицию и живого Бога — они от этого слишком далеки.

Пребывая в противлении мировоззрениям или великим историям, постмодернисты отвергают возможность открытия истины о мире. Хотя многие авторитетно заявляют, что у них вообще нет мировоззрения, вместо этого они действуют по такому коллажу элементов, который они считают полезным. Но не так-то легко не иметь мировоззрения вообще. Есть некоторая ирония в том, что само отвержение постмодернистами мировоззрений маскирует их собственную преданность весьма конкретному мировоззрению. Человек, который говорит: «Мы не можем знать истины», тем не менее хочет, чтобы это заявление было принято как истинное, и допускает, что ясно видит эту истину!²⁶⁷ Хотя

²⁶⁶ Alvin Plantinga, "Advice to Christian Philosophers," *Faith and Philosophy* 1, no. 3 (1984): 269.

²⁶⁷ См. рассказ Лесли Ньюбигина о слонах и слепых людях в книге: *The Gospel in a Pluralist Society* (Grand Rapids: Eerdmans, 1989), 9–10.

постмодернисты носят маску смирения, их скрытая требовательность — они являются исключением из собственного правила — от смирения очень далека, ведь постмодернизм абсолютно уверен, что предположение: «Истину нельзя найти» — само по себе верное. Ирония состоит в том, что хотя постмодернизм учит презирать мировоззрения, сам же утверждает то, что учит презирать!

Кроме того, очень важно отметить, что с христианской точки зрения корни модернизма, хотя и оспариваемые многими постмодернистскими философами, никогда не были полностью ими оставлены. Идеал человеческой независимости, например, имеет тенденцию оставаться таким же твердо укоренившимся, как всегда. Как пронизательно замечает философ науки Мэри Хессе: «Либеральный консенсус настолько успешно утвердился как идеология западной интеллектуальной культуры, что стал почти невидимой исходной предпосылкой каждого постмодернистского обсуждения».²⁶⁸ Постмодернизм — это, главным образом, западный и светский феномен, даже на Западе он остается мировоззрением меньшинства, соревнующимся за внимание со многими альтернативными мировоззрениями. Возьмите, например, область литературы. Конференции по этому предмету редко чем отличаются от конференций по постмодернистской философии, где предлагается вскрытие противоречий и радикальный феминизм, и множество альтернативных способов чтения и написания романов. Но многие ученые и писатели восстали против постмодернистского подхода к литературе. То же и в других дисциплинах: сейчас есть достаточное количество примеров постмодернистской архитектуры, но далеко не все архитекторы последовали этому курсу. Другие стили архитектуры существовали рядом, конкурируя с постмодерном, а нередко — в ответ на постмодерн.

Одна из причин, почему постмодернизм остается мировоззрением меньшинства, заключается в том, что его крайние взгляды несостоятельны или нежизнеспособны. Жизнь зависит от наличия порядка, заложенного глубоко в творении; ни наука, ни ежедневная жизнь не могут долго функционировать без этой предпосылки. Например, философ-постмодернист Жак Деррида писал довольно необычные книги: в одной, например, текст расположен в нескольких колонках на разных языках. В другой книге отрывки из работ Дерриды и других

²⁶⁸ Mary Hesse, "How to Be Postmodern Without Being a Feminist," *The Monist* 77, no. 4 (1994): 457.

писателей помещены рядом, побуждая читателя установить их взаимосвязь — это просто необычный стиль написания книг. Те же, кто пишут о Дерриде, пишут ясно и оформляют свою работу так, как обычно оформляются книги: с вступлением, главами с четким логическим развитием и заключением.

Таким образом, на Западе XXI века многие мировоззрения соревнуются за господство. Как замечает Дэвид Лион, постмодернизм ценен для христиан тем, что он предупреждает их о ключевых вопросах нашего времени, в конце исторического периода, где господствовало мировоззрение Просвещения: «Постмодернизм предлагает возможность пересмотреть модернизм, истолковать признаки времен как индикаторы того, что сам модернизм нестабилен, непредсказуем, и отказаться от предрешенного будущего, которое он однажды пообещал».²⁶⁹ Однако постмодернизм также бесполезен для христиан — хотя он и отказался от многих ключевых идей модернизма, он никогда не оставлял шатких светских оснований, на которых модернизм был построен. По этой причине слабости самого постмодернизма — весьма значительны.

Признак 2: Потребительство и глобализация

Потребительство

Наша культура находится в поиске значения. Фрагментация, которую постмодернизм взвалил на нашу культуру, и принижение модернизма все больше и больше оставляют западную культуру без здорового стержня, из которого можно было бы черпать значение и правила. Постмодернизм сократил великую историю современности до свалки разбитых идей, всего лишь отдельных фрагментов. Но появление постмодернизма еще не говорит о том, что модернизм действительно отступил. «Мы должны отличать, — говорит Эдвард Кейси, — все более убедительную критику модерна на уровне теории... от того факта, что на практическом уровне мы остаемся полностью связанными с модернизмом, главным образом из-за господства технологии, падчерицы модернизма, в нашей повседневной жизни».²⁷⁰

²⁶⁹ David Lyon, *Postmodernity* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994), 70.

²⁷⁰ Edward S. Casey, *Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World*, *Studies in Continental Thought* (Bloomington: Indiana University Press, 1983), 389–90.

Вакуум, образовавшийся в самом сердце нашей культуры, должен быть обязательно заполнен, и есть пути, по которым некоторые аспекты модернизма, далекие от исчезновения, остались или возвратились в сердце культуры. Питер Хеслам указывает, что одним из таких стойких следов модернизма в центре западной культуры есть прагматичный, потребительский взгляд на человеческую жизнь. Он отмечает, что «преобладающие идеологии капитализма и потребительства... выдвигаются как единственные действенные системы, и именно “то, что действует”... предоставляет особый статус в постмодернистском мировоззрении».²⁷¹ Ричард Бокэм комментирует: «Недоверие к метаповествованиям в современном западном обществе вполне понятно, но оно может отвлекать от очень сильного, самого современного великого повествования потребительского индивидуализма и глобализации свободного рынка, который... обогащает богатых, оставляя бедных бедными, и разрушает окружающую среду. Таким образом, он продолжает оказывать своего рода притеснение, которое современные метаповествования прогресса всегда оправдывали».²⁷²

Более того, Сюзан Уайт утверждает, что потребительство стало одним из главных претендентов на роль новой, определяющей истории западной культуры, и она раскрывает ее основные принципы несколькими искусными штрихами:

*Если есть какое-либо всеохватывающее метаповествование, которое претендует на то, чтобы объяснить действительность конца XX столетия, то это наверняка повествование об экономике свободного рынка. В начале этого повествования – независимая личность. В конце – большой дом, большой автомобиль и дорогая одежда. Посредине – жадная борьба за успех, победы и поражения в мире, где ничего даром не дается. Большинство из нас сделали эту историю вполне своей, и мы едва осознаем ее силу».*²⁷³

Общество потребления – это общество, где основные ценности все больше извлекают из потребления, а не наоборот. В принципе, все становится товаром, который можно продать и купить. Как заметил

²⁷¹ Peter Heslam, *Globalization: Unravelling the New Capitalism*, Grove Ethics Series E125 (Cambridge: Grove, 2002), 7–8.

²⁷² Richard Bauckham, “Reading Scripture as a Coherent Story,” in *The Art of Reading Scripture*, ed. Ellen F. David and Richard B. Hays (Grand Rapids: Eerdmans, 2003), 46.

²⁷³ Susan J. White, “A New Story to Live By?” *Transmission* (Spring 1998): 3–4.

Дон Слейтер: «Если нет принципа, ограничивающего, кто и что может потреблять, тогда нет и принципиального ограничения в том, что именно можно потреблять: все общественные отношения, мероприятия и объекты можно, в принципе, обменять, как предметы потребления. Это одна из самых глубоких сторон секуляризации, установленной современным миром».²⁷⁴ Сексуальность может служить примером того, что имеет ввиду Слейтер. С христианской точки зрения, сексуальность — это особый дар Божий, данный для наслаждения в браке. Хотя порнография всегда превращала секс в продукт потребления, современная реклама и Интернет беспрецедентно усилили этот процесс так, что огромное разнообразие порнографии из любой страны моментально доступно для потребления. Неудивительно, что пагубное пристрастие к порнографии растет в геометрической прогрессии.

Кроме того, общество потребления — это такое общество, где свобода приравнивается к личному выбору и личной жизни. Слейтер отмечает, что свобода выбора любого товара в любой сфере жизни изменила взгляд Просвещения на разум как на источник, который поощрялся для использования против власти традиции или религии. Показательным примером того, как потребительская свобода грозит проглотить другие свободы демократии, может послужить история «войны» супермаркета «Уолмарт» с местными властями аризонского города Флагстафф,²⁷⁵ издавшими закон, запрещающий строительство торговых площадей, превышающих 125 000 кв. футов.²⁷⁶ Уолмарт, имевший более грандиозные планы, поместил рекламу в газете «Аризона дейли сан», в которой этот закон приравнивался к сжиганию книг нацистами. Энтони Бьянко пишет, что «сравнением местного закона с подавлением свободы слова и возвышением права на дешевую покупку над свободами, установленными биллем о правах человека, компания «Уолмарт» плюнула в лицо не только городским властям, но и всем американцам».²⁷⁷

И, наконец, общество потребления — это общество, где потребности неограничены и ненасытны. Это звучит иронично, потому что, хотя по-

²⁷⁴ Don Slater, *Consumer Culture and Modernity* (Oxford: Polity, 1997), 27

²⁷⁵ См. Anthony Bianco, *The Bully of Bentonville: How the High Cost of Wal-Mart's Everyday Low Prices Is Hurting America* (New York: Doubleday, 2007), 166–69.

²⁷⁶ Ок. 11,6 тыс. кв. м. — Прим. ред.

²⁷⁷ Bianco, *The Bully of Bentonville*, 169.

требительство обещает небывалое удовлетворение наших потребностей, его дальнейшее существование зависит от наших потребностей, которые никогда полностью и не были удовлетворены: «Поэтому рыночное общество постоянно преследуемо вероятностью, что потребности могут быть либо удовлетворены, либо на это не будет средств».²⁷⁸

Как уже часто говорилось, результатом господства потребительства является то, что супермаркет стал кафедральным собором нашего времени. В средние века кафедральный собор был центром города, как бы символическим напоминанием о том, что жизнь города должна быть направлена к Богу, и наоборот, современные города формируются вокруг торговых центров. Как отмечает Джеймс Роуз (архитектор, который спроектировал больше шестидесяти торговых центров): «Именно в торговом центре все люди собираются вместе — богатые и бедные, старые и молодые, черные и белые. Это демократичное, объединяющее, универсальное место, которое определяет дух и индивидуальность города».²⁷⁹ Однако проблема с торговым центром, как говорит Ион Пол, заключается в том, что

он побуждает нас забыть любые идеалы совместной содержательной жизни помимо той, которую создает рынок. Торговый центр не создает никакой устойчивой общности, не зиждется на традиции и не поддерживает никаких ценностей кроме тех, что установили корпорации, для которых потребители едва ли не обезличенные единицы или мишени. Мы «объединены» только местом в иерархии, и нашей возможностью тратить. И не случайно, что эта иерархия, где богатые получают больше, а бедным указывают на дверь — также преобладает в американской политике.²⁸⁰

Экономическая глобализация

С 1950 года развитие потребительства как мировоззрения тесно связано с глобализацией, которая «охватывает многое: международный поток идей и знаний, обмен культурами, всемирное гражданское

²⁷⁸ Slater, *Consumer Culture and Modernity*, 29.

²⁷⁹ Ион Пол цитировал Роуза в книге: *Shopping Malls and Other Sacred Spaces: Putting God in Place* (Grand Rapids: Brazos, 2003), 70.

²⁸⁰ Pahl, *Shopping Malls*, 79.

общество и всемирное движение по проблемам окружающей среды».²⁸¹ И в центре глобализации находится всемирный рынок, существование которого стало возможным благодаря революции в коммуникации. Через коммуникационную технологию большие корпорации сегодня распространили свое влияние по всему миру. В процессе развития эти корпорации все больше отходят от многонациональной модели (базирующейся в одной стране, но имеющей филиалы в других странах) к межнациональной, которая не имеет никаких конкретных связей с какой-либо страной, но может перемещать свои офисы и заводы по всему миру для получения максимальной прибыли. Огромные суммы глобального капитала могут быть введены в страну (электронным путем) очень быстро, но также быстро могут быть и отозваны, в связи с чем есть опасность причинения огромного ущерба, что особенно касается бедных стран.

В центре глобализации находится рыночная экономика, которая делает процесс купли-продажи сильным соперником движущей силы западной культуры. Следовательно, если мы хотим понять, какое время сейчас переживает наше общество, нужно внимательно присмотреться к тому, какой вид экономики воплощен в потребительстве. И пристальный взгляд покажет, что потребительство — это не что иное, как постмодерн!²⁸²

Христианский экономист Боб Гудзвард указывает, что современное мировоззрение Просвещения возникло во время большой нестабильности в Европе. Католики и протестанты воевали по всей Европе, поэтому религия, казалось, не могла предложить стабильной основы для общественной жизни. Таким образом, модернизм возник как реакция на страх в ответ на необходимость в безопасности: «Модернизм, можно сказать, переустановил человеческое общество. И он сделал так, во-первых, в сфере логики и в достоверности математических и механических законов. Но затем... он хотел преодолеть эту неуверенность рациональным и систематическим усилием организовать, реорганизовать и воссоздать человеческое общество».²⁸³ И эта организационная

²⁸¹ Joseph E. Stiglitz, *Making Globalization Work* (New York: Norton, 2006), 4.

²⁸² О связи между глобализацией и современностью см. Bob Goudzwaard, Mark Vander Vennen, and David Van Heemst, *Hope in Troubled Times: A New Vision for Confronting Global Crises* (Grand Rapids: Baker Academic, 2007), 143–46.

²⁸³ Bob Goudzwaard, “Globalization, Economics, and the Modern World-and-Life View” (неопубликованная работа).

стремительность включала рыночный механизм, который продолжает двигать глобализацию.²⁸⁴

Классическая экономическая теория, которой уже двести лет, заложила фундамент экономики. Эту теорию с того времени приняла большая часть западного общества, и два ее самых важных принципа продолжают пользоваться большим влиянием и сегодня. Первый — утилитаризм, сделавший заключение, что человеческому счастью больше всего послужит то, если определенное производство выпустит столько продукции, сколько возможно. С этой точки зрения, источник человеческого счастья находится непосредственно в наличии суммы товаров и услуг, произведенных и проданных на рынке. Второй принцип классической экономической мысли — вера в неотъемлемое право свободного рынка, уверенность, что мы должны следовать за рынком туда, куда он ведет, потому что он неизбежно направит нас к лучшему будущему. «В самом деле, свободная работа рынка лежит близко к центру самоидентификации западного общества: на Западе правительство не вмешивается в деятельность рынка, потому что это означало бы шаг в сторону от “свободного общества” к “тоталитарному обществу”».²⁸⁵

Современные неоклассические экономисты позаботились о том, чтобы не быть уличенными в выработке рекомендации какого-либо конкретного направления для общества. Таким образом, «попытки современных экономистов только предложить объяснения подобны тому, как естественные науки пытаются только объяснить реальность в поисках универсально справедливых законов и неоспоримых фактов, которые можно объективно и непредубежденно объединить». Результат — человеческие потребности, мотивы и желания преднамеренно исключены из экономических расчетов, потому что «экономист должен ограничиваться строгим анализом процессов рыночного механизма».²⁸⁶ Результат — весьма искаженное мировоззрение, в котором 1) все нужды приняты только как данность; 2) считается, что человеческие нужды не ограничены по природе; 3) природа и окружение видится как данность и исключается из сферы изучения и 4) идет приравнивание чело-

---

²⁸⁴ В дальнейшем мы глубоко обязаны Bob Goudzwaard and Harry M. de Lange, *Beyond Poverty and Affluence: Toward a Canadian Economy of Care* (Toronto: University of Toronto Press, 1995).

²⁸⁵ Goudzwaard and de Lange, *Beyond Poverty and Affluence*, 48.

²⁸⁶ Там же, 51, 53.

веческого труда к одному из нескольких производственных факторов. Критика Гудзварда и Ланге этой господствующей теории поразительна:

Так как эта теория применяется в условиях рынка, она совсем не берет во внимание большие осколки нищеты, которые рынок не может учесть, и так как ее подход к нехватке определяется в ценовом выражении, невозможно дать экономическую оценку экологической проблеме; и по причине того, что она рассматривает труд исключительно как оплачиваемый производственный фактор, игнорируется проблема количества и качества работы. Неоклассическая экономика была разработана не для того, чтобы помочь в решении этих проблем. Она хочет понять и поддержать только то, что относится к производству, потреблению, доходу и деньгам в рыночной экономике...

Наша нынешняя экономика — это экономика «реабилитации», мы в ней занимаемся наиболее возможным потреблением и производством и только потом пытаемся облегчить возрастающие потребности по печению, зачастую невероятно дорогими формами компенсации.²⁸⁷

Это не намек на то, что глобализация — непоправимое зло или что капитализм — это плохо. Глобализация породила как плохое, так и хорошее. Глобализация уже укоренилась во взгляде человечества, предпочитающего рациональность, независимость и индивидуализм. Хотя постмодернизм ставил под сомнение эти убеждения, он не дал им реальной альтернативы. Даже вполне секуляризованный, независимый человек хоть и отчаивается в познании истины и мира, все же может без труда тратить деньги! Таким образом, постмодернизм, что весьма иронично, создал место для господства прагматизма: для того, что действует, а не для того, что разумно. И для большинства западных людей глобализация действует: она увеличила сферы, доступные потреблению, и сделала Запад в целом богаче. В результате потребительство, стимулированное приверженностью глобализации, стало господствующим мировоззрением наших дней.

Однако были признаки, что не все так хорошо с глобализацией. Первый значительный протест был заявлен 30 ноября 1990 года, когда Всемирная торговая организация (ВТО) собралась в Сиэтле и увидела, как их торговые переговоры (которые в любом случае прошли неблагоприятно) были омрачены огромными уличными демонстрация-

²⁸⁷ Там же, 61, 65.

ми протеста. Мэр Сиэтла объявил чрезвычайное положение и ввел комендантский час, пока губернатор штата Вашингтон мобилизовал национальную гвардию. Последующие встречи ВТО, хотя и были тщательно защищены от протестующих, прошли не намного лучше: развивающийся мир пробудился и был готов жаловаться.

Хотя говорят, что глобализация – это свободная торговля, Джозеф Стиглиц утверждает, что «свободная торговля не получилась, потому что мы ее и не пробовали: торговые соглашения прошлого не были ни свободными, ни справедливыми».²⁸⁸ Сельское хозяйство предоставляет самый яркий пример этого. Большая часть экономики развивающегося мира – сельскохозяйственная, а не технологическая, и западные народы постоянно отказывались прекратить защиту отечественного сельского хозяйства (с помощью субсидий), тем самым эффективно предотвращая справедливое соперничество между своими сельскохозяйственными производителями и производителями развивающихся стран. В Европе каждая корова получает среднюю субсидию в два доллара в день, – печально осознавать, но больше половины населения в развивающемся мире живут на меньшую сумму. Подобные субсидии дали бы возможность африканским фермерам конкурировать на мировых рынках: «Соединенные Штаты и Европа усовершенствовали искусство спора за свободную торговлю, одновременно заключая торговые соглашения, которые защищают их от импорта из развивающихся стран».²⁸⁹

Стиглиц определяет шесть сфер, где глобализация отчаянно нуждается в реформе: 1) необходимость борьбы с нищетой; 2) необходимость зарубежной помощи и списание долгов; 3) необходимость сделать торговлю справедливой в противоположность свободной; 4) необходимость признать реальные границы возможностей развивающихся стран открыть свои рынки для свободной торговли; 5) необходимость борьбы с кризисом окружающей среды, включая угрозу глобального потепления; 6) необходимость в здоровой системе всемирного правления.²⁹⁰

²⁸⁸ Stiglitz, *Making Globalization Work*, 62.

²⁸⁹ Stiglitz, *Making Globalization Work*, 78, 79.

²⁹⁰ Стиглиц (*Making Globalization Work*, 11) отмечает, что, кроме Китая, за последние два десятилетия бедность возросла в развивающемся мире. Около 40 процентов 6.5 миллиардного населения земли живет в бедности (до 36 процентов с 1981 г.), и одна шестая часть (877 миллионов) в крайней нищете (на 3 процента больше, чем в 1981 г.). Африка находится в наихудшем положении, где численность людей, живущих в крайней нищете, удвоилась с 164 до 316 миллионов.

К перечню Стиглица мы бы добавили седьмой пункт — необходимость ограничить распространение западной культуры, которая так часто конфликтует с культурными ценностями развивающегося мира.

Чтобы воплотить сегодня христианское мировоззрение, мы должны обосновать содержательную критику глобализации и дать достойные предложения для ее преобразования. Рынку придется поступиться некоторой независимостью, чтобы войти в контекст более человеческой (и гуманной) истории, а для нас это, конечно же, библейская история. Гудзваард, Вандер Веннен и Ван Химст начали работу по предложению библейски здравых реформ, которые они пропагандировали в работе «Надежда в тревожное время»:

Почему бы не установить порог в нашем уровне доходов и потребления и сориентироваться на уровень разумного количества, чтобы процесс производства мог освободиться от крайнего давления, вернуться к удовлетворению потребностей бедных и инвестированию в реальное сохранение культуры и окружающей среды? Конечно, наши деловые круги, профсоюзы, политические партии и другие организации, и даже мы лично, должны срочно отвернуться от бесконечного материального потребления, и вместо этого двигаться к настоящей жизнеспособной экономике.²⁹¹

Признак 3: Ренессанс христианства

Так как постмодернизм разделяет с модернизмом многие светские гуманистические предпосылки, он также разделяет и многие его слабые стороны. Религия, представленная как личное дело в модернистском мировоззрении, редко (со времен Просвещения) воспринималась всерьез как сила культуры.²⁹² Хотя постмодернизм обратился к религии как к предмету обсуждения, он крепко держит ее в рамках, предписанных светскими предпосылками модернизма.²⁹³ Но религия действительно все больше является основной силой культуры в наше время: «Мы сейчас переживаем один из преобразующих моментов в истории ре-

²⁹¹ Goudzwaard, Vander Vennen, and Van Heemst, *Hope in Troubled Times*, 191.

²⁹² См., например, Stephen L. Carter, *The Culture of Disbelief: How American Law and Politics Trivialize Religious Devotion* (New York: Anchor Books, 1993).

²⁹³ См., например, Gianni Vattimo, *Belief*, trans. Luca D'Isanto and David Webb (Stanford, CA: Stanford University Press, 1999); первоначально опубликованный как *Credere di Credere* (Milan: Garzanti, 1996).

лигии во всем мире».²⁹⁴ Одним из примеров такого преобразования является ренессанс христианства, особенно в южном полушарии, где с середины XX столетия количество верных христиан феноменально возросло. Во многих быстроразвивающихся странах мира, таких как Филиппины, Нигерия, Мексика, Бразилия и Китай, христиане составляют значительную часть населения, в некоторых случаях даже большинство. Отталкиваясь от нынешней статистики, к 2050 году «будет около 2,6 миллиардов христиан, из которых 633 миллиона будут жить в Африке, 640 миллионов в Латинской Америке и 460 миллионов в Азии. Европа с 555 миллионами окажется на третьем месте».²⁹⁵

Характер веры, которая возрастает в развивающемся мире, заслуживает внимания, потому что это преимущественно ортодоксальное, консервативное христианство с благоговейным отношением к Библии и сильной социальной сознательностью. Филипп Дженкинс подробно рассмотрел это в работе «Новые лица христианства: вера в Библию на мировом Юге». В эпиграфе к главе «Сила в Книге» Дженкинс цитирует Мартина Лютера: «Библия жива: у нее есть руки — и она держит меня, у нее есть ноги — и она бежит за мной». Христиане южного полушария рассматривают Писание как живое и истинное Слово Божье: «Какими бы ни были различия по определенным вопросам, новые церкви воспринимают Библию как надежный и абсолютный источник авторитета; и такое почтительное отношение распространяется на весь библейский текст, на оба Завета».²⁹⁶ И такая высокая оценка авторитета Библии в развивающихся странах не была совмещена с политическим консерватизмом, желающим сохранить статус-кво. Фактически, именно церковные руководители борются за реформу и права человека, даже ценою своей безопасности.

Церквям северного полушария оказалось тяжело ориентироваться в постмодернизме. Как можно жить и провозглашать евангелие в обществе, где все разрешено, где толерантность — главная добродетель и где право человека выбирать образ жизни должен соблюдаться более всего? Не удивительно, что самый спорный вопрос в ведущих церквях северного полушария в наши дни — какую позицию занять

²⁹⁴ Philip Jenkins, *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity* (Oxford: Oxford University Press, 2002), 1.

²⁹⁵ Jenkins, *The Next Christendom*, 3.

²⁹⁶ Philip Jenkins, *The New Faces of Christianity: Believing the Bible in the Global South* (Oxford: Oxford University Press, 2006), 41.

в отношении гомосексуализма. В светском обществе свободный выбор крайне важен, и любая критика гомосексуализма рассматривается как гомофобия и отрицание равенства другого. Христианство южного полушария должно помочь нам определить перспективу в этом вопросе и укрепить приверженность библейской истории, напоминая нам, что наша первая обязанность — перед Богом и его откровением, а обязанность перед ближним — вторична. Мы не можем позволить, чтобы требования наших ближних о свободном выборе — в сексуальной ориентации, в абортах, порнографии, потребительстве или использовании мировых ресурсов — определяли планы христиан сегодня. Вне всяких рассуждений — мы призваны быть верными Богу.

Расширяющееся ортодоксальное христианство развивающегося мира может бросить вызов часто идущему на компромисс христианству западных народов, особенно когда вера отнесена к сфере строго частных и личных дел. «Для многих христиан, живущих не на Западе, не очевидно, что религия должна быть индивидуальным или частным делом, что церковь должна быть отделена от государства, что мирские ценности преобладают в некоторых областях жизни или что Писание должно оцениваться согласно канонам исторической науки».²⁹⁷ Поэтому христиане южного полушария призывают всех остальных поднять евангелие до того уровня, на котором оно должно быть — оно должно стать мировоззрением, охватывающим всю жизнь. Многие христиане северного полушария смирились с объявлением религии частным делом, и сейчас трудно представить, что входит в понятие истинного христианского мировоззрения. Что значит следовать за Христом в области искусства, образования, политики, брака и сексуальности, экономики, бизнеса? Хотя христианам южного полушария все еще предстоит создать всестороннее христианское мировоззрение в теории и на практике, верно то, что они, как пророки, призывают нас восстановить полноту христианской веры и присоединиться к ним в возвещении полного евангелия всему миру.²⁹⁸ Дженкинс замечает, что самая большая проблема, которую Всемирная церковь может принести нашему миру —

²⁹⁷ Jenkins, *The Next Christendom*, 181–82.

²⁹⁸ Здесь я ссылаюсь на определение «миссии» Манильского манифеста. Манильский манифест — это разработка евангельского Лозаннского Соглашения (1974 г.). Оно было подготовлено участниками Лозанна II, Второго Международного конгресса по Всемирному Евангелизму, проходившего в Маниле в 1989 г.

это, возможно, принять навеянную Просвещением предпосылку, что религия должна быть обособлена в отдельную сферу жизни, отличающуюся от ежедневной реальности. В западном понимании... духовная жизнь — это, в основном, частная внутренняя деятельность, личное дело каждого. Общее мнение американцев гласит, что церковь и государство, священное и светское — абсолютно отдельные явления, и они должны находиться отдельно, как масло и вода. Однако в большинстве исторических периодов такое разграничение неприемлемо.²⁹⁹

Такое разграничение неприемлемо также в Африке, Латинской Америке и Азии. Итак, какое время сейчас переживает наше общество? Церковь Христа в развивающемся мире говорит, что сейчас — наше время для восстановления духа господства Христа над всей нашей жизнью, чтобы можно было с уверенностью сказать, что Иисус — «тайна небес и земли, вселенной, сотворенной Богом».³⁰⁰ Они требуют, чтобы мы восстановили образ Христа, как ключ ко всему творению, и чтобы мы непрерывно указывали на этот ключ.

Признак 4: Возрождение ислама

В работе «Столкновение цивилизаций и изменение мирового строя» Семюэл Хантингтон оповещает нас о недавно начавшемся поразительном росте в исламе, произошедшем параллельно с ростом христианства в южном полушарии.³⁰¹ Число последователей ислама выросло с 12,4 процента от населения мира в 1900 году до 19,6 процента в 1993 году. Это возрождение ислама, которое началось в 1970-х годах, сейчас непосредственно влияет на одну пятую часть человечества и имеет значительные планы в отношении остального мира. Например, Дженкинс отмечает, что из двадцати пяти самых больших народов мира к 2050 году двадцать будут преимущественно или полностью христианскими или мусульманскими.³⁰² Девять из этих стран будут полностью

²⁹⁹ Jenkins, *The New Faces of Christianity*, 141, 142.

³⁰⁰ Karl Barth, *Church Dogmatics*, vol. 3, *The Doctrine of Creation, Part 1* (Edinburgh: T&T Clark, 1958), 21. См. «Творение и завет» в книге: Барт Карл. Церковная догматика. Т.1. М.: ББИ, 2007.

³⁰¹ Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon & Schuster, 1996).

³⁰² Jenkins, *The Next Christendom*, 166. Важно отметить, что Дженкинс пишет о населении, а не государствах и обществах в целом.

или преимущественно мусульманскими, восемь других, полностью или большей частью, состоять из христиан, и остальные три будут резко разделены между двумя религиями. Не меньше десяти из двадцати пяти наибольших мировых государств к середине XXI века будут местом серьезного конфликта между последователями ислама и христианства.

С политической точки зрения, основная характеристика возрождающегося ислама — поворот к исламскому закону (шариату) вместо западных законов, что должно стать ключом к полноценной жизни и здоровому правительству. Возрождающийся ислам глубоко критичен по отношению к Западу, и поэтому ищет решения проблем современности в своих собственных традициях. В возрождающемся исламе нет священной или светской дихотомии, все аспекты жизни воспринимаются серьезно, как дело веры. Куршид Ахмад отмечает: «Ислам — это не религия в общем, искаженном понимании слова, ограничивающая свои пределы частной жизнью человека... Ислам обеспечивает руководство всеми сторонами жизни — индивидуальной и общественной, материальной и моральной, экономической и политической, юридической и культурной, национальной и интернациональной. Коран призывает человека войти в общество ислама безоговорочно и следовать Божьему водительству во всех сферах жизни».³⁰³

Хотя возрождающийся ислам в значительной степени представляет большинство, в нем также есть радикальный, фундаменталистский, или пуританский, элемент. Радикальный ислам подпитывает террористические группы, многие из которых выразили «общую цель восстановления объединенного всемирного мусульманского политического общества, «уммы», управляемого централизованной исламистской властью халифата, которая руководствуется реакционным вариантом исламистского закона — шариата и организована, чтобы вести войну — джихад — во всем мире».³⁰⁴

Возрождающийся ислам представляет две основные проблемы для христианства. Первая, он призывает христиан избавиться раз и навсегда от дуализма священного и светского. Ислам отвергает дуализм, который так глубоко проник в мышление христиан, например, в богословии и образовании. Поэтому первая глава работы «Философия и наука

³⁰³ Khurshid Ahmad, *Islam: Its Meaning and Message* (London: Islamic Foundation, 1975), 37

³⁰⁴ Paul Marshall, preface to *Radical Islam's Rules: The Worldwide Spread of Extreme Shari'a Law*, ed. Paul Marshall (Lanham, MD: Rowan & Littlefield, 2001), 1.

в исламском мире» Чадри Абдула Кадира утверждает: «Исламская теория знания... основана на духовной концепции человека и мира, в котором он живет, в то время как западная теория — светская, лишенная священного смысла. И именно по этой причине, согласно мнению мусульманских мыслителей, западная теория знания представляет собой одну из самых больших проблем человечества». ³⁰⁵ Исламская вера в полновластие Аллаха «значит, что ощущение священного, которое предоставляет основную почву для знания, должно сопровождать и толковать просветительный процесс на каждом этапе. Аллах не только стоит у истоков знания, он также стоит и в конце, сопутствуя и вливая благодать в весь процесс обучения». ³⁰⁶

Таким образом, ислам намного успешнее, чем христианство, противостоит секуляризму и модернизму. В реакции ислама на постмодернизм слышно эхо озабоченности, высказанной думающими христианами, как показывает это отрывок из работы Акбара Ахмеда: «Тест для мусульман — как сохранить сущность послания Корана... без того, чтобы свести его до древнего и пустого речитатива; как участвовать в глобальной цивилизации без утраты своей идентичности. Это апокалипсический тест, самый суровый экзамен. Мусульмане стоят на перепутье». ³⁰⁷

В некотором смысле ислам и христианство стоят на одном перепутье, и им следует принять общий вызов: как сохранить полную природу своей веры и в то же время сохранить связь с ультрамодернизмом Запада. Однако ислам имеет лучшую репутацию в удерживании полноты своей веры. Зиауддин Сардар, мусульманский журналист в Лондоне, называет причину, по которой мусульмане не доверяют христианству: оно «стало служанкой секуляризма... христианство, кажется, всегда выбирает то, что хочет секуляризм». ³⁰⁸ Сардар признает не только религиозные черты секуляризма, но также и то, что библейское христианство не дуалистично и должно быть «антитезисом секуляризму». ³⁰⁹

³⁰⁵ Chaudhry Abdul Qadir, *Philosophy and Science in the Islamic World* (London: Croom Helm, 1988), 1.

³⁰⁶ Qadir, *Philosophy and Science*, 5–6.

³⁰⁷ Akbar S. Ahmed, *Postmodernism and Islam: Predicament and Promise* (London: Routledge, 1992), 264.

³⁰⁸ Ziauddin Sardar, "The Ethical Connection: Christian-Muslim Relations in the Postmodern Age," *Islam and Christian-Muslim Relations* 2, no. 1 (June 1991): 59.

³⁰⁹ Sardar, "Ethical Connection," 59, 68.

Сардар считает этот дуализм свидетельством исторического компромисса христианства с платонизмом и рационализмом, результатом которого стало то, что «распространение христианства в Третьем мире идет рука об руку с введением либерального секуляризма и западного капитализма в развивающихся обществах... Таким образом, христианство служит интересам секуляризма в Третьем мире: несмотря на громкие декларации о любви и появлении аутентичности, миссионерская деятельность часто распространяет антигуманную форму западной культуры и капитализма».³¹⁰

Осознание возрождения ислама должно помочь христианам получить более здоровый взгляд на постмодернизм и глобализацию. Сейчас, как никогда, мы не должны приспособлять евангелие по каждому пункту к мирской западной культуре, потому что, поступая так, мы будем продолжать общаться с приятными людьми, которые практически ни во что не верят. Пришло время подняться и твердо стоять на самой сути веры. В самом деле, если христиане так будут поступать, возможно, они смогут сотрудничать с умеренными мусульманами в том, чтобы развивать общество, где можно веру выражать полностью, тем самым избегая религиозной свободы, провозглашаемой либеральными демократами. Однако, это может произойти, только если ислам будет проявлять истинный плюрализм, который позволит другой религии, такой как христианство, процветать рядом с их собственной. «В этом и состоит главный вопрос — могут ли ислам и христианство сосуществовать».³¹¹

И здесь представлен второй вызов христианству: смогут ли христиане и мусульмане жить мирно? События 11 сентября заставили многих задать вопрос: может ли ислам найти в себе место для толерантности, подлинного соседства и способности признать основные права человека? И хотя христианство, так же как и ислам, имеет в своей истории примеры бесчеловечного притеснения и принуждения иноверцев, важен вопрос: какой предел насилия присущ каждому из них. Лесли Ньюбигин, на наш взгляд, прав, утверждая:

Что уникального у христианского евангелия, так это то, что люди, призванные быть его свидетелями, преданы официальному утверждению,

³¹⁰ Sardar, "Ethical Connection," 61–62

³¹¹ Jenkins, *The Next Christendom*, 168.

что оно истинно – истинно для всех времен и народов, – и в то же время действует запрет использовать принуждение для его навязывания. Поэтому от них требуется терпимое отношение к непринятию... не в том смысле, что мы должны быть лояльными ко всем убеждениям, а потому, что истина непостижима и все имеют равные права. Толерантность, требуемая от христиан – это не то, что они должны ощущать вопреки своей убежденности, но то, что они должны ощущать из-за своей убежденности в истинности евангелия. Это один из очень важных пунктов различия между исламом и христианством.³¹²

История насилия против защитников прав человека или просто любых несогласных в радикальном исламе – мягко говоря, не бедная. Приверженцы этого крыла мусульманства не гнушаются мечом в поисках сторонников, но не терпят призывов к обращению сами и запрещают переходить в иную религию другим.

Жак Эллоуль утверждает, что «война – долг всех мусульман... Война неотъемлема от ислама. Она предписана в их учении».³¹³ Чтобы понять отношение исламистов к насилию, нам следует подумать об идее джихада, или борьбы, которая может быть внутренней или внешней и, если направлена на внешнее, может быть оборонительной или наступательной. Бернард Льюис комментирует: «Из большинства записанных свидетельств мусульманской истории, джихад был наиболее широко интерпретируем как вооруженная борьба в защиту или развитие мусульманской власти».³¹⁴ Мыслители, такие как Питер Риддел и Питер Соттерелл, находят в Коране внутренний конфликт между оборонительным и наступательным подходом: «Является ли ислам религией мира, как считают умеренные мусульмане... или, скажем, это религия, предрасположенная к насилию и священной войне, как заявляют радикальные группы?.. Но разве обязательно это разделять? Мусульманские тексты могут быть истолкованы в любом контексте. Все зависит от того, как их предпочитают читать отдельные мусульмане».³¹⁵

³¹² Lesslie Newbigin, "Part Four: A Light to the Nations: Theology in Politics," in *Faith and Power: Christianity and Islam in "Secular" Britain*, by Lesslie Newbigin, Lamin Sanneh, and Jenny Taylor (London: SPCK, 1998), 148–49.

³¹¹ Jacques Ellul, *The Subversion of Christianity*, trans. Geoffrey W. Bromiley (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 100

³¹⁴ Bernard Lewis, *The Crisis of Islam: Holy War and Unholy Terror* (New York: Random House, 2004), 37.

³¹⁵ Peter G. Riddell and Peter Cotterell, *Islam in Context: Past, Present, and Future* (Grand Rapids: Baker Academic, 2003), 192.

Радикальный ислам получил разную реакцию со стороны христиан. Некоторые, как Риддел и Коттерелл, утверждают, что суть проблемы — в исламском богословии, которое должно быть изменено умеренными мусульманами, в случае, если нужно достичь мирного сосуществования между мусульманами и всеми остальными. Другие, как Джон Эспозито, признают двусмысленность в исламском писании и традиции, и принимают основное толкование мусульман о том, что терроризм запрещен и является чуждым мусульманским понятиям.³¹⁶

Мы действительно считаем, что исламу необходимо определить степень, до которой Коран оправдывает насилие как средство распространения своей веры. В то же время мы убеждены, что наступило время для решения вопросов, которые подняли исламистские террористы, но не прибегать при этом к их методам. Это приведет к тому, что мы станем более критично относиться к собственной роли и роли наших правительств в мировых делах. Подобно Христу, нам нужно всем сердцем желать справедливости. Эспозито правильно указывает: «Раковая опухоль глобального терроризма будет распространяться, чтобы поразить международное тело, пока мы обращаемся к его политическим и экономическим причинам, которые, в противном случае, будут продолжать обеспечивать благоприятную почву для ненависти и радикализма, возникновения экстремистских движений и наемников для бин ладенов этого мира».³¹⁷

Колин Чапман отмечает, как пример, несправедливость, которую Израиль допустил против Палестины: «Илия предсказал голод, но он также осудил Ахава за то, что тот убил Навуфея и забрал его виноградник. Мне больше посещать сегодня Западный берег реки Иордан, потому что там десятки, нет, сотни виноградников Навуфея — нелегальных израильских поселений на каждой возвышенности».³¹⁸ И дальше он говорит: «Я лично верю, что прежде чем Запад (особенно США) предпримет серьезную попытку более объективно понять гнев палестинцев, арабов и мусульман в израильско-палестинском конфликте,

³¹⁶ John L. Esposito, *Unholy War: Terror in the Name of Islam* (Oxford: Oxford University Press, 2003), 19.

³¹⁷ Esposito, *Unholy War*, 24

³¹⁸ Colin Chapman, "Islamic Terrorism": Is There a Christian Response? Grove Ethics Series E139 (Cambridge: Grove, 2005), 23.

пройдет еще много времени, возможно, очень много, до смягчения гнева, который многие мусульмане испытывают к Западу».³¹⁹

Заключение

Мы живем в очень интересное и сложное время. Модернизм атакован постмодернизмом, но в то же время он распространяется по всему миру в процессе глобализации. Как постмодернизм, так и глобализация питают культуру потребительства. Глобальный рост христианства в южном полушарии и рост ислама ставят свои задачи. В результате современная западная культура оказалась в кризисе и неопределенности.

Именно в этом контексте церковь призвана жить на перепутье, на пересечении драмы Писания и историй нашей культуры. Понятно, что это нелегкая задача. На данном этапе постмодернизм низвергает мировоззрения современности и дает христианам возвысить голос, в то же время не являясь толерантным к мировоззрениям, и, конечно, не оставляя места для заявления христиан о том, что евангелие — истина. И все это время, пока секуляризм удерживает позиции на Западе, христианская церковь переживает феноменальный рост в развивающемся мире. Как же нам жить на перепутье?

---

³¹⁹ Chapman, "Islamic Terrorism," 22. См. также важную книгу Джимми Картера: *Palestine: Peace not Apartheid* (New York: Simon & Schuster, 2006).

Жизнь на перепутье. Сознательное свидетельство

Всесторонний взгляд на взаимодействие с обществом

На протяжении всей книги мы делали ударение на двух истинах, которые считаем главными для деятельности христиан в разных культурах. Первая истина о том, кем является Иисус Христос: он — Творец и Искупитель всего, он руководит историей и движет ее к заранее назначенному концу (Кол. 1, 15-20; Откр. 4-5). Иисус — Господь. Вторая истина говорит о том, что библейское спасение всеобъемлюще по масштабу и действительно по природе: цель Бога в спасении — в полноте восстановить жизнь человечества в контексте обновленного творения. Если мы верим, что Иисус — Господь, тогда мы должны быть свидетелями господства Христа в каждой сфере человеческой жизни и культуры. Если мы верим, что спасение воистину всеобъемлюще, тогда мы должны воплощать спасение Христа во всем. Следовать за Господом Иисусом и свидетельствовать о его спасении — значит служить ему во всем и везде, исповедуя господство Христа в обществе и культуре, заняв твердую позицию против зла, противостоящего этому господству.

За последние пятьдесят лет евангельская церковь в Северной Америке предприняла значительные шаги в движении к восстановлению полного масштаба евангелия. В этом она уходила от той набожности, которая строго ограничивала масштаб взаимодействия христианской общины с миром в самом начале XX столетия, когда доктрины евангельской церкви стали весьма индивидуалистическими, таинственными и двойственными, ограничивающими евангелие до внутренних и личных сторон жизни.

Мотивация этого уменьшения взаимодействия с обществом часто была крайне принципиальной: многие евангельские лидеры стремились избежать того, что случилось во многих либеральных церквях — умаление евангелия до идеи социальной и политической деятельности. Вместо пересмотра социального и политического взаимодействия в свете евангелия, они оставили свое общественное призвание. Представители евангельских церквей закончили тем, что выдвинули

ложное различие между духовными и светскими сферами человеческой жизни. Ограничивая свои заботы тем, что обычно принято считать духовными делами — молитвой, изучением Библии, благовестием, личным спасением, — евангельская церковь почти совершенно оставила призыв распространять господство Христа в общественной жизни. Такое положение вещей напоминает притчу о человеке, который очень боялся упасть с лошади с левой стороны, поэтому слишком низко наклонялся вправо, что все же привело его к падению с лошади.

Евангельская традиция начала XX столетия просто не рассматривала евангелие как преобразующую силу для человеческого общества. Дэвид Бош показывает, что желание удалиться от общественной жизни было для церкви вечным искушением:

По мере усиления нашего беспокойства о растущей секуляризации, мы можем в формировании миссиологии западной культуры легко впасть в сосредоточенность только на «религиозной» стороне (культуры), оставив все остальное светским силам, в особенности потому, что эти силы оказывают сильное давление на церковь, чтобы она ограничила себя влиянием только на душу человека. Но, в конце концов, это соответствует мировоззрению Просвещения: религия — это личное дело, ее утверждения истинны относительно, и им нет места в общественной сфере «фактов». Но само христианское богословие также внесло свой вклад в этот взгляд, так как оно все больше и больше индивидуализировало, обособляло, воцерковляло и приватизировало спасение.³²⁰

Где-то в середине столетия отдельные евангельские христиане стали беспокоиться по поводу этой небиблейской позиции. В 1947 году Карл Генри призвал евангельское (он называл его фундаменталистским) общество серьезно отнестись к своему общественному призванию в свете серьезных мировых проблем.

Тогда как однажды евангелие искупления было посланием, изменяющим мир, теперь оно сокращено до послания противостояния миру... Фундаментализм в противлении социальному евангелию, казалось, также противился христианским социальным императивам... Он не ставит под вопрос несправедливость тоталитаризма, секуляризма современного образования, порока расовой ненависти, широко распространенную

³²⁰ David Bosch, *Believing in the Future: Toward a Missiology of Western Culture* (Valley Forge, PA: Trinity Press International, 1995), 34.

*нечестность в трудовых отношениях между администрацией и профсоюзами и неадекватные основы международных отношений.*³²¹

Однако понадобилось еще несколько десятилетий, прежде чем это начало укореняться. В 1974 году в Лозанне,³²² на самом большом когда-либо происходившем собрании евангельских руководителей, официальный документ конференции (Лозаннское соглашение) подтвердил, что социальное, политическое и экономическое участие действительно важно в призвании церкви. В Лозаннское соглашение был включен особый раздел о христианской общественной ответственности, а также выражено раскаяние за исторически сложившееся пренебрежение церковью социальными обязанностями: «Спасение, о котором мы проповедуем, должно преобразовывать нас (2 Кор. 3, 18) в полноте наших личных и общественных обязанностей. Вера без дел мертва (Иак. 1, 14-26)».³²³ Десятилетие спустя утверждение, сделанное Всемирным евангельским альянсом в Уитоне (1983), вновь подтвердило обязательство евангелистов взаимодействовать со своими культурами: «Зло не только в человеческом сердце, но также и в социальном строе... задача церкви включает как проповедь евангелия, так и его проявление. Поэтому мы должны благовествовать, откликаться на насущные нужды человека и стремиться к социальному преобразованию».³²⁴

Растущее число евангельских христиан сегодня признают, что миссия церкви настолько же широка, как и все человеческое общество, как все, сотворенное Богом. За последние десятилетия социальная, экологическая и политическая деятельность среди таких христиан значительно возросла. Но все же иногда евангельские христиане

³²¹ Carl F. H. Henry, *The Uneasy Conscience of Modern Fundamentalism* (1947; repr., Grand Rapids: Eerdmans, 2003), 30, 33, 42.

³²² «Лозанна» относится к собранию Международного Конгресса всемирной евангелизации, прошедшего в Лозанне (Швейцария) 16-25 июля 1974 года. Присутствовало больше 2700 участников из 150 разных стран. Около половины участников приехали не из западного мира. Лозаннский конгресс — это самое большое собрание, посвященное миссии церкви в современной истории. Собрание выработало документ из пятнадцати статей под названием «Лозаннское соглашение», который «должен был определить необходимость, обязанности и цели распространения евангелия». Этот документ — наиболее влиятельный из когда-либо созданных евангелистами наших дней.

³²³ Лозаннское соглашение «Христианские общественные обязанности», параграф 5.

³²⁴ Уитон, 1983, отчет, параграф 26.

избирательны в вопросах, с которыми они имеют дело, избегая иногда тех сфер жизни, где есть большая нужда в евангельском свидетельстве. Например, вопросы сексуальности, семьи, медицинской этики и личной нравственности сейчас стоят на повестке дня в евангельских церквях (как это и должно быть), но церковь недостаточно требовательна к несправедливости капиталистической экономической системы или к опасности гуманистического государственного образования и гуманитарной науки.³²⁵

Миссиологический ракурс

Христианское общество, живя в пятом действии драмы Писания, должно формироваться его миссией: нести свидетельство жизнью, словом и делом до пришествия царства Божьего. Но мы также принадлежим к культурной общности, которая отождествляет себя с другой историей, — историей, которая во многом несовместима с библейской. Поскольку воплощение нами царства Божьего должно принять форму культуры в наше конкретное время и в определенном месте, мы находим себя на перепутье, где обе истории заявляют о своей истинности и каждая требует посвящения всей нашей жизни. Как мы можем быть верными библейской истории здесь и сейчас?

Ранняя церковь в языческой Римской империи старалась быть верной евангелию. Даже в IV столетии, после обращения Константина верные христиане на Западе находили, что жить подлинно христианской жизнью и нести евангелие своим народам зачастую было сложным выбором. В средние века многие общественные институты были сформированы христианской верой, и монашеские ордена иногда предлагали свои версии христианской жизни во враждебных обществах. Начиная с XV столетия, по мере расширения исследования и колонизации, вновь появились серьезные проблемы взаимодействия с обществом, когда римские католики, а затем протестантские миссионеры пошли в культуры, до сих пор не тронутые евангелием. Таким образом, и наша ситуация во все увеличивающемся антихристианском окружении начала XXI века не уникальна. Тем не менее, вопрос о том, как по-настоящему жить на перепутье двух культур, остается открытым.

³²⁵ См. Brian J. Walsh and J. Richard Middleton, *The Transforming Vision: Shaping a Christian World View* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984), 150–51.

Больше чем полвека назад Ричард Нибур в работе «Христос и общество» предложил полезные категории для решения вопроса об отношении евангелия к обществу.³²⁶ Еще раньше миссиология, особенно в растущем учении контекстуализации, предложила некоторые прекрасные понятия тем, кто верно хочет донести евангелие своему обществу.³²⁷

Лесли Ньюбигин был среди первых, кто применил понимание контекстуализации к западному обществу. Он сорок лет трудился миссионером в Индии, стараясь контекстуализировать евангелие в индусской культуре. Он применил понимание, полученное из опыта, а также из чтения многих книг по контекстуализации, к задаче нести евангелие для влияния на западную культуру. Ньюбигин замечает, что богословские исследования о взаимодействии евангелия и общества, как и исследования Нибура и Тиллиха, не были сделаны с точки зрения людей, которые имели опыт донесения евангелия другой культуре.³²⁸ Контекстуальные исследования, с другой стороны, занимались в основном не западными культурами и, как говорит Ньюбигин: «неоправданно проигнорировали культуру, которая является наиболее распространенной, сильной и убедительной среди всех современных культур... это современная западная культура».³²⁹ Он намеревался показать, как опыт миссионеров в передаче евангелия разным культурам и мнение о процессе контекстуализации могли помочь чутким христианам влиять на свое общество через евангельскую весть. Литературу о контекстуализации мы считаем полезной, и будем использовать ее в поисках правильного подхода к жизни на перепутье.

Некоторые примеры

Божий народ, живя на перепутье, вовлечен в миссионерскую встречу, где сталкиваются две основные и всеобъемлющие истории — библейская

³²⁶ Н. Richard Niebuhr, *Christ and Culture* (New York: Harper, 1951).

³²⁷ Миссиология — это академическая дисциплина по изучению миссии. Хотя сейчас она изменилась, раньше, в основном, изучала миссии, относящиеся к разным культурам.

³²⁸ См. Paul Tillich, *Theology of Culture*, ed. Robert C. Kimball (New York: Oxford University Press, 1964). Мы можем также включить Emil Brunner, *Christianity and Civilisation*, 2 vols. (New York: Scribner, 1948–1949).

³²⁹ Lesslie Newbigin, *Foolishness to the Greeks: The Gospel and Western Culture* (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 2–3.

и культурная.³³⁰ Если мы верим, что евангелие предлагает истинную историю мира и способно соответственно формировать всю нашу жизнь, тогда мы действительно будем вовлечены в историю общества, согласно которой живут те, кто окружает нас. Мы будем жить согласно благой вести царства Христа как надежной альтернативы способу жизни наших современников, приглашая их понять и отвернуться от идолопоклоннических верований западной культурной истории, и жить в мире в свете евангелия. Но прежде, чем мы более глубоко начнем размышлять над динамикой этой миссионерской встречи, давайте рассмотрим некоторые конкретные примеры из жизни христиан, столкнувшихся с трудным выбором на перепутье культуры.

1) Верующая женщина-бизнесмен работает управляющим среднего звена в большой компании. Ей становится понятным, что в ее компании доминирует мотив прибыли: в каждом втором случае чистая прибыль — это все, что имеет значение. Но она понимает: такое стремление к доходу означает поддержку несправедливых экономических структур, что усиливает бедность в развивающихся странах и наносит ущерб природной среде. Как реагировать этой деловой женщине, если она хочет сохранить работу и не закрывать глаза на эту несправедливость?

2) Христианин-аспирант работает над докторской диссертацией в государственном университете. Ему становится понятным, что релятивизм формирует само основание его предмета. Его профессора и другие аспиранты категорически отказываются даже рассматривать возможность того, что существует какое-либо истинное метаповествование, включая библейское. Однако их собственный взгляд на мир — глубоко непримиримый, и они прямо и страстно осуждают то, что они считают грехами гетеросексизма, патриархата, расизма и национализма. Они настоятельно требуют, чтобы все ученые играли по их правилам. Как толковому аспиранту-христианину пробыться в этом академическом мире?

3) Социальный работник, христианка, получает должность в психиатрической больнице. Она узнает, что стратегия больницы была сформирована таким пониманием о человеке, которое категорически отрицает факт его греховности. Все проблемы, согласно этому взгляду,

³³⁰ См. Lesslie Newbigin, *The Other Side of 1984: Questions for the Churches* (Geneva: World Council of Churches, 1983), 31, 47, 54; idem, "Can the West Be Converted?" *Princeton Seminary Bulletin* 6, no. 1 (1985): 25, 36; idem, *Foolishness to the Greeks*, 1.

можно объяснить окружением человека; никто и никогда не должен отвечать за какую-либо часть своего затруднительного положения. Но этот социальный работник, христианка, уверена, что подход медицинского общества лишает человеческого достоинства тех, кому он служит и, фактически, стоит на пути решения их проблем. Она считает, что подход, который серьезно относится к человечеству как сотворенному по образу Божьему и все же грешному, был бы намного продуктивнее. Однако все ее профессиональное общество отвергает такой подход. Как она может работать в таком окружении конфликтующих взглядов?

4) Учительница-христианка занимает должность преподавателя истории в местной государственной начальной школе. Ей ясно дают понять, что ей ни под каким видом не позволено примешивать свою веру в работу, она должна учить истории точно так, как написано в учебнике. Но этот учебник, как вскоре она обнаружила, рассказывает историю, не согласующуюся с той, которая была рассказана на основе евангелия. Официальная история, которая должна преподаваться в ее школе, принимает прогресс и эволюцию человечества, особенно через науку и технологию. Что делать учительнице?

5) Спортсмен-христианин, наконец, осуществил свою мечту и достиг профессионального уровня в бейсболе. Он любит соревнование и считает его даром от Бога, но ему все больше и больше не нравится финансовая политика в спорте. Стоит ли кто-нибудь тех десятков миллионов долларов, которые ему платят? Могут ли быть оправданы такие невероятные зарплаты в мире, где так много людей борется за выживание? Он начинает понимать, что зарплаты назначаются не из расчета настоящей потребности спортсмена (или осознания, насколько короткой может быть их карьера), напротив, запросы на зарплату подталкиваются эгоизмом и явной жадностью. Что в такой ситуации, размышляет он, может означать «играть в бейсбол во славу Божью»?

6) Христианка занимается политикой, и ее избрали на государственную должность. Она хочет внедрять законы, которые действительно будут способствовать установлению правосудия. Но, по мере вовлечения в политический процесс, она понимает, что распространяющаяся либеральная идеология, которая защищает свободу человека любой ценой, фактически способствует несправедливости. Она также видит, что политика творится скорее под влиянием денег и политического прессинга, чем с целью заботы о справедливости. Никого из ее окруже-

ния, кажется, не волнуют эти факты, для них это только лишь издержки политической жизни. Может ли эта женщина не поддаться давлению и приспособиться, все же оставаясь эффективным политиком?

Эти шесть примеров взяты из реальных жизненных историй христиан, желающих честно работать и делать правильный выбор на перепутье культуры. Это реальные люди, которых мы знаем лично. Это реальная борьба христиан, живущих сейчас в западной культуре и старающихся понять, как оставаться верным евангелию на перепутье. Они поднимают вопрос, который мы хотим обсудить в этой главе: как христианин может остаться верным библейской истории, живя в обществе, которое в значительной степени было сформировано совершенно другой историей?

«В мире, но не от мира». Активное участие

Если мы призваны честно жить в библейской истории, то должны стать активными участниками в жизни общества, окружающего нас. Как у участников, наше отношение к культуре — позитивное, мы являемся ее частью и отождествляемся с ней, желая (как члены, сограждане, участники) «любить и лелеять все сотворенное ею благо».³³¹ Но как активные члены общества, мы часто будем находиться в оппозиции к нему, отвергая и бросая вызов идолопоклонству, которое искажает и извращает его развитие. Таким образом, есть две стороны честного взаимодействия: одобрение и отвержение, участие и оппозиция, солидарность и разделение. Об этом часто говорят, как о пребывании «в мире», но «не от мира» (Ин. 17, 13-18).

Две нити библейской истории требуют нашего участия и солидарности. Бог сотворил людей для жизни в социальном и общественном единстве (Быт. 1, 26-28), и поэтому, как общественное создание, народ Божий должен радостно и охотно выполнять свою роль в обществе, внося вклад в развитие культуры. Более того, поскольку Иисус — Господь, мы призваны в служении ему бороться за все, что он провозглашает своим. Абрахам Кайпер убедительно заявляет: «Нет ни единого квадратного дюйма в любой сфере человеческой жизни, о которой Христос Владыка не скажет: “Это мое!”».³³² Если Христос воистину

³³¹ Lesslie Newbigin, “What Is a ‘Local Church Truly United?’” *Ecumenical Review* 29 (1977): 119.

³³² Abraham Kuiper, *Souvereiniteit in eigen kring: Rede ter inwijding van de Vrije Universiteit den 20sten October 1980 gehouden in het Koor der Nieuwe Kerk te Amsterdam* (Amsterdam: Kruyt, 1880), 32.

Господь каждого человеческого общества, тогда его последователи не должны просто отступать, напротив, они должны поддерживать его законные требования. Но все же библейская история имеет также и обратную сторону. Апостол Павел повелевает нам: «Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим. 12, 2). Для Павла «мир» — это общество, обезображенное идолопоклонством. Таким образом, одобрение культуры должно сопровождаться отвержением.

Крест удивительным образом иллюстрирует двустороннюю обязанность христианского участия в обществе. С одной стороны, крест был наибольшим выражением Божьей любви к миру, актом солидарности с испорченным и страдающим человечеством, которое он возлюбил и пришел спасти. Но крест был также высшим выражением Божьего суда над грехом и идолопоклонством мира, а также абсолютного отвержения всего, что ищет разрушения *шалом* его творения.³³³ Верующие, услышавшие призыв взять крест и следовать за Иисусом, должны принять такое же отношение к миру, которое показано посредством креста. «Мне кажется, мы должны всегда, в каждой ситуации бороться с обеими сторонами этой реальности — за мир против мира. Церковь против мира и за мир. Церковь — за человеческое общество в том месте, в той деревне, в том городе, в том народе, потому что Христос — за мир. И это должно быть определяющим критерием в каждом случае».³³⁴ Как деловой женщине-христианке противостать стремлению к наживе и все же заботиться о развитии здорового бизнеса? Как студенту университета, христианину, сопротивляться идолу релятивизма и все же принимать многие утверждения о мире, предложенные светскими знаниями?

«Невыносимое напряжение»

Отправной точкой отношения церкви к культуре является одобрение, так как мы живем рядом со своими современниками. Поскольку Бог возлюбил мир, мы также должны это делать. Такое позитивное отношение, однако, не приуменьшает глубокий смысл того, что Ньюбигин называет «невыносимым напряжением», которое возникает оттого, что ты являешься частью двух обществ, закрепившихся в «двух

³³³ См. Lesslie Newbigin, *The Good Shepherd: Meditations on Christian Ministry in Today's World* (Grand Rapids: Eerdmans, 1977), 98

³³⁴ Lesslie Newbigin, *A Word in Season: Perspectives on Christian World Missions* (Grand Rapids: Eerdmans, 1994), 54.

разных и несовместимых историях».³³⁵ Такое невыносимое напряжение существует между евангелием и историей культуры. Хендрик Крамер считает, что если церковь сохраняет верность, она должна способствовать осознанию этого напряжения и полностью принять его. «Чем глубже чувствуется осознание напряжения и побуждение взять это иго на себя, тем здоровее церковь. Чем больше церковь пренебрегает этим напряжением, тем удобнее и комфортнее она чувствует себя в этом мире, и тем самым рискует утратить свою соленость».³³⁶ Однако многие христиане в западном обществе потеряли осознание чувства напряжения между евангелием и историей своей культуры.³³⁷ Это может произойти, когда мы начинаем принимать, сознательно или незнательно, тот миф, что современная западная культура действительно христианская, и поэтому не представляет никакой угрозы христианской вере. Но это, в действительности, — миф, так как никакая культура не является (и никогда не была) истинно христианской. Мы можем также утратить здоровое ощущение напряжения между евангелием и культурой, принимая другой господствующий миф нашего времени: что современная культура религиозно нейтральна, потому что она либо светская, либо плюралистичная.³³⁸ Но это также миф, потому что западная культура (как и все культуры человечества) сформирована основными убеждениями. Как говорит Ньюбигин: «Никакое государство не может быть полностью светским в том смысле, что власть имущие не имеют убеждений в истинности чего-либо, и у них нет обязательств по отношению к тому, что они считают правильным. Долг церкви спросить, какие у них убеждения и обязательства, и рассмотреть их в свете евангелия».³³⁹ Конечно, фундаментальные верования гуманизма скрываются именно за этим призывом к религиозному нейтралитету. Много лет тому назад Т. С. Элиот предупредил, что большинство

³³⁵ Lesslie Newbigin, "Unfaith and Other Faiths" (неопубликованная лекция, прочитанная для отдела международных миссий национального Совета церкви Христа в США, 1962); idem, *The Gospel in a Pluralist Society* (Grand Rapids: Eerdmans, 1989), 15–16.

³³⁶ Hendrik Kraemer, *The Communication of the Christian Faith* (Philadelphia: Westminster, 1956), 36.

³³⁷ См. Michael Goheen, "The Surrender and Recovery of the Unbearable Tension," *Journal of Education and Christian Belief* 11, no. 1 (Spring 2007): 7–21.

³³⁸ См. Denys Munby, *The Idea of a Secular Society, and Its Significance for Christians* (Oxford: Oxford University Press, 1963).

³³⁹ Newbigin, *Foolishness to the Greeks*, 132.

христиан его времени не осознавали того факта, что они живут в обществе, опасном для христианства.

Проблема, как жить христианской жизнью в нехристианском обществе, сейчас очень насущна для нас. Это не просто проблема иноверного меньшинства в нашем обществе. Это проблема, созданная нашим вовлечением в сеть институтов, от которых мы не можем себя отделить; институтов, чья деятельность больше не является нейтральной, а скорее нехристианской, и христианин, который не осознает этой дилеммы, примыкает к большинству, и все больше и больше отходит от христианства из-за разных неосознанных воздействий; язычество сейчас удерживает все самые ценные рекламные места.³⁴⁰

Неправильные способы разрешения напряжения

Христиане, конечно, могут избежать напряжения, живя в двух культурах, применив стратегию ухода, приспособления или дуализма. Мы можем попытаться уйти от светской культуры в христианское гетто, оставив Запад их идолам. Но поскольку Бог сотворил нас общественными созданиями и повелел своему народу быть солью и светом в нынешнем мире, то уход — неправильное решение. Мы могли бы приспособиться к современной культуре, напоминая себе, что Бог любит свой мир, но крепко закрыв глаза на равно противоположную истину, что Бог не любит греха, который исказил и перевернул человеческую культуру вверх дном. Ни один христианин не может приспособиться так, чтобы это было правильным.

Третий подход — принять некую двойственность — угрожающе привлекателен и довольно широко распространен. Дуализм, о котором мы здесь говорим, делает строгое разграничение между спорным основанием и нейтральной территорией в конфликте конкурирующих мировоззрений. Таким образом, несмотря на то, что мы признаем наличие определенного мнения христианства о, например, медицинской этике, о современной экономической деятельности капитализма мы ничего не говорим, считая ее нейтральной. Хотя мы против абортов, государственное образование считается нейтральной сферой. В некоторых областях мы взаимодействуем с культурой, но в других областях мы просто приспосабливаемся к ней. Такой вид дуализма отказывается

³⁴⁰ T. S. Eliot, *The Idea of a Christian Society* (New York: Harcourt, Brace & World, 1940).

принять тот факт, что религиозные убеждения, на которых основаны культуры, являются всеохватывающими. Бунт человека против Божьих целей для творения сформировал экономику, политику и образование, и это также верно, как и то, что он сформировал современные этические стандарты. Если мы хотим воплощать библейское мировоззрение, мы уже не можем, приняв двоедушие дуализма, отказаться от участия в сферах жизни, на которые заявляет свои права наш Царь.

Правильный подход

Если мы отвергнем все эти три подхода, как мы сможем честно жить в этом невыносимом противостоянии историй, принимая участие в угодном Богу развитии культуры и, в то же время, оставаясь в стороне от искажающего это развитие идолопоклонства?

Полезно вспомнить важные различия, упомянутые в третьей главе, между структурой и направлением или творческим замыслом и духовной силой. Все продукты культуры, институты, отношения и модели доказывают какой-либо аспект Божьего первоначального замысла творения или структуры. Грех никогда не искажает и не разрушает никакой продукт культуры или общественное установление настолько, что в нем ничего не остается от благодати, полученной при творении; Бог своим словом сохраняет свое творение. В то же время духовная сила, находящаяся в противостоянии Христу, затронула и повлияла на каждое из этих проявлений культуры, установлений, отношений и моделей. Так, например, мы признаем, что на политической арене Божий замысел творения для правительства заключается в свершении правосудия, однако мы видим, как духовная сила либеральной идеологии может исказить этот замысел и привести к несправедливости. В экономической сфере, в бизнесе, мы можем признать некий Божий замысел для хозяйственного и рационального использования мировых ресурсов, но в то же время мы понимаем, как духовные силы экономического идолопоклонства и наживы исказили экономическую жизнь, так что природные ресурсы расточались и бедность усиливалась. В академической жизни мы признаем наличие истины и проницательности в познании тех, чья работа не базируется на евангелии, но можем увидеть также, как духовные силы рационализма, натурализма и релятивизма исказили мировосприятие многих ученых. Что бы мы критически не изучали, мы обнаружим нечто от Божьей благой структуры творения, а также

признаки того, как оно было обезображено грехом. Верное воплощение евангелия в нашем собственном культурном окружении требует, чтобы мы делали различие между структурой творения и замыслом и неверным религиозным курсом и бунтом, исказившем Божий благой мир.

Здесь многое можно узнать из опыта работы миссионеров в разных культурах за прошедшие двести лет. Когда миссионер отправляется в культуру, где господствующие верования коренятся в религии, явно враждебной христианской вере, он должен тщательно проанализировать эту культуру с целью понять ее господствующие положения и основные религиозные убеждения. И он будет знать, что, например, в индусской или мусульманской культуре основные убеждения несовместимы с евангелием; антитезис будет очевиден. Но в то же время он пожелает реализовать евангелие в поисках пути, где господствующие культурные структуры подтверждают творение. Зная, что его задача — свидетельствовать о евангелии в культуре, ему чуждой, он будет внимателен, чтобы не впитать господствующие принципы этой культуры, но так как миссионер хочет донести Благоую весть этому народу в его культуре, он захочет, чтобы евангелие там было принято. Таким образом, он будет жить в конфликте, будучи одновременно и своим, и чужим для истории культуры. Такое постоянное осознание вызовет в нем внутренний диалог между историей Писания и историей культуры, диалог, который поможет предохранить от двойной опасности — ухода и приспособления. Он научится жить в согласии с обеими традициями и обществами настолько, что спор между ними станет умозрительным. Как христианин, он будет желать полностью жить по библейской истории, делая эту историю своей, чтобы видеть культуру, в которой он сейчас живет, в свете Библии. Такой внутренний диалог станет для него образом жизни, состоянием разума, постоянным в его взаимосвязи с культурой. Таким образом, длительное напряжение может стать символом верности.

Для миссионера такое напряжение необходимо. Компромисс и приспособление не оставят ему возможности нести евангелие и сделают его миссионерское служение бессмысленным. Однако если ознакомление с евангелием окажется полностью чуждым для людей той культуры, оно будет отвергнуто. Евангелие должно сиять через жизнь и слова самого миссионера в образе, знакомом для тех, чьи жизни он хочет осветить. Итак, быть миссионером — значит быть внимательным к благому замыслу творения, с одной стороны, и к идолопоклонству, с другой.

Новозаветные примеры контекстуализации

Апостол Павел был миссионером в разных культурах. Он подошел к идолопоклоннической римской культуре своего времени, понимая различие между замыслом творения и идолопоклонством в культуре.³⁴¹ Первичным социальным институтом Римской империи был *oikos* — слово, обычно переводимое как «домочадцы», но со значением экономических отношений и политической власти в расширенной семейной структуре. Отец (*paterfamilias*) имел абсолютную власть — он был *kyrios* или господином семьи. Весь *oikos* был построен в соответствии с жестким и иерархическим пониманием власти Римской империи.

Вместо простого отвержения или одобрения культурного уклада римской семьи, Павел рассматривает взаимоотношения внутри нее — мужа и жены, родителей и детей. Затем он работает над тем, чтобы изменить эти взаимоотношения, придать им иную форму силою евангелия. В этом свете мы можем прочесть Послание к Ефесянам, пятую главу. Увещевание Павла к мужьям — жертвенно любить своих жен, учить своих детей с любовью и обращаться с рабами уважительно — было абсолютно радикально для того времени, места и людей. Павел убеждает *paterfamilias* использовать свою власть с любовью и жертвенностью. Павел, обращаясь к женщинам и рабам, восстанавливает их достоинство, убеждая их подчиняться по собственной воле. Мотивация всех членов *oikos* — стать новыми ради Господа. *Oikos* «не должны больше быть патриархальным обществом, но... должны быть преобразованы Христовой жертвенной любовью в церковь... видимую альтернативу господствующей культурной модели».³⁴² Таким образом, миссионерская стратегия Павла состояла в призыве к церкви жить в существующих пределах установлений культуры, но в то же время оценивать их критически и преобразовать.

То, к чему призывает Павел в рамках общественных учреждений Римской империи, Иоанн делает с помощью языка, слов и образов эллинистической культуры. Он начинает с провозглашения: «В начале было *logos*» (Ин. 1, 1). Для греческого читателя этот *logos* относился бы к воображаемой, невидимой рациональности, которая проникла

³⁴¹ См. Dean Flemming, *Contextualization in the New Testament: Patterns for Theology and Mission* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2005), 146–49, 228–29.

³⁴² Flemming, *Contextualization in the New Testament*, 148, 228.

в мир, придав ему порядок. Иоанн начинает с утверждения, что *logos* действительно ответственен за творение и поддержание порядка в мире. Но затем он низвергает идолопоклонническое понятие греков, заявляя, что этот *logos* — не идол греков, а Человек Иисус Христос. *Logos стал плотью (sarx)*, говорит Иоанн (Ин. 1, 14). Итак, Иоанн подтверждает реальность порядка при творении, выраженную термином *logos*, но продолжает призывать и опровергать ошибочные религиозные понимания этой идеи, которая распространилась в классическом мире. В этом Иоанн и актуален, и верен. Актуален — потому что он использует знакомые категории для выражения экзистенциальной борьбы, верен — потому что бросает вызов идолопоклонническому мировоззрению, сформировавшему эти категории.

Каждой культурной форме евангелие говорит и да, и нет: да — замыслу или структуре творения, нет — идолопоклоннической религиозной силе, исказившей этот замысел.

Распознавание схемы «творение, грех и исцеление»

Итак, честная контекстуализация требует распознавания в трех измерениях: 1) замысел при творении; 2) общественное идолопоклонство; 3) исцеляющий потенциал. Вспомните примеры, данные в начале этой главы. Для деловой женщины, переживающей о мотивах прибыли, стимулирующих ее компанию, первый вопрос звучит так: «Каков первоначальный замысел или главная обязанность любого бизнеса?» Она может сделать приблизительно такой вывод: бизнес — это любить своего ближнего, честно и разумно обеспечивая его товарами и услугами. У студента-аспиранта, борющегося с гуманистической наукой, может быть такой вопрос: «Какова цель и призвание науки?» Он может сделать вывод, что призвание заключается в приобретении систематического и исторического понимания сути Божьего мира. Для политика-христианки вопрос звучит так: «Какие конкретные обязанности имеет правительство?» Политик может ответить, что обязанность правительства заключается в управлении государственными делами на определенной территории соответственно справедливым законам.

Конечно, это всего лишь краткое описание, которое нужно разработать более детально. Все же, явно или неявно, нашей отправной точкой для верного христианского взаимодействия с культурой должно быть достижение понимания цели существования определенного

культурного установления и картины, как должны выглядеть здоровое искусство, спорт, международные отношения, труд, брак или семья, если они будут ориентированы на эту цель.

Во-вторых, верность на перепутье включает в себя понимание идолопоклонства общества и то, как оно искажает Божье творение. Все профессии, места учебы и правительство олицетворяют то, как человек отреагировал на предназначенные Богом цели для него, и в этой реакции повинование будет переплетаться с неповиновением. Каждый бизнес будет производить товары и услуги с какой-то долей контроля и справедливости, но каждый бизнес также будет передавать систему, сформированную идолами, лежащими в основе их культуры. Прибыль — это одна из законных сторон делового предприятия, если она правильно подчинена другим мотивам, но если прибыль становится единственным мотивом бизнеса, его идолом, тогда он будет искажен своим собственным идолопоклонством. Всякая наука вносит некое понимание в Божий мир, но когда иллюзия научной объективности и нейтралитета или постмодернистского идола релятивизма обеспечивают науку системой взглядов, тогда ее понимание будет искажено. Каждое правительство, в большей или меньшей степени, хочет вводить справедливые законы, но понимание справедливости в каждом человеческом государстве будет до некоторой степени испорчено лежащим в его основе идолопоклонством. Когда свобода личности, без соображений о которой не обойдется ни один вопрос о правосудии, ставится во главу угла (как это делается в либерализме), нарушается справедливость касательно других прав: прав общества, прав бедных, прав животных и др. В каждом случае следует распознавать не только сотворенный порядок рассматриваемого социального института, но также и то, как эта культурная структура была искажена идолопоклонством.

И, наконец, верное свидетельство отличит, какое исцеляющее действие может подойти в каждой конкретной ситуации. Деловая женщина обратит внимание на проблески справедливости, проявляющиеся в той области, которую ее бизнес обеспечивает товарами и услугами, и будет стремиться укреплять и развивать его. Студент-аспирант стратегически уловит истинное понимание того, чему учит его дисциплина, в то же время отвергая ложные предпосылки, на которых основываются некоторые теории. Политик будет стараться различить, где юридически реализовать правосудие. Задача будет заключаться в продвижении по направлению к большему порядку, пониманию и правосудию.

Эта задача будет высоко контекстуальная. Что именно нужно сделать, будет зависеть от того, какой пост занимает христианин, от степени искажения, очевидного на его поприще, и от возможностей, которые он будет находить для верного свидетельства альтернативному мировоззрению. Но христианин, который работает в зарубежной культуре, должен мужаться, зная, что Бог держит свое творение в гармонии, и что радость и *шалом* в человеческой жизни зависят от подчинения его мудрости.

Возможные искажения и ответы на них

Представление о взаимодействии с обществом, которое мы до сих пор раскрывали, может быть подвержено, как минимум, четырем возможным критическим замечаниям. Во-первых, этот взгляд индивидуалистический, подчеркивающий призыв отдельных верующих в обществе и пренебрегающий общим свидетельством церкви. Во-вторых, в попытке привести в большее соответствие с Божиим замыслом разные социальные и культурные установления существует опасность, что люди, обособленные такими установлениями, могут быть забыты. В-третьих, такой подход может сделать христиан более уязвимыми к искушениям триумфализма и принуждения: есть искушение попытаться построить царство здесь и сейчас, используя разные силовые методы для создания христианского общества. И, наконец, существует повсеместная опасность компромисса: когда верующий старается установить контакт с обществом изнутри, существует опасность, что он сам будет изменен сильными, действующими там идолами, вместо того чтобы нести преобразующую силу евангелия для влияния на это общество. Эти вопросы вполне обоснованно были подняты анабаптистами и либерационистами, и ответ на эти вопросы поможет нам понять, что означает жизнь на перепутье.

Общинное свидетельство

Два ведущих миссиолога нашего времени решительно подтверждали важность призвания отдельных верующих в обществе. «Миссионерская встреча с Западом должна быть, прежде всего, мирянским служением», — говорит Дэвид Бош,³⁴³ и Лесли Ньюбигин вторит ему:

³⁴³ Bosch, *Believing in the Future*, 59.

«Основное свидетельство всевластия Христа должно быть дано — и может быть дано — только в обычной мирской работе обычных прихожан, мужчин и женщин, в бизнесе, в политике, в профессиональной работе фермеров, рабочих заводов и т. д.».³⁴⁴ Хотя мы полностью согласны с Ньюбигином и Бошем в важности того, что христиане должны лично нести евангелие туда, где они соприкасаются с окружающим обществом, мы также хотим серьезно отнестись к предупреждениям, высказанным другими христианскими мыслителями.

Даррелл Гудер и его соавторы обеспокоены тем, что существует опасность сокращения общественной миссии церкви до свидетельства отдельных лиц, принадлежащих к ней. Они ссылаются на труд Нибура «Христос и общество» как на основной пример: «В исследовании Нибура нет реального места для церкви. Его основной герой — отдельный христианин, которому нужно делать выбор между Христом и обществом. Выходит, что церковь — это просто собрание отдельных христиан».³⁴⁵ Гудер и его товарищи правильно указывают на то, что свидетельство церкви должно быть как совместным, так и индивидуальным делом. Ведь церковь, в конце концов, призвана быть свидетелем жизни царства Божьего, как признает сам Ньюбигин: «Самый большой вклад, который церковь может внести в общественный строй — это самой быть новым общественным строем».³⁴⁶ Противясь идолопоклонству нашего общества, церковь призвана олицетворять иную форму жизни, быть альтернативным обществом, контркультурным сообществом, «видимым, манящим, дающим надежду знамением шалом царства».³⁴⁷

Такое альтернативное общество испытает Божье присутствие в светском мире, оно будет искать справедливости в мире экономической и экологической несправедливости, оно будет отражать великодушие и простоту в мире потребления, оно самоотверженно будет отдавать себя в мире, где преобладает эгоизм, оно будет свидетельством правды (с дерзновением и смирением) в мире релятивизма, оно предложит

³⁴⁴ Lesslie Newbigin, "The Work of the Holy Spirit in the Life of the Asian Churches," in *A Decisive Hour for the Christian Mission: The East Asia Christian Conference 1959, and the John R. Mott Memorial Lectures*, by Norman Goodall et al. (London: SCM, 1960), 28.

³⁴⁵ Darrell Guder, ed., *Missional Church: A Vision for the Sending of the Church in North America, The Gospel and Our Culture* (Grand Rapids: Eerdmans, 1998), 115.

³⁴⁶ Lesslie Newbigin, *Truth to Tell: The Gospel as Public Truth* (London: SPCK; Grand Rapids: Eerdmans, 1991), 81.

³⁴⁷ Реформатский всемирный синод, *The Church and Its Social Calling* (Grand Rapids: Reformed Ecumenical Synod, 1980), 36.

надежду миру, утратившему веру в будущее, оно будет выражать хвалу, радость и благодарность в мире, убежденном в своей собственной значимости.

Культурное свидетельство церкви может быть общинным и по-другому, через создание отдельных организаций верующих, чтобы нести верное свидетельство, например, в политике, профсоюзах, СМИ и образовании. Такая традиция намного больше видна в материковой Европе, чем в Соединенном Королевстве или Северной Америке. Герман Риддербос прав, когда говорит, что миссия церкви «носит в основном общинный характер». И дальше замечает, что «без должного организационного объединения мы не можем выполнить во всех отношениях свои общие обязанности». Будет тяжело выполнить свои христианские обязанности, особенно в науке и политике, «без организационной связи друг с другом».³⁴⁸ Сложность и масштабность задачи требует, чтобы мы вносили свежие инициативы и творческие подходы в совместное свидетельство в общественной жизни.

И последнее, есть и третья сторона культурного свидетельства церкви, так как в поклонении и воспитании община желает «так оснастить своих членов для активного и обоснованного участия в общественной жизни общества, чтобы христианская вера формировала это участие».³⁴⁹

Милосердное свидетельство

В своем рвении совершить богоугодные изменения в социальных структурах окружающих народов мы должны быть осторожными, чтобы не забыть самих людей, обособленных и погрязших этим структурами:

*Если мы позволим убедить себя в том, что «работа скорой помощи» — это нечто презренное, то сдадим основную христианскую позицию и оставим поле тем, кто разрушает человеческую личность во имя социального планирования. Мы должны делать и то, и другое: заботиться о жертвах трагедий или несправедливости и предпринимать те меры социальной инженерии или революции, которые необходимы для предотвращения несчастья и несправедливости».*³⁵⁰

³⁴⁸ Herman Ridderbos, "The Kingdom of God and Our Life in the World," *International Reformed Bulletin* 28 (January 1967): 11–12.

³⁴⁹ Newbigin, *Truth to Tell*, 85.

³⁵⁰ Lesslie Newbigin, "The Church and the CASA [Christian Agency for Social Action]," *National Christian Council Review* 93 (1973): 546.

Нет сомнения в том, что Иисус в Своем служении уделял больше внимания бедным и отверженным, обращаясь с ними милосердно.³⁵¹ Поэтому для тех, кто следует за Иисусом в его служении, забота о бедных и угнетенных будет важной частью в их собственном служении.³⁵² Милосердие будет идти рука об руку со справедливостью, и стремление к структурному преобразованию будет идти рядом с состраданием к отвергнутым.

Сострадающее свидетельство

В своей притче Иисус опроверг несколько неверных представлений о царстве Божьем. В притче о сеятеле (Мф. 13, 1-9) Иисус указывает, что царство приходит не посредством силы и принуждения, а посредством кротости. Мессия похож не на высокомерного воина, а на кроткого сеятеля. Царство приходит Словом Божиим: воплощенным в жизнь, проявленным в деле и объявленным в слове. И в следующей притче (Мф. 13, 24-30) Иисус говорит о враге, который сеет сорняки там, где сеятель посеял хорошую пшеницу. Нужно ли эти сорняки выкорчевать? Иисус отвечает: «нет», эти сорняки нужно оставить до кончины века. Здесь Иисус исправляет общее неверное понимание, которое заключается в том, что царство Божье придет полностью и сразу, разрушая противостояние единым решающим ударом. Но это не такое царство, о котором возвещал Иисус; его миссия, как и наша, состояла в толерантности, которая не навязывает царство каким-либо другим образом, кроме как притягательно воплощать и передавать Слово Божье. Как говорится в гимне «Веди, о вечный Царь»: «Ни громким лязганьем мечей, ни грохотом барабанов, а делами любви и милосердия приходит небесное царство».

Это не толерантность агностиков, рекламируемая в культурной истории Запада как великая добродетель плюралистического общества, — она относит все утверждения истины (кроме своих) к частной сфере; но эта толерантность признает, что люди действительно имеют разную веру, и им должно быть разрешено жить по вере. В свете

³⁵¹ См. Craig G. Bartholomew and Michael W. Goheen, *The Drama of Scripture: Finding Our Place in the Biblical Story* (Grand Rapids: Baker Academic, 2004), 143–45. Бартоломью Крейг, Гохин Майкл. Драма Писания. Черкассы: Коллоквиум, 2009.

³⁵² Здесь говорится о служении таких людей, как мать Тереза, Генри Ноуэн и Джин Ваниер.

того, что названо «принципиальным плюрализмом»³⁵³ или «верным плюрализмом»³⁵⁴, мы можем подтвердить: каждое общество в культуре имеет право заявлять о своем понимании, своей вере, и это право должны иметь все. Путь вперед, к истине, должен проходить через вежливый диалог и борьбу между разными точками зрения и конкурирующими утверждениями истины.

Верующие также не должны употреблять силу, принудительно пытаясь возвестить или построить царство Божье. Царство Божье придет в полноте только тогда, когда вернется Христос, а пока христианская общественная деятельность заключается, в основном, в возвещении того, что будет. Наше свидетельство в народе остается, в лучшем случае, предварительным, предписанной молитвой о том, что придет царство Божье.

Выполнение нашей миссии на перекрестке веков также подразумевает, что могут быть и страдания. История этого переходного периода не будет сплошным ровным продвижением к грядущему царству. Наша миссия также не будет похожа на постоянный победный марш продвижения к концу, когда культура будет постепенно изменена. Скорее, спасительная эра — это ожесточенный конфликт со многими катастрофами. Наша миссия будет дорогой и может принести страдания. Павел говорит: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12; ср. Деян. 14, 22). Насколько близко наше понимание миссии к новозаветному пониманию, можно отчасти оценить местом, которое мы предоставляем страданиям в нашем понимании призвания церкви.

Страдания — это результат встречи миссионера с силами идолопоклонства нашей культуры. Каждая культурная история желает стать не просто главной историей, но и эксклюзивной. Если мы, как церковь, хотим быть верными своей всеобъемлющей истории, мы окажемся перед выбором: либо признать себя меньшинством и подкорректировать полные утверждения евангелия, либо остаться верными и переживать конфликты и страдания.³⁵⁵

³⁵³ См. Gary Scott Smith, ed., *God and Politics: Four Views on the Reformation of Civil Government* (Phillipsburg, NJ: Presbyterian & Reformed, 1989), 75–99

³⁵⁴ Lesslie Newbigin, *Truth to Tell*, 56–60.

³⁵⁵ См. Lesslie Newbigin, *Trinitarian Faith and Today's Mission*, World Council of Churches Commission on World Mission and Evangelism Study Pamphlets 2 (Richmond: John Knox, 1964), 42.

Наша миссия — у креста. Благая весть может вызвать неприятие, конфликт и отвержение. Мы объявляем и воплощаем победу, скрытую до последнего дня. И эта победа часто проявляется в том, что кажется миру слабостью и даже глупостью. Однако победа креста обеспечена воскресением. Пока придет жизнь воскресения, миссия церкви остается миссией конфликта и страданий. Ньюбигин отмечает: «Если мы, как слуги Божьи, серьезно воспринимаем свой долг по отношению к человеческому обществу, мы найдем множество возможностей научиться тому, что значит страдать ради праведности, и мы узнаем, что страдать ради праведности — настоящее благословение».³⁵⁶

Верное свидетельство

Во взаимодействии со структурами общества христианин встретится с давлением играть по правилам этой культуры — приспособливаться и идти на компромисс с ее идолопоклонством. Например, деловая женщина будет находиться под постоянным давлением приспособиться к мотиву наживы, а ценой сохранения ее честности может оказаться потеря работы, или, как минимум, ее продвижение по службе. Было бы легче сослаться на те библейские истины, которые мы подчеркивали: наслаждение благостью творения, важность поручения при творении, господство Христа над всей культурной жизнью, обязательство по отношению ко всей культуре — и обратить их для эгоистичных целей. Тогда мы сказали бы: «Христос — Господь бизнеса», чтобы войти в сферу бизнеса, но не для того чтобы затронуть сильные культы, формирующие его, а с целью скорее заработать как можно больше денег для наслаждения комфортной жизнью, которую он может предложить.

Встреча с суровостью миссионерской встречи (особенно если присутствует неприятие и страдание) и различие замысла творения от ложного направления идолопоклонства — сложное призвание. Верный ответ большей частью будет зависеть от поддержки, которую мы получаем от церковной общины верующих-единомышленников и от здоровой духовности.

---

³⁵⁶ Leslie Newbigin, "Bible Studies: Four Talks on 1 Peter," in *We Were Brought Together: Report of the National Conference of Australian Churches Held at Melbourne University, February 2–11, 1960*, ed. David M. Taylor (Sydney: Australian Council for the World Council of Churches, 1960), 112.

Слишком часто западные христиане бездумно занимаются социальной, политической и экономической деятельностью от имени царства, не подкрепляя свою работу молитвой. Райт комментирует:

Если церковь в самом деле хочет быть представителем Иисуса в несении его полной программы в мир, для этого нужен его Дух. Действительно, если церковь пытается делать то, что должно быть сделано, без постоянного наполнения и освящения Духом Иисуса – она будет совершать богохульство каждый раз, когда пытается что-то сказать. Это не тот призыв, который должен всех христиан привлечь в харизматическое движение. Скорее, это призыв, чтобы все христиане, особенно те, кто находится на передовой линии церковной задачи – приносить исцеление и обновление миру, стали молитвенниками, умоляли Дух Иисуса ежедневно и ежечасно, чтобы, выполняя свои задачи, не впасть в высокомерие своих планов или в малодушие релятивизма.³⁵⁷

Миссия церкви не заключается прежде всего в организации, стратегии, общинной силе или анализе мировоззрений, как бы хорошо это ни звучало. Напротив, она заключается в здоровой жизни молитвы и размышления, погружения в Писание как истинную историю мира и искреннее участие в жизни общины; именно здесь познается, испытывается и разделяется жизнь царства. Ньюбигин хорошо об этом говорит: «Только тогда та или иная община может служить знаком, проводником и выражением (пусть даже неполным) Божьей воли, когда жизнь этой общины непрестанно обновляется общением с самим Богом».³⁵⁸ Церковь, которая хочет быть верной в своей миссионерской деятельности, должна развивать и питать жизненно важную духовность.

Если церковь хочет быть верной евангелию, ей нужно быть поддержкой для людей. Настойчиво призывая своих сопасторов, Лесли Ньюбигин однажды спросил:

Относимся ли мы серьезно к своему долгу поддерживать (своих прихожан) в их духовной борьбе? Серьезно ли мы считаем их войсками на линии фронта?.. Какое количество христиан работает в офисах и магазинах в этой части города? Мы когда-нибудь делали что-то серьезное для того, чтобы укрепить их христианское свидетельство, помочь им справиться с духовными проблемами, с которыми они сталкиваются каждый день,

³⁵⁷ N. T. Wright, *New Tasks for a Renewed Church* (London: Hodder & Stoughton, 1992), 86.

³⁵⁸ Leslie Newbigin, *Journey into Joy* (Grand Rapids: Eerdmans, 1972), 112–13.

*дать им уверенность в том, что вся община стоит за ними в их ежедневной духовной борьбе?*³⁵⁹

Народ Божий нужно питать жизнью Христа с помощью разных средств, которые дает Бог: Слово, Вечеря Господня, молитва, поклонение и общение. Народ Божий необходимо поддерживать в их призвании активным ободрением, ходатайственной молитвой, душепопечительством и, возможно, даже финансово, когда приходят трудности в результате верности христианам. И Божий народ необходимо оснащать для выполнения их задач, возможно, встречаясь и борясь вместе с другими христианами, которые разделяют их задачу. Например, группа христиан-юристов могут встречаться для обсуждения того, как лучше принести видение царства в их профессиональные заведения.

Соль, свет и город на горе

Во времена Иисуса было как минимум четыре альтернативы верному свидетельству о Божьем царстве, которые казались приемлемыми. Ессеи вышли из общества, саддукеи пошли на компромисс с Римской империей, фарисеи отделились в государственную религию, а зилоты использовали любые возможные средства, включая насилие, чтобы возвещать царство своими силами. Именно в ярком контексте таких неверных подходов к культуре Иисус говорил слова Нагорной проповеди:

«Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 13-16).

Гельмут Тилике отмечает: «Соль и свет имеют одно общее – они отдают и расходуют себя, и таким образом являются противоположностью любой эгоцентричной религиозности».³⁶⁰ Если мы действительно

³⁵⁹ Lesslie Newbigin, "Our Task Today" (послание, данное четвертому собранию совета епархии, Tirumangalam, India, December 18–20, 1951).

³⁶⁰ Helmut Thielicke, *Life Can Begin Again: Sermons on the Sermon on the Mount*, trans. John W. Doberstein (Philadelphia: Fortress, 1963), 33.

понимаем свое общественное призвание в свете евангелия и выполняем его верно, мы не только укажем на справедливого Господа творения и обновления, но мы и возлюбим своего ближнего. Именно справедливость, мир, радость и праведность царства Божьего предусматривают преуспевание человеческой жизни, и именно его дары своему творению Бог доверил нам для блага наших ближних.

Жизнь на перепутье. Практические примеры

Евангелие должно быть воплощено в каждой сфере жизни и деятельности. В этой последней главе мы рассмотрим несколько практических примеров. Конечно, примеры эти выборочны и сказать о них можно было бы гораздо больше, но и они смогут нам дать неплохое представление о том, что значит практическое христианское мировоззрение сегодня.

Бизнес

В бизнесе нет ничего нового. Покупка и продажа были таким же обычным делом во времена Ветхого Завета, как и сегодня, и Бог дал Израилю много законов для справедливого урегулирования законов бизнеса.³⁶¹ Вот один пример: «В кисе твоей не должны быть двоякие гири, большие и меньшие; в доме твоём не должна быть двоякая ефа, большая и меньшая; гиря у тебя должна быть точная и правильная, и ефа у тебя должна быть точная и правильная, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой даёт тебе» (Втор. 25, 13-15). Повеления во Второзаконии были даны израильтянам тогда, когда они готовились войти в обетованную землю, и Бог хотел, чтобы их практический бизнес отражал его характер в честности и справедливости.³⁶² Занимающийся бизнесом человек, у которого есть два набора гирь, намеревается покупать, используя тяжелые гири (и таким образом получить больше за свои деньги), а продавая, использовать легкие (таким образом получая больше прибыли от продажи). Второзаконие предполагает, что бизнес — обмен товарами — будет происходить среди израильтян, и что это, в принципе, хорошее дело, если происходит справедливо и честно. В Притчах 11, 1 подтверждается структура бизнеса, задуманная при творении («правильный вес угоден Ему»),

---

³⁶¹ О законе Ветхого Завета, см. Craig G. Bartholomew and Michael W. Goheen, *The Drama of Scripture: Finding Our Place in the Biblical Story* (Grand Rapids: Baker Academic, 2004), 66–70. Бартоломью Крейг, Гохин Майкл. Драма Писания. Черкассы: Коллоквиум, 2009.

³⁶² Во Втор. 25 порицание нечестности в деловых операциях особенно связано с именем Господа. Довольно часто это встречается и в Торе и в Притчах.

а греховное ведение бизнеса осуждается («Неверные веса – мерзость пред Господом»).

Женщина, упоминаемая в 31 главе Книги Притчей, служит примером страха перед Господом, который является основанием мудрости (ср. Притч. 1, 7; 31, 30). Хотя она не принимает участия ни в каких открытых религиозных мероприятиях, ее благочестие и ревностная преданность Господу проявляется в повседневной домашней работе, а также в деловой сфере. Она из своих сбережений покупает поле и насаждает виноградник (Притч. 31, 16). Она продает льняные покрывала и пояса и получает прибыль (Притч. 31, 18, 24). Она делает одежду из тонкого льна и пурпура – роскошной ткани, крашеной финикийской краской.³⁶³ Все эти подробности собраны, чтобы нарисовать полную картину ее отношений с Богом: свой бизнес она осуществляет в страхе Господнем.

Очевидно, что бизнес, с библейской точки зрения, – это поле деятельности, куда мы призваны, чтобы служить Господу. Но Библия также говорит о том, что бизнес может быть искажен до той степени, когда станет жестоким и идолопоклонническим. Ветхозаветные пророки вопиют против таких искажений (напр., Ам. 8, 4-6; Мих. 6, 10-11). Но самая сильная критика уклонившегося от правильного пути бизнеса исходит из Книги Откровения, в которой находится осуждение политических и экономических нарушений Рима I века. Ричард Бокэм отмечает, что:

Рим – «великий город, правящий царями земли» (Откр. 17, 18), чье широкое потребление засосало всю продукцию империи... В этой мировой системе Рим был центром, обогащающимся за счет обнищания его периферии. Это очень похоже на современную экономическую глобализацию, которую мы вполне могли ожидать, начиная с I века нашей эры. Перечень груза, отправляемого в Рим, который дал Иоанн, подчеркнуто заканчивается словами: «Рабь, то есть человеческие жизни» (Откр. 18, 13, пер. авт.) – фразой, пронзающей весь перечень. Принимая во внимание детский рабский труд, который объясняет дешевизну некоторых азиатских товаров, которые востребованы богатыми потребителями Запада, подобный комментарий о современной глобализованной экономике наверняка был бы к месту.³⁶⁴

³⁶³ Ray van Leeuwen, "Proverbs," in *The New Interpreter's Bible*, ed. Leander E. Keck, 12 vols. (Nashville: Abingdon, 1995–2003), 5:262.

³⁶⁴ Richard Bauckham, *Bible and Mission: Christian Witness in a Postmodern World* (Grand Rapids: Baker Academic, 2003), 107–8.

Конечно же, Библия может сказать многое о бизнесе и об управлении ним в обществе древнего Ближнего Востока. Современный христианский взгляд на бизнес должен серьезно относиться к историческому развитию культуры, начиная с того времени и заканчивая нашей нынешней ситуацией. Промышленная революция, и особенно глобализация, увеличила силу и влияние бизнеса далеко за ранее известные пределы. Несмотря на то, что есть как сходства, так и значительные расхождения между библейским миром и сегодняшним, два убеждения, основанных на истине Писания, помогут нам сформировать христианское отношение к бизнесу. Первое убеждение — то, что бизнес изначально неплох, так как позволяет обмениваться необходимыми товарами; здоровый бизнес мотивируется, по своей сути, преданным служением ближнему. Своим трудом я восполняю нужды своего ближнего, и в процессе я также могу восполнить нужды своей семьи. Если я работаю усердно и хорошо выполняю свою работу, то могу ожидать прибыли — и это хорошо, но прибыль не является основной мотивацией моего бизнеса. Второе библейское утверждение — то, что бизнес, как это нередко происходит у грешных людей в нашем благом, но падшем мире, легко уклоняется к неверным целям. Мотивацией моего бизнеса может стать эгоистичная и нечестная выгода, а сам бизнес тогда станет средством притеснения.

Здоровое и честное деловое общество будет искренне служить нуждам граждан и народа, а не делать небольшое количество людей очень богатыми за счет угнетения бедных. Христианский взгляд на бизнес должен учитывать продуманные критические отзывы о современных злоупотреблениях в бизнесе, а также в глобальном корпоративном мире, и развивать позитивный, здоровый бизнес, управляемый таким образом, чтобы соблюсти библейские повеления относительно торговли. Честная христианская критика рассмотрит современные способы построения бизнеса и покажет, как легко можно войти в бизнес-структуры и стать соучастником того, что делается через них. Мы теперь знаем, например, что некоторые корпорации постоянно используют дешевый труд в зарубежных странах, что позволяет сократить расходы на производство, а потом продавать их в своих странах, получая от этого огромные доходы. Как христиане, мы должны знать эту информацию и не принимать участия, даже как потребители, в подобном бизнесе.

Поскольку жизнь торгово-промышленных корпораций переплетается с нашей жизнью — в купле-продаже, в получении работы, инвестиро-

вании, — нам нужно узнавать, что это за компании и какие моральные принципы управляют их действиями дома и за рубежом. Потом мы можем решить, покупать их продукцию или нет, и убедить других поступать так же. Нам следует сотрудничать с другими христианами и пользоваться их исследованиями. Церковь или группа церквей, например, может образовать комитет для работы в этой области. Можно обсудить данный вопрос с управляющими корпорациями из наших церквей, задать им вопросы об их деятельности. Христиане должны поддерживать честные практики ведения бизнеса дома и за рубежом. Стоит упомянуть о таких организациях, как «Фертрейд», которые предупреждают о происхождении той продукции, которая поступила на наш рынок в результате недобросовестного отношения к торговле.³⁶⁵ Те из нас, кто занимается бизнесом, могут заняться созданием местных фирм и предприятий, которые воплощают библейские принципы, обсуждаемые нами, и служат примером здоровых практик и ответственности перед своим обществом.

В феврале 2006 года по телевидению Южной Африки была показана замечательная программа, которая называлась «Хлеб. Насыщение народа». Уэссэл ван Хьюстин обнаружил, что на сегодняшний день выпечку хлеба в Южной Африке монополизировали девять больших компаний. Эти компании пекут хлеб в больших количествах высокомеханизированным способом, при этом они задействуют небольшое количество рабочих. Муку они изготавливают так, что почти все полезные вещества пшеницы разрушаются — конечный продукт приятен на вкус, но не весьма полезен для здоровья. Уэссэл ван Хьюстин также обнаружил, что в Южной Африке есть достаточное количество мелких производителей хлеба, многие из которых используют полезную муку и нанимают больше работников, производят хлеб на месте и по более низкой цене. Вывод кажется простым: нужно децентрализовать производство хлеба в Южной Африке. Продукт будет более качественным, появятся дополнительные рабочие места, цены на хлеб упадут, а местное население будет обслужено лучше. Но такая политика не служит интересам больших компаний.

---

³⁶⁵ Fairtrade — это система сертификации продукции, разработанная в помощь людям для определения продукции, соответствующей трудовым и экологическим стандартам. Для дальнейшей информации обращайтесь к <http://www.fairtrade.org.uk> and <http://www.fairtrade.net>.

Английский профессор, поэт, эссеист и писатель-романист Уэнделл Берри в книге «Неустроенность Америки» высказывает здравые критические замечания в адрес фермерства в Америке, отмечая, что развитие огромных механизированных ферм плохо отразилось на сельских общинах, почве, животных и потребителях.³⁶⁶ Но общий смысл этой книги очень позитивен — Берри призывает нас поддерживать местное производство, выращивать для себя все, что мы в силах, осознавать, у кого мы покупаем, и проверять, полезна и качественна ли их продукция. Берри утверждает, что торговые предприятия должны налаживать взаимоотношения с местными общинами и нести ответственность перед ними.

Тяжело работать честно в структурах, уклонившихся от правильного пути — бизнес, функционирующий вопреки библейским принципам, вероятно, будет тяжелым местом работы для верного христианина. Большим шагом вперед для христианской общины будет создание христианами и их единомышленниками новых предприятий, спланированных так, чтобы обеспечивать нужды своих ближних. Несомненно, такие предприятия часто будут вынуждены жить на перепутье, поскольку им придется восставать против господствующего мнения, что единственно правильным мотивом в бизнесе является как можно большая прибыль. Но все-таки радостна даже перспектива возникновения новых предприятий, основным мотивом ведения бизнеса которых будет служение потребностям своих сограждан.

Бизнес, если он обеспечивает нужды ближних, может быть восхитительным, осуществляющим призвание в служении Господу Богу. Христианам необходимо быть проницательными в развитии и поддержке бизнеса, который истинно почитает Бога и искренне служит ближним. Конечно же, это одно из самых широких миссионерских полей в мире.

Политика

Размышляя о политике, вы рано или поздно поймете, что многие действия, которые предпринимают правительства, можно объяснить тем, что наш мир является падшим и оскверненным. Подумайте,

³⁶⁶ Wendell Berry, *The Unsettling of America: Culture and Agriculture* (San Francisco: Sierra Club Books, 1997). Все книги Берри стоит прочитать.

например, о решении Джорджа Буша и Тони Блэра развязать войну в Ираке. Правильным было это решение или нет, но оно вряд ли было бы нужным в том мире, где люди живут в согласии друг с другом. В политике многое связано с посредничеством между конфликтующими взглядами, и есть мнение, что институт правительства появился как результат падения человечества. Существует и другое мнение, утверждающее, что учреждение правительства — это часть сотворенного порядка, и оно было бы создано независимо от падения. Последнее мнение подчеркивает позитивную роль правительства в справедливом управлении обществом. Мы считаем, что правительство — это элемент созданного Богом порядка, и Библия содержит достаточное количество пояснений о правительстве и политике, которые являются актуальными и сейчас, независимо от мнений и взглядов современников. В Ветхом Завете больше всего уделяется внимания тому правительству, которое правит Израилем. Бог сформировал развитие израильской монархии так, что она своим образом правления содействовала Божьему руководству его народом (см. Втор.17, 14-20; 1 Цар. 8, 12). Хотя некоторые цари и достойны подражания в этом отношении (Давид, Соломон, Иосия, Езекия), история монархии в Ветхом Завете — печальная история, и потенциал правительства в содействии правлению Господа народом остается по большей части нереализованным.

При рассмотрении политического аспекта Ветхого Завета нам нужно быть внимательными к разнице между статусом Израиля в Ветхом Завете и статусом церкви в Новом Завете. В Израиле была теократическая форма правления, там был народ, находящийся в отношениях завета с Господом, — и это существенное отличие от любого современного народа. Израиль формально согласился жить как Божий народ, и намеревался сделать так, чтобы каждая сторона жизни — экономика, политика, семья и прочее — были под управлением Бога. После дня Пятидесятницы произошли изменения: Божий народ, церковь, был рассеян среди других народов. Церковь теократична, но народы, среди которых живут христиане, не являются таковыми.

Текст Нового Завета, который является основным в учении о правительстве — это Рим. 13, 1-7. Здесь Павел признает, что правительство играет уникальную и важную роль как установление. Языком, напоминающим Нагорную проповедь, в Рим.12, 14-21 (непосредственный контекст Рим. 13, 1-7, где речь идет о правительстве) Павел наставляет

римских христиан благословлять тех, кто гонит их, и не мстить им. Христианам следует предоставить место «Божьему гневу». Само правительство предназначено быть Божьим слугою, «отмстителем в наказание делающему злое», предопределенным Богом установлением для поддержания справедливости. Именно для этой цели правительство «носит меч», то есть оно имеет власть применить закон этой страны (Рим. 13, 4). Следовательно, христиане не должны брать отмщение в свои руки (а любить и оказывать сострадание даже тем, кто плохо с ними поступил), они должны рассчитывать на то, что правительство будет исполнять Богом данную ему роль для осуществления справедливости в обществе. В результате, говорит Павел, у христиан будет позитивное отношение к государству, они станут уважать его и будут добропорядочными гражданами, которые платят налоги (Рим. 13, 5-6).

Пока все идет нормально. Но оправдывает ли тринадцатая глава Послания к Римлянам те несправедливые и жестокие действия, которые могут совершать правительства? Нередко смысл этого библейского текста непозволительно искажают. В период жестокого апартеида в Южной Африке Майкл Кэссиди (представляя Национальную инициативу примирения) встречался с президентом П. В. Бота. Во время встречи тот держал в руках Библию, открытую на тринадцатой главе Послания к Римлянам. Этот символический жест должен был показать, что противодействие правительству или критика государства является небиблейским и нехристианским делом.

Но вся Библия, включая Рим.13, отвергает такой подтекст. Рим. 13, 4.6 говорит о правителе, как о Божьем слуге, передавая этим и благородство (поскольку правитель — *Божий слуга*), и ответственность (*Божий слуга*). В контексте Римской империи описывать правителя, как слугу, значило положить конец мнению, что правители могут делать все, что им угодно. Слуга должен повиноваться своему хозяину. Таким образом, Рим. 13 нельзя считать оправданием всего того, что делает правительство, так как оно должно служить Богу, служа справедливости; и если правительство не выполняет своих обязанностей, то само становится объектом Божьего суда.

Описание в Книге Исхода казни и историй чудес, происходивших во времена Илии и Елисея, недвусмысленно демонстрировало, что именно Господь находится во главе государства, а не кесарь, Ахав или Иезавель. В Исх. 1 повивальные бабки Шифра и Фуа совершили акт

гражданского неповиновения: «Но повивальные бабки боялись Бога и не делали так, как говорил им царь Египетский, и оставляли детей в живых... За сие Бог делал добро повивальным бабкам... И так как повивальные бабки боялись Бога, то Он устраивал дома их» (Исх.1, 17-22). Таким образом, библейская история дает важные принципы, следуя которым, мы можем выработать твердый христианский подход к правительству и политике: 1) правительство поставлено Богом для нашего блага и должно соответствовать Божьему замыслу; 2) его задача — отстаивать правосудие в обществе, и ему дано право применять для этого силу; 3) деятельность правительства может исказить поклонение разным идолам,³⁶⁷ 4) христиане должны быть примерными гражданами и уважать правительство, однако 5) они не могут давать обещание никогда не критиковать человеческое правительство, поскольку прежде всего преданы Иисусу, Сыну Человеческому.

Как такое понимание действует сегодня? Еще раз напомним то, что мы уже неоднократно подчеркивали в этой книге: в формировании христианского мировоззрения важно не только жить в библейской истории, но также соотносить эту историю с современной ситуацией. Ярким примером может послужить то, что доминантной формой правления сегодня является демократия — модель, абсолютно незнакомая библейскому миру. В наши дни христиане живут в плюралистических обществах, где конкурируют несколько мировоззрений и, следовательно, мы не можем просто применить законы Ветхого Завета к современному обществу. Возьмем, к примеру, смертную казнь. Даже если мы сможем доказать ее законность, для нас останется непонятным, как на преступления, которые заслуживали смертной казни в Ветхом Завете (напр., прелюбодеяние, идолопоклонство, гомосексуализм) должно смотреть законодательство нашего плюралистического общества.

Поэтому сегодня создание христианского мировоззрения в части политики — нелегкая задача. Предлагаем, чтобы следующие утверждения стали ключевыми элементами такого подхода. Во-первых, необходимо очень серьезно принять во внимание сведения из Библии.³⁶⁸ Как

³⁶⁷ Если хотите найти прекрасную книгу, исследующую различные идеологии, которые формируют сегодняшнюю политическую жизнь, см. David T. Koyzis, *Political Visions and Illusions: A Survey and Christian Critique of Contemporary Ideologies* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2003).

³⁶⁸ Более раннее, но все же хорошее введение — Paul Marshall, *Thine Is the Kingdom: A Biblical Perspective on the Nature of Government and Politics Today* (London: Marshall, Morgan & Scott, 1984).

отмечает Оливер О’Донован, если Писание – это Слово Божие, тогда нам нужно пройти путь от того, что Бог сказал Аврааму, до того, как нам справиться с войной в Ираке сегодня (заметим, что Авраам жил на территории современного Ирака). О’Донован продолжает свою мысль и говорит, что проповедник может пройти этот путь меньше чем за двадцать минут, а богослову для этого может понадобиться вся жизнь.³⁶⁹ Соотношение библейской истории и сегодняшней политики настолько сложно, что вряд ли поможет упрощенческий подход, подкрепленный одним или двумя десятками библейских стихов.

Во-вторых, нам нужно познакомиться с древней христианской традицией в отношении политики. И не зря Оливер и Джоан О’Донован с сожалением отмечают нашу неосведомленность о богатом свидетельстве христианской мысли по поводу определения концепции справедливой войны.³⁷⁰ Эту традицию необходимо знать для того, чтобы в наших собственных размышлениях о том, должна наша страна вступать в войну или нет, мы могли опираться на мнения наших предшественников.

В-третьих, мы должны быть осведомлены в истории политики: как она развивалась на протяжении столетий и как нам достались по наследству установления наших дней. Это позволит нам определить их место в историческом и культурном контексте и даст нам возможность реагировать на них с пониманием.

В-четвертых, христиане, получившие хорошее образование и имеющие нужные способности, должны участвовать в политической деятельности как политики, ученые и руководители, оказывая прямое влияние на правительство, а также наставляя других христиан в том, как относиться к политическим вопросам современности с христианской точки зрения. Хорошим примером подобного участия в жизни общества может служить работа относительно небольшого Центра общественного правосудия (СРП) под руководством Джима Скиллена. Последние годы эта организация занимается подготовкой реформы социального обеспечения. Государственный законопроект, выдвинутый Центром и известный как «Благотворительный выбор», открыл перед христианами

---

³⁶⁹ Oliver O’Donovan, *The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), ix.

³⁷⁰ См. Oliver O’Donovan and Joan Lockwood O’Donovan, *From Irenaeus to Grotius: A Sourcebook in Christian Political Thought* (Grand Rapids: Eerdmans, 1999). См. также Oliver O’Donovan, *The Just War Revisited* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003).

и другими религиозными группами прекрасные возможности получать средства от государства для благотворительной работы, в то же время сохраняя свою религиозную неприкосновенность, — это огромный шаг в разрушении нездорового секуляризированного разделения между государством и церковью.³⁷¹

Пребывая в спокойных церковных общинах среднего класса, трудно понять, в какой опасности находится здравая политика. Но если бы мы жили в Руанде во время геноцида, в Ираке или в Дарфуре сегодня, то мы бы осознали жизненную важность здоровой политики.³⁷² Правительство — от Бога, но библейская драма призывает нас делать все возможное, чтобы направить политику в такое русло, чтобы она принесла славу Богу и благословение всем людям.

Спорт

Если человек воспользуется узким, отрицающим мирские ценности взглядом на евангелие, он вряд ли сможет обосновать нужность спортивных соревнований. Но поскольку евангелие — это евангелие о царстве Божьем, христианский взгляд не может отвергать спорт и соревнование, потому что это дар от Бога при творении, который дан людям для наслаждения. Богу доставляло радость давать эти дары, а человека он наделил потенциалом обнаруживать, развивать и наслаждаться этими дарами. Бог радуется, когда мы получаем эти дары, почитаем его в их использовании и благодарим за них. Аскетический и дуалистический взгляд, который недооценивает спорт, свидетельствует о неблагодарности человека, получившего один из Божьих даров. Фильм «Огненные колесницы» хорошо объясняет эту ситуацию устами Эрика Лиддела: «Бог сделал меня быстрым. Бег приносит мне удовольствие... и это не просто развлечение. Победить — значит чтить Бога».

Идея спорта берет свое начало в творении. Во-первых, спорт имеет свой источник в том, что мы являемся образом Божиим, сотворенным в многообразии функций и способностей, сотворенным для общения, развития и наслаждения разнообразием отношений, включая игру, досуг

³⁷¹ См Stanley W. Carlson-Thies and James W. Skillen, eds., *Welfare in America: Christian Perspectives on a Policy in Crisis* (Grand Rapids: Eerdmans, 1996).

³⁷² Геноцид в Дарфуре — первый в XXI столетии. См. Don Cheadle and John Prendergast, *Not on Our Watch: The Mission to End Genocide in Darfur and Beyond* (New York: Hyperion, 2007).

и состязательность. Бог также одарил нас богатым воображением. Как говорит Барт Гиаматти (бывший уполномоченный баскетбольной высшей лиги), спорт — это «часть нашего творческого и художественного порыва».³⁷³ В спорте, как и в искусстве, мы можем творчески создавать воображаемые миры с их задачами, правилами и препятствиями, и на некоторое время входить в них.

Спорт также имеет свои корни в призвании, данном при творении человечеству, — так называемый культурный мандат (Быт. 1, 26–28; 2, 15). Человечеству была дана восхитительная задача исследовать, обнаруживать и развивать потенциал, который Бог вложил в творение. Божьему дару состязательности, конечно, предстояло развиваться, — Эдемский сад не был оборудован теннисными кортами и бейсбольными полями. Вместо этого Бог дал человечеству созидательную силу для исследования, открытия и развития творения различными способами. Именно так и возник спорт.

Наверное, многие согласятся с тем, что спорт — это дар от Бога, но, возможно, не все согласятся с тем, что соревнование — это также дар. Марвин Зуидема правильно отметил, что соревнование — это основная составляющая в спорте, и намеренное поражение с ним несовместимо. Он обращает внимание на устоявшееся мнение христианского общества в отношении этой стороны спорта, гласящего, что «соревнование — неправильно в нравственном отношении, потому что оно заставляет игроков или команды соперничать друг с другом, и это часто перерастает в чувства ненависти».³⁷⁴ Зуидема и другие утверждают, что соревнование — это не соперничество. Джон Бил считает, что «преодоление ненужных помех» занимает центральное место в спорте.³⁷⁵ Фрей и его коллеги уточняют: «Препятствия служат помехами, которые мешают игроку использовать самый результативный способ достижения цели».³⁷⁶

³⁷³ A. Bartlett Giamatti, *Take Time for Paradise: Americans and Their Games* (New York: Summit Books, 1989), 38.

³⁷⁴ Marvin Zuidema, "Athletics from a Christian Perspective," in *Christianity and Leisure: Issues in a Pluralistic Society*, ed. Paul Heintzman, Glen Van Anandel, and Thomas Visker (Sioux Center, IA: Dordt College Press, 1994), 185.

³⁷⁵ John Byl, "Coming to Terms with Play, Game, Sport, and Athletics," in Heintzman, Van Anandel, and Visker, *Christianity and Leisure*, 155–63.

³⁷⁶ Bradshaw Frey, William Ingram, Thomas McWhertor, and William Romanowski, "Sports and Athletics: Playing to the Glory of God," in *At Work and Play: Biblical Insight to Daily Obedience* (Jordan Station, ON: Paideia, 1986), 46.

Радость игры заключается в создании тактики преодоления препятствий и выполнения задачи». В спорте команды или отдельные спортсмены соглашаются совместно соперничать друг против друга в рамках установленных задач, правил и препятствий игры. Другими словами, взаимодействие, а не соперничество является смыслом соревнования.

Соревнование может усилить радостные эмоции от спортивного участия, помогая отточить навыки спортсмена и дать удовлетворяющее физическое напряжение. Поэтому оппонент — это, прежде всего, не конкурент, а человек, который дает возможность получить более сильные ощущения от спорта. Соревнование — это обогащающая часть Божьего дара. Человек любит своего ближнего в спорте, становясь для него достойным соперником, чтобы укрепить его спортивный дух. Многие спортсмены могут согласиться с утверждением Зuideма, что «соревнование может выявлять сотрудничество, торжество, уважение и даже любовь».³⁷⁷

Но все же и соревнование может исказить грех, и тогда оно станет отвратительным. Поэтому необходимо понимать, что собой представляет здоровое и нормативное соревнование. Соперника не следует считать простым препятствием, объектом, чье противостояние должно быть просто преодолено, как сопротивление гантели в тяжелой атлетике. Люди сотворены по образу Божьему, поэтому даже в разгар соревнования с ними нужно обращаться с любовью, достоинством, уважением и пониманием. В христианской оценке спорта нет места словам, подобным высказываниям Винса Ломбарди: «Победа — это не один из вариантов, это единственно возможный вариант» (слова, которые он позаимствовал у Реда Сандерса)³⁷⁸ и «Для хорошей игры в вас должен гореть огонь, и ничто лучше не поддерживает этот огонь, чем чувство ненависти».

Спорт — это часть творения, и, как Божий дар, он может приносить удовлетворение. Он не нуждается в оправдании, что он, мол, дает физическое развитие, восстанавливает силы для работы, позволяет дать отдых психике, или что он тренирует характер и развивает силу воли, или что с его помощью можно благовествовать. Эти побочные преимущества могут учитываться или не учитываться, но, в любом

³⁷⁷ Zuidema, "Athletics from a Christian Perspective," 185.

³⁷⁸ Генри Расселл (Red) Сандерс — тренер по американскому футболу в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе и в Университете Вандербилта в первой половине XX столетия. Именно ему приписывают эти слова, которые затем были популяризированы Ломбарди.

случае, они лишь вспомогательны.³⁷⁹ Существование спорта оправдано уже тем, что Бог дал его в дар для наслаждения. Как сказал Эдвард Шонесси: «Как искусство, религия или дружба, спорт не преследует какой-то высшей цели... его полезность — вопрос второстепенный».³⁸⁰

Между спортом и другими сторонами Божьего творения существует органичная связь: во всех атлетических мероприятиях присутствуют физические, эмоциональные, экономические, социальные и эстетические составляющие. С одной стороны, это значит, что игра теряет силу, если другие стороны творения ослаблены. По Билу, социальная и психологическая гармония являются важными условиями спорта, но есть также и другие условия.³⁸¹ Можете ли вы себе представить соревнование, где спортсмены не умели бы считать, не имели бы физической подготовки, чтобы продержаться дольше пяти минут, или были бы неспособны выражать свои эмоции? Мог бы спорт развиваться в обществе, где господствует ложь или где экономические условия заставляли бы людей все время бодрствования тратить на то, чтобы заработать себе на жизнь? Спорт процветает там, где все стороны общества уравновешены, и, соответственно, другие стороны нашей жизни страдают, когда в обществе нет места игре.

Когда звук какого-нибудь инструмента в оркестре лишком слаб — страдает гармония; когда игра и досуг сдержаны и спорт недооценен, тогда страдает общество в целом. Не меньшей опасностью для оркестра бывает очень громкое звучание одного инструмента — это также разрушает гармонию. Когда одной части творения отдается предпочтение, и ей уделяется больше внимания, чем положено, тогда гармония творения разрушается. И именно такой вид идолопоклонства проявляется в спорте в наши дни. Чарльз Пребиш дал определение спорту, как самой быстрорастущей религии в Америке.³⁸² Спорт и соревнование — это хорошо, если они воспринимаются как одна из правомерных частей Божьего мира и если они соответствуют Божьему замыслу

---

³⁷⁹ Вообще-то некоторые методы, которые спорт использует для евангелизма, даже прозелитизма, мы считаем неправильными. См. Frey et al., "Sports and Athletics," 55–56.

³⁸⁰ Edward L. Shaughnessy, "Santayana on Athletics," *Journal of American Studies* 10, no. 2 (1977): 188.

³⁸¹ Byl, "Coming to Terms with Play," 157.

³⁸² Charles Prebish, "Heavenly Father, Divine Goalie: Sport and Religion," *Antioch Review* 42, no. 3 (1984): 318.

творения. Но они легко могут стать идолами, занимающими то место поклонения, которое им не принадлежит по праву.

Наука может помочь распознавать замысел творения в здоровом спорте и полезном времяпрепровождении: «Научное исследование того, что происходит во время игры, и правильно, и важно. Полезно углублять, обогащать и расширять свое критическое понимание развлекательных мероприятий. Это поможет объяснить традиции проведения свободного времени. Поступая так, мы сможем исправить и улучшить эту сферу жизни».³⁸³ Таким же образом социологи могут внести вклад в понимание замысла творения для брака, а психологи — понять роль эмоций. Есть необходимость и в том, чтобы богословы помогли объяснить христианским общинам первоначальный замысел для спорта. Конечно, многое в понимании Божьего замысла при творении для спорта и соревнования даст понимание того, как грех исказил и извратил их. Никакое спортивное состязание не осуществляет идею благодати Божьего первоначального замысла. Выявление Божьего замысла при творении будет означать быстрое реагирование на появление тех идолов культуры, которые полностью искажают спорт: менталитет победы любой ценой, поклонение экономическим мотивам и гедонизм, поднимающий спорт на максимальную высоту.³⁸⁴

Разным людям приносят радость различные элементы Божьего творения. Для некоторых это может быть музыка, для других — плотничество или книги. То, что нам приносит особое удовольствие, может быть для нас прекрасным поводом, чтобы прийти к Богу и воздать ему благодарность и хвалу за каждую сторону нашей жизни. Много лет назад Гордон Спикмен начал свое обращение к собранию такими словами: «Ничего не имеет значения, кроме царства». Здесь он остановился, давая возможность этой истине проникнуть вглубь. Затем он продолжил, сказав: «Но благодаря царству все теперь имеет значение». Так как царство — это Божья сила для восстановления всего творения, позволяющая жить под его избавляющим правлением, все имеет значение. Спорт и соревнование имеют значение, потому что Бог

---

³⁸³ Gordon Spykman, "Toward a Christian Perspective in the Leisure Sciences," in Heintzman, Van Andel, and Visker, *Christianity and Leisure*, 54.

³⁸⁴ См. Frey et al., "Sports and Athletics," 51–56. Мы не делаем ударение на том, как грех исказил спорт и соревнование. Наша основная цель — говорить в этом маленьком разделе о спорте и соревновании как о понятиях, имеющих свои корни в учении Писания о творении.

сотворил и восстанавливает их. Когда мы предстанем перед судейским престолом Христа, где только золото, серебро и драгоценные камни выдержат огонь Божьего суда (1 Кор. 3, 12-15), возможно, мы увидим там и спортивные подвиги, достойные серебра и золота. Спикмен, ссылаясь на Откровение 21, 24-26, правильно говорит, что «ценности народов войдут в новый Иерусалим. Среди этих ценностей... хороший, содержательный, здоровый досуг»³⁸⁵, и мы добавим — хороший, неискаженный, здоровый спорт.

Искусство и творчество

Иногда христиане ассоциируют художественное творчество только с высоким искусством, таким как опера, балет, живопись и скульптура, а также интересуются, имеет ли вышеперечисленное что-либо общее с евангелием и благовестием. Такие христиане могут считать творчество полезным только в том случае, если оно служит церкви, рассматривает откровенно христианские темы с конкретной идеей, помогает оформить церковный бюллетень или оживить церковное служение сценкой. Высокое искусство имеет свое важное место в культуре, но приуменьшить его только лишь до творчества (или сказать, что творчество действительно только в контексте «священных» мероприятий) значит ограничить творчество и упустить еще один способ, который Бог дал для того, чтобы славить его. Творчество в полном смысле слова выражается в том, как мы проектируем и украшаем свой дом, как сервируем стол к обеду, как выбираем себе одежду и украшения, как организовываем свое рабочее место, как и где сажаем цветы, какой водим автомобиль, какие рассказываем истории и какую слушаем музыку.³⁸⁶ Творчество, или то, что мы называем эстетической стороной жизни, наполняет наш мир.

Христиане находят корни творчества в доктрине творения. Ганс Рукмейкер написал небольшую книгу «Искусство не нуждается в оправдании», в которой утверждает, что нам не нужно оправдывать искусство, рассматривая его ценность только если оно преследует благие (евангельские или духовные, или даже коммерческие) цели.³⁸⁷ Оправдание

³⁸⁵ Spykman, "Toward a Christian Perspective," 5

³⁸⁶ Прекрасную книгу на эту тему см. Edith Schaeffer, *Hidden Art* (Wheaton: Tyndale, 1972).

³⁸⁷ Hans R. Rookmaker, *Art Needs No Justification* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1978); см. также idem, *The Creative Gift: The Arts and the Christian Life* (Leicester: Inter-Varsity, 1981), chap. 6.

искусства лежит в том, как Бог создал нас. Божье мастерство в творении — чрезвычайно, его творчество — потрясающе. Поразмыслите, например, над таким фактом, что нет двух одинаковых снежинок — это поистине удивительно, если учесть, что их несметное количество. Быть сотворенным по образу Божьему также значит, что он удостоил нас частички своей способности к творчеству, «возможности творить нечто прекрасное и наслаждаться им».³⁸⁸

Творчество — это дар. Эта истина подтверждается отрывком Быт. 4, 21-22, в котором о развитии культуры говорится следующее: Иувал — отец всех играющих на гуслях и свирели, а Тувалкаин — кузнец всех орудий из бронзы и железа.³⁸⁹ Псалмы — это чудесная поэзия (многие псалмы имеют интригующие заглавия, например: «Начальнику хора. На восьмиструнном орудии»), и весь Псалтирь достигает кульминации в Пс. 150 — призывом хвалить Господа на различных музыкальных инструментах.³⁹⁰

Хотя искусство не нуждается ни в евангельских, ни в церковных оправданиях, все же ценно и важно узнать, почему Бог дал нам эту удивительную способность к творчеству.³⁹¹ Художники, включая живописцев, скульпторов, писателей и режиссеров, помогают нам увидеть мир свежим взглядом. Обсуждая роль произведений искусства в отображении мира, Николас Уолтерсторфф отмечает: «Снова и снова при изучении репрезентативного искусства мы сталкиваемся с явным фактом, что художник не просто отображает мир, который затронул его личный вкус, но мир, правдивый в отображении того, что его общество считает настоящим и важным».³⁹² Писатель-романист

³⁸⁸ Abraham Kuiper, *Lectures on Calvinism* (Grand Rapids: Eerdmans, 1931), 142, см. сноску. Кайпер Абрахам. Христианское мировоззрение. Лекции по кальвинизму. СПб: Шандал, 2002.

³⁸⁹ См. Bartholomew and Goheen, *Drama of Scripture*, 48, 49.

³⁹⁰ Доступное описание новых подходов к Псалтири, подчеркивающих литературную форму не только отдельных псалмов, но и всей книги в целом, см. Craig G. Bartholomew and Andrew West, eds., *Praying by the Book: Reading the Psalms* (Carlisle: Paternoster, 2001).

³⁹¹ Цель искусства — сложна и противоречива. В книге *Art in Action: Toward a Christian Aesthetic* (Grand Rapids: Eerdmans, 1980), Nicholas Wolterstorff отрицает, что существует такое понятие, как цель искусства. См. также Cal Seerveld, "Cal Looks at Nick: Ответ Nicholas Wolterstorff 's *Art in Action*," in *In the Fields of the Lord: A Calvin Seerveld Reader*, ed. Craig Bartholomew (Carlisle: Piquant, 2000), 360–64.

³⁹² Wolterstorff, *Art in Action*, 144.

Джозеф Конрад говорит, что задача писателя — «силою написанного слова заставить услышать, почувствовать, а значит, прежде всего, заставить *увидеть*». ³⁹³ Леланд Рикен отмечает: «Мир художественного вымысла — это высокоорганизованная версия реального мира. Это мир, где образы, герои и примеры из истории представлены лишенными отвлекающих сложностей». ³⁹⁴ Литература и другие виды искусства часто погружают нас в уменьшенный мир, чтобы мы могли сосредоточиться на отдельных сторонах реального мира. «Искусство не старается дать фотокопию жизни, оно переделывает материалы жизни, чтобы дать нам возвышенное восприятие ее качеств. Искусство — это жизнь на грани воображения». ³⁹⁵

Хорошим примером этому служит фильм «Крайности» (*Extremities*), где Фарра Фосетт сыграла роль жертвы насилия. Фильм дает зрителю ощущение полнейшего ужаса от изнасилования в той степени, в которой никакая статистика или репортаж никогда не сможет передать. Так же и классический роман «Плач по любимой стране» (*Cry, the Beloved Country*) Алана Патона позволяет читателю пережить ощущение тяжелой действительности апартеида в Южной Африке, рассказывая историю о черном и белом молодых людях и об отношениях их семей, давая нам возможность увидеть весь ужас отношений апартеида. Например, фильм «С обратной стороны» (*Off the Black*) позволяет нам прочувствовать боль подростка, мать которого оставила его отца (с которым он живет), а также показывает, как отношения, которые подросток построил со своим тренером, помогают ему в жизни. Более старый фильм «Обычные люди» (*Ordinary People*) показывает боль родственных отношений, которая часто скрывается за внешней стороной жизни уважаемых семей, и одновременно несет надежду на то, что произойдут изменения к лучшему.

Искусство также расширяет наш личный опыт. Как заметил Клайв Льюис: «Мы стремимся к развитию своей сущности. Мы хотим быть чем-то большим, чем мы есть на самом деле. Каждый из нас по природе своей видит весь мир с одной точки зрения, с перспективой и избирательностью, свойственной только ему... Мы хотим смотреть

³⁹³ Joseph Conrad, предисловие к книге: *The Nigger of Narcissus* (New York: Collier, 1962), 19.

³⁹⁴ Leland Ryken, *Culture in Christian Perspective: A Door to Understanding and Enjoying the Arts* (Portland, OR: Multnomah, 1986), 112.

³⁹⁵ Ryken, *Culture in Christian Perspective*, 26.

другими глазами, воображать другими мысленными образами, чувствовать другим сердцем, наряду со своим собственным... это, насколько я могу видеть, — особенная ценность или благо литературы... она допускает нас к другим, не свойственным нам, переживаниям».³⁹⁶ Искусство пробуждает и развивает наше воображение. В мире технологий, где так высоко ценится аналитический разум, мы легко теряем способность к воображению, которая была в детстве. И все же, хотя мы и не художники, воображение — это важная часть нашего существа. Альберт Эйнштейн развил свою теорию относительности, вообразив себя в луче света!³⁹⁷ Недавние исследования обнаружили различие между аналитическим левым полушарием мозга человека и творческим правым. У людей западной культуры (и особенно принадлежащих к научным кругам) левая сторона мозга обычно чрезмерно развита, в то время как игровая, творческая правая сторона — сморщена и недоразвита. Контакт с искусством и участие в творчестве помогает пробудить воображение и добиться гармонии всех сторон своего существа. Хотя ни бизнесмен, ни ученый не призваны быть художниками, эффективный бизнес и научная работа требует креативности и воображения, и это то, что нам может помочь развить в себе искусство.

Искусство также дает ощущение игры — того, что взрослые часто оставляют в детстве. Психиатр Карл Юнг обнаружил, что лечению кризиса среднего возраста способствует возврат к игре. В критический период своей жизни он каждый день работал над созданием модели деревни, и это стало основой его выздоровления.³⁹⁸ Клайв Льюис заявляет: «Наш досуг и даже наша игра — это серьезное дело. Во Вселенной нет нейтральной земли — на каждый квадратный сантиметр, на каждую долю секунды заявляет свои права Бог, встречный иск на все это предъявляет сатана... Выбрать полезный досуг — это серьезное дело».³⁹⁹

Конечно, креативность и искусство никогда не бывают нейтральными, и как только мы начинаем видеть, каким сильным может быть искусство, мы также начинаем осознавать, как серьезно оно может ошибаться. Рикен говорит: «Цель художников — заставить аудиторию

³⁹⁶ C. S. Lewis, *An Experiment in Criticism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1961), 137–39.

³⁹⁷ О науке и вымысле, см. Cheryl Forbes, *Imagination: Embracing a Theology of Wonder* (Portland, OR: Multnomah 1986), chap. 7.

³⁹⁸ См. Carl Jung, *Memories, Dreams, Reflections* (New York: Vintage Books, 1965), 173–75.

³⁹⁹ C. S. Lewis, *Christian Reflections* (Grand Rapids: Eerdmans, 1967), 33–34.

разделить их взгляд: увидеть то, что видят они, прочувствовать то, что чувствуют они и понимать жизнь так, как они».⁴⁰⁰ Кейт Мак-Кин говорит: «Литературная реальность — это тщательно созданный и управляемый вид действительности, где каждый элемент обнаруживает личные убеждения художника, его ценности».⁴⁰¹ Выбор артистом и темы, и метода всегда формируется его мировоззрением и всегда представляет личную перспективу; и мировоззрение, и перспективу нужно принимать такими, какие они есть.

Экстремальные примеры неправильного использования искусства можно увидеть в символах и воображаемых представлениях о себе, которые использует нечестивая власть для пропаганды своей идеологии. Режим Адольфа Гитлера в 1930–1940 годах служит ярким примером этого. Йозеф Геббельс снял захватывающие пропагандистские фильмы, построенные на тщательно разработанном показе общественного энтузиазма и военной силы, которую регулярно демонстрировали нацисты. Образный ряд этих фильмов был крайне ярким и сильным, но он имел страшные, нечестивые цели. Менее очевидные злоупотребления в области творчества более распространены — и они перед нами. Когда мы низводим Божий дар художественного выражения до наклеек на бампере или даже до мятных конфет с напечатанными на них библейскими стихами, мы унижаем евангелие и приносим Христу плохую славу. Когда христианская драма сведена к неубедительным евангельским представлениям в церкви, мы ненамеренно показываем, что евангелие — это небольшая, неважная вещь. И когда христианские фильмы поставлены театрально и сосредоточены на восхищении церкви только для того, чтобы напугать аудиторию для покаяния, значит, мы не смогли честно использовать огромный диапазон творчества, который Бог вложил в свое творение.

Исторически сложилось, что церковь имеет большой опыт искусства и творчества. Сама Библия необычайно красива и разнообразна в литературном смысле — в ней есть поэзия, притчи, трагические и комические рассказы, биографии и сны. Некогда церковь была центром художественного творчества, где украшенные миниатюрами манускрипты, картины и скульптуры, витражи, поэзия и драма, лите-

⁴⁰⁰ Ryken, *Culture in Christian Perspective*, 172.

⁴⁰¹ Keith McKean, *The Moral Measure of Literature* (Denver: Swallow, 1961), цитируемый в Ryken, *Culture in Christian Perspective*, 166.

ратура, музыка и архитектура — все вместе провозглашали славу Бога. Нам следует восстановить богатое наследие. Как мы можем это сделать?

Во-первых, нам нужно задуматься о возможностях для творчества в разных сферах нашей жизни. Хотя не все мы призваны быть художниками, мы все призваны творить. Сделать из своего дома, квартиры или комнаты в общежитии уютное, исцеляющее место своего обитания, сделать свой сад приятным местом, посадив красивые растения, чтобы птицы там также чувствовали себя, как дома, сервировать стол по-особенному для особого случая, рассказать сказку своим детям с выражением, развить вкус в одежде и музыке, научиться ценить красоту природы — это все маленькие, но важные способы культивирования Божьих даров художественного творчества в своей жизни. Возможности — безграничны.

Второй способ возвращения христианского художественного наследия — это принять всерьез Божье призвание для некоторых из нас быть мастерами своего дела. Если христианская община искренне посвящена участию в Божьем восстановлении искусства, она должна считать призвание творческого человека настоящим христианским служением с полной занятостью. Зачастую одаренным творческим людям тяжело реализовать свой талант в церкви, особенно когда небиблейский дуализм относит искусство к низшему или менее духовному уровню жизни. Нам нужно изменить подобное отношение. У церкви есть обязанность признавать таланты творческих людей и ободрять их на служение Христу в рамках призвания, которое он дал им. Мы с нетерпением ожидаем того дня, когда ежегодные церковные собрания будут состоять не только из отчетов о служениях и финансовых расходах церкви, но также будут включать в себя и обсуждения того, как проходит служение творческих людей, занятых в церкви.

Не все мы призваны к искусству, но мы все должны быть готовы принять дары, которые приносят творческие люди. Не имеет смысла зажигать христиан к творческому служению, если никто не будет поддерживать их начинаний, не будет посещать их галерей, слушать их музыку и покупать то, что они производят. Мы должны интересоваться хорошим искусством и поддерживать его (производится оно христианами или нет), но особенно мы должны поддерживать старания христианских мастеров. Вы, ваша церковь или ваша компания могут заказать картину или скульптуру, посетить поэтический вечер местного поэта-христианина или организовать фестиваль искусства или ремесел.

Вы можете пройти курс истории искусства или понимания искусства, можете посетить галерею. Вы можете попробовать себя в том, что будет стимулировать вашу творческую сторону: в рисовании, работе по дереву, оригами, ремонте автомобилей или работе с цветным стеклом.

В-третьих, нам нужно выработать умение различать искусство и творчество. Грехопадение человечества поразило все творение, включая искусство, и теперь оно может развиваться не в том направлении, как и любая другая структура Божьего творения. Порнография — это лишь один явный пример того, как художественные дары, данные Богом, могут быть искажены и использованы в греховных целях. Признать, что порнография — это явное уклонение от истины, — правильно; но так же правильно увидеть, что напечатанные на карандашах библейские стихи далеки от выражения христианского искусства. Очень уж трудно в наш век изобилия отличить хорошее искусство от плохого и определить промежуточные ступени между ними.

Постижение тонкостей искусства нелегко достигается, оно требует работы мысли и все большего соприкосновения с искусством. Если мы хотим заполнить свою жизнь тем, что истинно, честно, справедливо, достойно, что добродетель и похвала (Флп. 4, 8), искусство — неотъемлемый ресурс. Существуют формы извращенного и искаженного творчества, которое, разумеется, должно быть отвергнуто, но прежде нам нужно убедиться, что мы не просто с высокомерием отвергли произведение искусства без тщательного и внимательного обдумывания. Только так мы сыграем позитивную роль в возвращении великого дара творчества, который Бог вложил в свое творение. В описании нового Иерусалима, которым заканчивается Книга Откровения, мы читаем, что «цари земные принесут в него славу и честь свою» (Флп. 21, 24). Эти слова говорят о том, что богатства творчества будут использованы в новом творении.

Мир науки

Джордж Марсден в своей книге «Возмутительные идеи христианских университетов»⁴⁰² отмечает, что истинная христианская наука — редкое явление, потому что ученые-христиане научились держать свои убеждения

⁴⁰² George M. Marsden, *The Outrageous Idea of Christian Scholarship* (Oxford: Oxford University Press, 1997).

при себе — это была цена их принятия в академическое сообщество. Студенты-выпускники считают, что христианское мировоззрение должно быть подогнано под современное гуманистическое мировоззрение, в противном случае их ученые степени не будут восприниматься всерьез. Настоящая христианская наука воистину «возмутительна», утверждает Марсден, потому что она противостоит расхожему мнению и заявляет, что евангелие играет формирующую роль в научном мире.

Тот факт, что нам недостает здорового христианского научного сообщества, печален по двум причинам. Во-первых, это значит, что христианская научная работа «сообразовалась с веком сим» (используя слова Рим. 12, 2). По Павлу, «век сей» — это общество, извращенное идолопоклонством до такой степени, что стремления ученого-христианина в науке не формируются евангелием, но идут на компромисс с неверием идолопоклонников. Вторая причина — власть современных светских университетов и идей, ими распространяемых. Двадцать пять лет тому назад Чарльз Малик говорил о власти университетов, и его наблюдения остаются верными и сегодня:

*Университет, великое учреждение Запада, господствует сегодня над миром больше, чем любое другое заведение, — больше, чем церковь и правительство. Все лидеры правительства — выпускники университетов или как минимум средних школ или колледжей, чьи администраторы и учителя сами являются выпускниками университетов. То же относится ко всем руководителям церкви... Профессионалы — врачи, инженеры, юристы и т. д. — все прошли через образовательные жернова. Работники средств массовой информации также учились в университетах... Таким образом, прямо или косвенно университеты господствуют в этом мире, их влияние настолько проникающее и всеобъемлющее, что любая касающаяся их проблема отразится на всей структуре западной цивилизации. Нет более важной и безотлагательной задачи сегодня, чем исследовать состояние разума и духа западного университета.*⁴⁰³

Эл Уолтерс в труде «Живые идеи» нарисовал полезную картину силы идей, берущих свое начало в стенах университетов: «Живые идеи в том смысле, что это не отвлеченные абстракции какого-то привилегированного преподавателя, а реальные, куда-то движущиеся

⁴⁰³ Charles Habib Malik, *A Christian Critique of the University*, Pascal Lectures on Christianity and the University (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1982), 19–20.

духовные силы, марширующие в чьей-то армии, имеющие широкое влияние на нашу практическую повседневную жизнь».⁴⁰⁴ Он цитирует влиятельного экономиста XX столетия Джона Мейнарда Кейнса: «Идеи экономистов и политических философов, независимо от того, верны они или нет, более могущественны, чем кажется. Они-то, на самом деле, и управляют миром. Практики, которые считают себя достаточно свободными от интеллектуальных влияний, обычно являются рабами каких-то покойных экономистов».⁴⁰⁵

Уолтерс приводит примеры различий, проложивших путь в обычную жизнь и направляющих мысли и действия людей, — различий между фактами и ценностями, теорией и практикой. Мы неосознанно используем эти различия и так же неосознанно толкуем мир, придерживаясь взглядов какого-то давно забытого, но все еще влиятельного мыслителя. Уолтерс заканчивает: «В таких, кажущихся невинными, словах и фразах содержится все идолопоклонство мировоззрения, весь искаженный и гуманистический тип мышления, подсознательно распространяемый в нашей культуре».⁴⁰⁶ Брайн Уолш и Ричард Миддлтон проделали подобную работу в труде «План, который изменяет», показывая разрушительный эффект учений бихевиоризма на дисциплину психологии и неоклассической теории на экономику.⁴⁰⁷ Идеи — это действительно важное оружие в духовной борьбе за творение. Христианское образование должно готовить христиан любого возраста к верному свидетельству для Божьего царства на протяжении всей жизни. И наоборот, отсутствие истинного христианского учения неизбежно приведет нас к принятию господствующего мировоззрения нашего общества.

Христианские ученые и учебные заведения должны признавать, что они участвуют в двух древних ученых традициях. Первая — западная академическая традиция, уходящая корнями в древнюю Грецию, и вторая — христианская традиция участия в высшем образовании, получившая свое начало от отцов Церкви. Христианские академические заведения не должны создавать академические гетто, изобретая новый вид христианской академии с нуля. Вместо этого христианские учеб-

⁴⁰⁴ Albert M. Wolters, *Ideas Have Legs* (Toronto: Institute for Christian Studies, 1987), 5.

⁴⁰⁵ Wolters, *Ideas Have Legs*, 5

⁴⁰⁶ Wolters, *Ideas Have Legs*, 7.

⁴⁰⁷ Brian J. Walsh and J. Richard Middleton, *The Transforming Vision: Shaping a Christian World View* (Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984), 164–66.

ные заведения должны стремиться к такому участию в жизни общества, чтобы мы могли выполнять академические задачи даже рядом с теми коллегами, которые не разделяют наши религиозные убеждения. Наш вклад в культурную струю академической работы будет вытекать из христианских традиций. Сюда будет включено глубокое посвящение истине евангелия, как свету, освещающему научный мир. Таким образом, хотя христианское образование может чувствовать себя как дома в западной академической традиции, оно никогда не должно упускать из виду тот факт, что оно все же отличается от нее. История Библии предлагает всесторонний взгляд на мир, который обязан конфликтовать с взглядами, которых придерживается окружающее общество, и этот конфликт обязан формировать работу христианских ученых.

Когда дело касается науки, сформированной другими религиозными убеждениями, такое двойственное культурное положение означает следующее: с одной стороны, так как Бог верен своему творению, истинное понимание Божьего мира придет к нам от нехристианского академического общества; с другой стороны, идолопоклонство, которое лежит в основе западной академии, будет действовать, чтобы исказить это понимание. Задача христианского ученого — принять и передать в мир истинное понимание, из какого бы источника оно ни пришло, а также указать на идолопоклонство, исказившее его.

В решении задач христианского образования мы должны быть особенно осторожны, так как мы основываем свою собственную работу на Писании, отвергая легкие ответы как библицизма, так и дуализма. Подход библициста заключается в попытке заставить Библию отвечать на вопросы, на которые она не предназначена отвечать. Библия тогда становится сборником ответов на современные вопросы по разным дисциплинам. Такой подход не признает ни фундаментальной искупительной цели Писания (2 Тим. 3, 15-16), ни культурной пропасти между Писанием и нашим временем. Библицизм создает обманчиво простую линию между библейским текстом и современной наукой. Второе проблематичное использование Писания — вид дуализма, которым Библия удерживается отдельно от науки. Дуалистический взгляд предполагает, что цель Библии — обращаться только к духовным вопросам, и потому ее авторитет высок в богословии или религии — и не больше, а более широкое применение науки — вне компетенции Библии. Такой взгляд

явно противоречит заявлениям самой Библии относительно мировых масштабов искупления, и этим окончательно отвергает возможность настоящего *христианского* образования. Если в основе исследований христианских ученых не будет библейского мировоззрения, эту пустоту наверняка заполнит идолопоклонническая история общества.

Вместо того мы обращаемся к трем позитивным и законным способам, благодаря которым Писание может функционировать в науке, к подходам, которые всерьез относятся к специфической природе Писания и дистанции, существующей между библейским миром и современным. Первый и наиболее широкий способ: убежденность в том, что Писание предлагает истинную историю, при помощи которой мы находим смысл жизни и призвание, дающее нам возможность выполнять академические задачи. Второй: библейская история может быть изложена, исходя из мировоззрения, где категории творения, грехопадения и искупления уточнены с учетом их значения для нужд науки. Например, создание понятия порядка творения поможет устоять против натурализма естественных наук и релятивизма наук гуманитарных. Открытие понятия идолопоклонства поможет с определением теорий, которые сводят свое объяснение только до одной стороны творения.

Третий путь участия Писания в образовании лежит в установлении различных тем и норм, которые будут направлять ученого. Сидни Грейданас дает несколько практических примеров:

В политической науке человек руководствовался бы такими темами, как полновластие Бога, власть правительства, задача правительства продвигать библейские нормы – справедливость, свободу и мир, и обязательное повиновение граждан. В социологии человек взял бы на вооружение библейские нормы для брака, семьи и других общественных институтов. В психологии человек рассматривался бы не как животное, находящееся в определенном окружении, и не как машина, которую можно запрограммировать, а как творение исключительной ценности, поскольку только человек сотворен по образу Божьему... В экономике учитывались бы библейские идеи справедливости и служения, собственности, работы и развлечения.⁴⁰⁸

⁴⁰⁸ Sidney Greidanus, "The Use of the Bible in Christian Scholarship," *Christian Scholar's Review* 11, no. 2 (1982): 146–47.

Настоящее христианское научное сообщество характеризовалось бы как способностью проникать в суть западной культурной традиции образования, так и критической оценкой идеологической обстановки, в которой эти способности привиты. Поскольку любая академическая работа — это ведение учета порядка творения, и поскольку Бог поддерживает этот порядок и образ Божий в человечестве, образование всегда будет давать способность к проникновению в суть Божьего мира. И поскольку грех и идолопоклонство человека влияют на все стороны деятельности общества, академические способности проникать в порядок Божьего творения всегда будут до некоторой степени искажены. Христианские ученые должны работать над тем, чтобы с корнем вырывать теории из почвы идолопоклонничества, пересаживая их в почву евангелия, где они расцветут более пышно. Во всех теориях, включая их собственную, христианские ученые должны стараться различать структуру творения от идолопоклоннического религиозного направления, смиренно, честно и с молитвой направляя теоретическую работу в соответствии с библейским мировоззрением.⁴⁰⁹

Так, в психологии теория бихевиоризма поддерживает натуралистический редукционизм, который не объясняет всю сложность функционирования человека. Христианский психолог, найдя много полезного в работах бихевиористов, в собственных исследованиях не должен оставлять почерпнутые сведения в их изначальном контексте детерминистского мировоззрения, занижающем ответственность человека. Для христианина-экономиста марксистская озабоченность экономическими силами как главным объяснением человеческой истории и жизни, может открыть много способов проникновения в суть человеческой культуры и общества. Но Библия ясно учит, что не только экономические силы движут человеческой историей и поведением, религиозная приверженность — вот истинное основание поступков. Далее, библейская история показывает, что поскольку творение богато и разнообразно, существует много объединенных факторов — эмоциональный, эстетический, политический и этический, — которые формируют историю человечества. Таким образом, марксистский анализ может внести большой вклад в работу христианского экономиста, но библейское мировоззрение ис-

⁴⁰⁹ Albert M. Wolters, *Creation Regained: Biblical Basics for a Reformational Worldview*, 2nd ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 2005), 87–89. Уолтерс Альберт. Обновленное творение. Библейские основы реформатского мировоззрения. К. — СПб.: МАХИП, 2002.

правит искажения идеологического марксизма. Христианский ученый может извлечь пользу из идей феминизма для понимания того, как греховные патриархальные устои сформировали значительную часть человеческой истории и общества, но не принимать вместе с этим идею о том, что пол — единственный значимый признак человека. Христианский ученый-литератор, работающий с романтической литературой, должен ценить то, что эта традиция открыла нам о действии воображения, но он должен противостоять идолопоклоннической романтической возвышенности воображения как истине в последней инстанции. Экономист-христианин, изучающий могущественную глобальную идеологию свободного рынка, найдет понимание того, как должна функционировать экономическая жизнь, но он также может быть призван выступать против несправедливых структур, сформировавших рынок в международном масштабе.⁴¹⁰

Академия, как и другие стороны человеческой жизни, находится на поле битвы между царством Бога и царством тьмы. Обе силы соперничают в формировании и направлении академии для своих собственных целей. Для христианина это жизненно важное пространство для участия в жизни общества.

Образование

Напряженность между мировоззрениями, борьба, в которой мы должны принимать участие, если хотим жить честно на перепутье двух культур, проявляется и в сфере образования. Лесли Ньюбигин изображает эту напряженность как «секулярно-апостольскую дилемму»: как христианин может оставаться верным своей апостольской идентичности, неся свидетельство истинной истории евангелия, и все же принимать участие в общественной жизни культуры, которая была сформирована совершенно другой историей?⁴¹¹ По мнению Ньюбигина, христианин, желающий принимать участие в системе государственной школы, должен согласовать два фундаментально разных понимания цели и задачи человеческой жизни. Государство поддерживает образование для своих

⁴¹⁰ См. Bob Goudzwaard and Harry M. de Lange, *Beyond Poverty and Affluence: Toward a Canadian Economy of Care* (Toronto: University of Toronto Press, 1995).

⁴¹¹ Lesslie Newbigin, "The Secular-Apostolic Dilemma," in *Not without a Compass: JEA Seminar on Christian Education in the India of Today*, ed. T. A. Matthias et al., 61–71 (New Delhi: Jesuit Educational Association of India, 1972).

собственных целей, и так же охотно поддерживает христианское образование, если оно соответствует этим целям. Евангелие, однако, ставит абсолютно другую задачу и цель для человеческой жизни. Есть две разные цели и, следовательно, два абсолютно разных понимания цели образования. С точки зрения государства, евангелие учит детей тому, что может угрожать национальному единству. С позиции христиан, государство хочет привить мировоззрение, полностью чуждое и часто враждебное библейскому мировоззрению. Как христианину участвовать в культурном развитии и все же оставаться верным евангелию?

Современное государственное образование в большей степени сформировано мировоззрением Просвещения. Смысл этого мировоззрения для образования был оглашен в произведении Кондорсе «Набросок исторической картины прогресса человеческого разума». По мнению Кондорсе, образование должно было быть основным инструментом для реализации взглядов Просвещения. Согласно мысли Просвещения, только универсальное государственное образование, не контролируемое церковью, могло создать равенство возможностей. Невежество было врагом этого прогресса, и образование должно было способствовать гуманистическому взгляду на жизнь, передавая объединенный метод универсального научного знания следующему поколению, оснащая их для созидания более рационального общества свободы, справедливости, правды и материального процветания.

Идее Просвещения понадобилось больше двух столетий, чтобы полностью сформировать политику западного государства в отношении образования. Только сравнительно недавно мировоззрение, поддерживающее западную философию образования, подверглось серьезному переосмыслению, и результаты изменения парадигмы могут оказаться особенно важными для образования, как говорит Брайан Уолш:

Подумайте о роли истории прогресса Запада в образовании. И опять здесь приходят на помощь Ушер и Эдвардс: «Исторически сложилось так, что образование можно рассматривать как средство, которым “большой рассказ” модернизма, идеалы критического разума Просвещения, личная свобода и прогресс обоснованы и реализованы». Заберите эту историю цивилизационного прогресса, и современное массовое образование потеряет главную сторону своего raison d'être.⁴¹²

⁴¹² Brian Walsh, “Education in Precarious Times: Postmodernity and a Christian Worldview,” in *The Crumbling Walls of Certainty: Towards a Christian Critique of Postmodernity and Education*,

Если развитие образования руководствовалось больше двухсот лет преимущественно историей «прогресса через науку и технологию», историей, в которую общество уже не верит, тогда какой новой целью общество заменит ту, которая утеряна? Согласно взгляду Просвещения, цель образования – передать объединенный метод универсального знания. Но современное общество догадывается, что, собственно, передавать нечего, и возникает вопрос: что оно выберет как новую цель образования?

Экономизм и потребительство имеют такое осязаемое влияние в нашем позднем модернистском и постмодернистском мире, что неудивительно, когда Нил Постман говорит об экономической полезности, потребительстве, технологии и мультикультурализме, как о благах западного общества.⁴¹³ В таком мире, как этот, цель образования – только обеспечить полезной информацией и необходимыми навыками, которые дадут возможность студентам соперничать и выжить в джунглях мирового рынка. Согласно этому взгляду, прирост населения, уменьшение количества товаров и неумолимая жесткость конкурентного рынка требуют, чтобы студенты находили определенные преимущества в соперничестве со сверстниками; образование может оказать такую услугу, дав им то, что нужно для жизни и сотрудничества в этом мире потребления. «Проблема не в том, основано ли образование на великой истории, а в том, на какой великой истории оно будет основано. Если рассказ о капиталистическом прогрессе начинает ветшать, тогда, возможно, это и есть благоприятное время для христианского образования – предложить другую историю, которая заменит самодостаточность экономического прогресса рассказом о грядущем царстве искупления».⁴¹⁴ Как мы пропагандируем евангелие, чтобы влиять на систему образования, которая была сформирована современной гуманистической историей? Как нам вдохновить систему образования библейским взглядом на жизнь?

Нам нужно помнить о нашем призвании быть небезразличными и требовательными участниками в современной культуре, включая

---

ed. Ian Lambert and Suzanne Mitchell (Sydney: Centre for the Study of Australian Christianity, 1997), 14. Уолш цитирует Robin Usher and Richard Edwards, *Postmodernism and Education: Different Voices, Different Worlds* (London: Routledge, 1994), 2.

⁴¹³ Neil Postman, *The End of Education: Redefining the Value of School* (New York: Vintage Books, 1995), 27–58.

⁴¹⁴ Walsh, “Education in Precarious Times,” 14–15.

и культуру образования. То есть мы должны находиться в контакте со своей культурой (как участники) и одновременно быть отделены от нее (как соблюдающие критическую дистанцию от идей, на которых основана западная культура).

Прежде всего, давайте подумаем о своей роли участников. Некоторые христиане решили создать отдельные христианские школы или давать детям домашнее образование (решение, которое мы поддерживаем всем сердцем), и таким образом уклонились от прямого участия в общем образовании. Опасность этих путей состоит в том, что они могут изолировать нас от ближних и заставить забыть, что мы должны быть участниками развития своей культуры. Мы разделяем со своими ближними, которые не являются христианами, общую задачу передачи понимания от одного поколения к другому, чтобы подготовить своих детей к жизни в этом мире. Стюарт Фаулер говорит о нашей обязанности участия в окружающей культуре образования, невзирая на выбранные нами конкретные методы образования для своих собственных детей:

Мы призваны не для того, чтобы организовывать закрытые христианские общества в этом мире, но чтобы проникать, как соль, в этот мир. Наши христианские общества заслуживают ярлыка «христианские» только тогда, когда они содействуют проникновению в этот мир, в соответствии со словами молитвы Иисуса: «Как Ты послал Меня в мир так и Я послал их в мир» (Ин. 17, 18). Правомерно поддерживать христианские школы и колледжи как олицетворение нашей общности во Христе. Они неэффективны, если функционируют в рамках закрытой христианской образовательной сети. Чтобы быть аутентичными, они должны быть открыты для других учебных обществ в окружающем мире. Мы не можем быть честными христианами, изолируя себя от окружающего нас мира. Напротив, такая изоляция отрицает наше призвание и опровергает наше свидетельство.⁴¹⁵

Итак, мы должны принимать серьезное участие в своей культуре. Для того чтобы продемонстрировать солидную образовательную практику, мы должны показать, что наш взгляд на образование основан на мировоззрении, которое значительно отличается от окружающей

⁴¹⁵ Stuart Fowler, "Communities, Organizations, and People," *Pro Rege* 21, no. 4 (June 1993): 24.

культуры и принимает фундаментально другие предпосылки. Наша задача — бороться с создавшейся в нашей культуре традицией образования, стремясь верно толковать евангелие (и смысл евангелия для образования) в этом окружении. Нам не стоит пренебрегать ценными наблюдениями западной светской образовательной традиции, но мы должны пересадить их в почву евангелия.

Это, конечно, задача на годы, а не на часы. Это также явно общественная задача, превосходящая возможности любого человека или семьи, задача на пересечении культур и поколений. Поэтому каждый из нас может сыграть только малую роль в продвижении цели истинного христианского образования. Мы часто будем обнаруживать, что делаем всего лишь маленькие шаги на пути, который уже прошли верные христиане ушедших поколений. Но все же мы призваны быть верными, а небольшой прогресс намного лучше, чем никакого. Тогда с чего же нам начать?

Чаще всего размышление о том, как евангелие может оказывать влияние, имело место в среде движения христианских школ. Нет сопоставимого объема литературных произведений ни от тех, кто работает в общеобразовательной системе, ни от тех, кто занимается домашним образованием. Движение христианских школ достаточно хорошо изложило образовательную теорию с позиции христианского мировоззрения. Существует большое количество литературы на такие темы, как христианская (библейская) перспектива в обучении и изучении, формирование христоцентричной программы и прививание христианского воззрения на жизнь и мир. Понимание, приобретенное от таких перспективных исследований, оказывает влияние на вопросы целей образования, педагогики, программы, руководства и образовательной структуры.⁴¹⁶ Эти размышления, с точки зрения профессиональных

---

⁴¹⁶ Некоторые хорошие места для начала — David I. Smith and John Shortt, *The Bible and the Task of Teaching* (Stapleford: Stapleford Centre, 2002); Harro Van Brummelen, *Walking with God in the Classroom: Christian Approaches to Learning and Teaching* (Burlington, ON: Welch, 1988); Richard Edlin, *The Cause of Christian Education*, 3rd ed. (Northport, AL: Vision Press, 1999); Ian Lambert and Suzanne Mitchell, eds., *The Crumbling Walls of Certainty: Towards a Christian Critique of Postmodernity and Education* (Sydney: Centre for the Study of Australian Christianity, 1997); John Van Dyk, *The Craft of Christian Teaching: A Classroom Journey* (Sioux Center, IA: Dordt College Press, 2000); idem, *Letters to Lisa: Conversations with a Christian Teacher* (Sioux Center, IA: Dordt College Press, 1997); Albert Greene, *Reclaiming the Future of Christian Education: A Transforming Vision* (Colorado Springs, CO: Association of Christian Schools International, 1998).

христианских преподавателей, открывают много возможностей для всех христиан, которые принимают или хотят принимать участие в образовании: либо в христианских школах в рамках государственной системы, либо в домашнем образовании.

Название статьи, написанной Джоном Халлом, дает нам возможность обратить внимание на основной вопрос в этой литературе: «Стремясь к христианскому образованию, соглашайтесь на христиан-преподавателей».⁴¹⁷ Христианское образование является (или должно быть) явной альтернативой государственной школьной системе, отвергая идолопоклонство культуры (и особенно гуманистическое мировоззрение), большей частью сформировавшее государственное образование. Христианское образование должно основываться на явно выраженных и всесторонних принципах, направленных на преобразование всей системы образования в ее целях, задачах, программах, педагогике, оценке и руководстве. Но Халл предупреждает, что вместо истинного христианского образования мы часто соглашаемся на преподавание тех же предметов христианами, то есть мы идем на компромисс, уподобляя учебный процесс преподаванию в государственной школе, и затем уделяем некоторое внимание вопросам моральной чистоты, благочестивому поведению и библейскому пониманию некоторых тем, таких как вопрос о происхождении мира в Быт. 1. Такой подход дает немного больше, чем поддержание гуманистического статуса-кво в образовании. Таким образом, Халл показывает различие между образованием, действительно сформированным христианским мировоззрением, и образованием, которое (хоть и преподается посвященными, исполненными благих намерений христианами) остается под сильным влиянием господствующей гуманистической парадигмы.

Джек Михельсен в произведении «Торт без глазури» ясно представляет это различие: «Соотнести евангелие и образование — это не просто положить религиозную глазурь на образовательный торт, который без этой глазури был бы светским. Те, кто исповедуют имя Христа, призваны развивать обучение и изучение, основанное на Слове Божьем. Признавая искупление всего творения Христом, христиане создадут свежие и новые подходы в образовании — совершенно новый торт!»⁴¹⁸

⁴¹⁷ John E. Hull, "Aiming for Christian Education, Settling for Christians Educating: The Christian School's Replication of the Public School Paradigm," *Christian Scholar's Review* 32, no. 2 (2003): 203–23.

⁴¹⁸ Jack Mechielsen, предисловие к книге: *No Icing on the Cake: Christian Foundations for Education* ed. Jack Mechielsen (Melbourne: Brookes-Hall, 1980), vi.

Проблема с подходом «глазури на торте» или с компромиссной позицией «преподавания христианами» в том, что эти модели молчаливо принимают ложные предпосылки Просвещения, гласящие: образование является религиозно нейтральным и поэтому может быть отделенным от религии.⁴¹⁹

Любое плодотворное обсуждение христианского образования должно учитывать всеобщую задачу или цель самого образования. В работе «Конец образования» Постман описывает эту тему как центральную в кризисе государственного образования в конце XX и начале XXI столетий. Для чего мы даем образование? Ведь если у образования нет общей цели, то ему наверняка настал конец. Постман замечает, что за всеми нашими разговорами о педагогике, образовательных структурах, процессах и политике, мы редко учитываем причину самого образования — его цель. Но образование, настаивает Постман, не может развиваться без служения какому-то богу, без нахождения своего места во «всеобъемлющем повествовании о том, каков мир, как все стало таким, как есть, и что лежит впереди... потому что вне исторического контекста жизнь не имеет значения. Школы без цели — это дома заключения, а не обучения».⁴²⁰ Недостаток сознательного размышления о цели или задачах образования ведет нас к тому, что мы принимаем, по умолчанию, те цели, тех богов, которые были сформированы культурой в кризисе.

Как мышление модерна, так и постмодерна о цели образования открыло понимание того, для чего мы даем образование своим детям. Мы можем согласиться с большинством государственных преподавателей, что образование должно вооружать студентов для выполнения положительной и продуктивной роли в обществе; без сомнения, построение лучшего общества — это достойная цель, к которой христиане могут направить свои силы. Хотя христиане могут расходиться во мнениях, каким должно быть это «лучшее общество», они могут поддержать образовательную цель передаваемого понимания, чтобы воспитать хороших граждан. Подобным образом большинство христиан поддержит более недавнюю трактовку цели образования: дать детям понимание и навыки, необходимые для того, чтобы позаботиться

⁴¹⁹ Roy Clouser предлагает опровержение этого в области теории образования в книге: *The Myth of Religious Neutrality: An Essay on the Hidden Role of Belief in Theories*, rev. ed. (Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2005).

⁴²⁰ Postman, *The End of Education*, 7.

о себе и о своих семьях. Способность заработать на жизнь и позаботиться о своих нуждах — это разумная цель, которой христиане могут поделиться со своими ближними, нехристианами.

Все же идолопоклонство, присутствующее во многих нынешних образовательных теориях и практиках, должно быть обнаружено и отвергнуто. Сциентизм Просвещения, утверждающий, что наука приведет нас к лучшему обществу, — это идол, чья неспособность выполнить обещанное теперь очевидна. Потребительство также должно быть отвергнуто — обучение наших детей играть в потребительские игры будет подобно капитуляции в ханаанское идолопоклонство, как это сделал Израиль в обетованной земле.

Желая ясно выразить истинно библейскую цель для образования, мы можем обдумать любое количество полезных предложений, высказанных христианскими преподавателями за последние несколько лет, таких как воспитание для ответного ученичества,⁴²¹ для свободы,⁴²² для ответственного действия,⁴²³ для шалома,⁴²⁴ для обязанности.⁴²⁵ Другая формулировка, ищущая подтверждения библейского основания для образования, гласила бы, что ее цель — учить для свидетельства. Как Божий народ, мы призваны свидетельствовать всей своей жизнью о грядущем правлении Бога. Образование необходимо, чтобы вооружить студентов знаниями, необходимыми для того, чтобы верно свидетельствовать о евангелии всей своей жизнью.

Слово «свидетельство» несет в себе один важный нюанс, а именно противостояние христианства культуре. Слишком часто христианское образование невольно учит студентов не бросать вызов существующей культуре, а наоборот, приспосабливаться к ней. Часто целью христианских учебных заведений является только учредить себя и получить признание согласно господствующим стандартам, даже когда эти стандарты

⁴²¹ Gloria Stronks and Doug Blomberg, *A Vision with a Task: Christian Schooling for Responsive Discipleship* (Grand Rapids: Baker Academic, 1993).

⁴²² Stuart Fowler, Harro Van Brummelen, and John Van Dyk, eds., *Christian Schooling: Education For Freedom* (Potchefstroom: Potchefstroom University for Higher Education, 1990).

⁴²³ Nicholas Wolterstorff, *Educating for Responsible Action* (Grand Rapids: CSI Publications; Eerdmans, 1980).

⁴²⁴ Nicholas Wolterstorff, *Educating for Shalom: Essays on Higher Education*, ed. Clarence W. Joldersma and Gloria Goris Stronks (Grand Rapids: Eerdmans, 2004).

⁴²⁵ Elmer J. Thiessen, *Teaching for Commitment: Liberal Education, Indoctrination, and Christian Nurture* (Montreal: McGill's-Queens University Press, 1993).

взяты из мировоззрений, которые мы не можем поддерживать. Иногда мы позволяем стандартам светского мировоззрения формировать свое мнение о том, каким должно быть образование наивысшего качества. Свидетельство — это напоминание, что во всех сферах жизни, включая и образование, наши основные предпосылки, касающиеся вопросов веры, противостоят предпосылкам наших неверующих собратьев. Свидетельство требует миссионерской встречи. И свидетельство должно быть широкое, включающее в себя весь наш человеческий опыт: мы — свидетельство Христово во всех сферах общества, включая образование. Настоящее христианское образование предназначено для свидетельства.

Мы также должны воспринимать как свидетельство само существование христианского образования. Это наблюдение должно предупреждать об опасности, с которой часто встречаются те, кто обучает на дому и в христианских школах — мы рискуем спрятать под сосудом свет образования. Намного удобнее уйти в свои учебные анклавы на безопасное расстояние от государственных школ, чем показать, кто мы и чьи мы. Осмелившиеся бросить вызов господствующим системам образования могут вызвать недоброжелательные проверки, потерю финансирования или признания, маргинализацию. Мы можем столкнуться с тяжелыми вопросами, на которые не сможем ответить. Однако наш метод образования должен быть сам по себе свидетельством. Другими словами, мы не должны просто готовить студентов для свидетельства, но в самом деле образования, согласно евангелию, мы должны действовать как свидетели от образования. Образование заблудилось в темном мире, и нам нужно пролить на него свет Иисуса Христа.

Если цель свидетельства твердо укоренится в наших сердцах и рассуждениях, тогда наши решения относительно программы, педагогики, руководства и других сторон задач образования будут определяться нашей целью образования. Пытаясь преодолеть предписания правительства в отношении программы, мы также примем во внимание, чему нужно научить, чтобы подготовить студентов к жизни свидетельства. Привлекая главенствующие учебные структуры, педагогические практики и оценочные процедуры, мы подумаем, как этого можно лучше достичь в школе, где центром является Иисус Христос. В любом случае, мы должны выйти на культурную арену образования, чтобы принимать участие в сегодняшней культурной традиции, но с желанием оставаться верными всеохватывающей истории Писания. Мы можем

многому научиться у тех наших ближних, которые разделяют с нами задачу образования, но которые работают, исходя из других убеждений. Мы должны оценивать образование критически — с позиции евангелия, христианского мировоззрения и христианской философии образования, чтобы различать основы идолопоклоннической культуры, которая окружает нас, и то, как эти основы продиктовали форму государственного образования, такого, каким оно есть сейчас.

Христиане отличаются между собой в том, как следует относиться к государственной системе образования, главному институциональному носителю взгляда Просвещения. Так как система государственной школы была сформирована сверху донизу этим мировоззрением, взглядом на жизнь и образованием, несовместимым с евангелием, встает вопрос: «Должны ли наши пути расходиться с государственными школами, и если да, то как?» Некоторые христианские преподаватели и учащиеся сочли правильным продолжать выполнять свое призвание в рамках системы государственного образования, и из них некоторые (возможно, многие) сделали это, подчинившись истории Просвещения, которая относится к религии, как личному делу, таким образом увековечивая миф о нейтралитете религии. Некоторые оправдывают такое приспособление, прибегая к отчасти узкому определению благовестия — они говорят, что им представилась возможность говорить о евангелии своим сотрудникам и студентам. Опасность такого подхода лежит в том, что здесь пренебрегается один нюанс: вся система государственных школ, имея немало хорошего, была сформирована различными идолами гуманизма. Но есть христиане, которые прекрасно осознают эту опасность и усердно работают над тем, чтобы остаться верными евангелию, работая в системе государственных школ — они видят в этом лучший способ использовать время возможностей для благовестия. Другие христиане все же решили, что мощь гуманистической традиции в государственных школах слишком велика, чтобы ей противостоять изнутри, и устроились — либо организовав отдельные христианские школы, либо практикуя в какой-либо форме домашнее образование. Однако и в государственных школах, и в отдельных христианских школах и в домашнем образовании задача верующего общества — нести евангелие, которое будет влиять на образование.

Мы верим, что каждый из этих подходов может обнаружить свои явные преимущества. Каждый подход также окружен опасностями. Так

мы и закончим этот раздел книги некоторыми вопросами для каждой группы, вопросами, которые смогут помочь читателю оставаться верным свидетелем на своем избранном пути.

Для тех, кто обучает на дому: какие формы домашнего образования дадут вам возможность выполнить трудную задачу обучения по-христиански? Каков ваш настоящий мотив в обучении на дому: воспитать характер, дать более doskonaльное образование, чем могут дать школы, защитить своих детей от нечестия этого мира? Эти цели могут быть похвальными, но этого недостаточно. Является ли вашей целью подготовить верных учеников для свидетельства евангелия на протяжении всей жизни? Если мы хотим, чтобы история грядущего царства действительно формировала наше образование, — это будет огромная задача. И опять, какие формы домашнего образования помогут вооружить родителей и семьи для ее выполнения?

Для христианских школ: насколько альтернативным представляется обучение в христианских школах по отношению к образовательной модели государственной школы? Как Джон Халл, так и Кэн Бедли задавались вопросом: действительно ли христианские школы так сильно отличаются от своих государственных аналогов?⁴²⁶ Халл, изучив жизнь тринадцати христианских средних школ в Канаде, в процессе «просеивания десятков опросов, интервью, и записей наблюдений» пришел к выводу, что «в целом, не было ничего заметно христианского в этих школах, исходя из их учебного плана, педагогики, процедур оценивания, организационной структуры или образа жизни их учеников».⁴²⁷ И что вызывает еще большее разочарование — его более ранний комментарий: «Насколько я могу судить, христианские школы не дают альтернативного христианского образования, если под этим термином мы подразумеваем, что наша библейская перспектива в жизни ведет к библейской модели образования».⁴²⁸ Возможно, Халл слишком пессимистичен в своих выводах. Но в любом случае он ясно говорит, что осуществление явного христианского видения образования необычайно тяжело. Сила человеческих традиций, ожидания родителей, ограниченное время, способности к обучению многих учителей;

⁴²⁶ См. Ken Badley, "Two 'Cop-Outs' in Faith-Learning Integration: Incarnational Integration and Worldviewish Integration," *Spectrum* 28, no. 2 (Summer 1996): 110.

⁴²⁷ Hull, "Aiming for Christian Education," 208.

⁴²⁸ Там же, 207.

давление государственных требований, распространенное понимание образовательного «качества», которое было сформировано сугубо гуманистическим мировоззрением — все говорит против этого предприятия. Сторонники христианских школ сталкиваются лицом к лицу с этой проблемой и задаются вопросом: «Что нужно для того, чтобы преодолеть эти значительные препятствия?»

Для христиан, решивших остаться в системе государственных школ: какие образовательные формы дадут вам возможность учить ваших детей в истинно христианском духе? Этот вопрос предполагает следующее: во-первых, осознание, что государственная система построена на идеологических основах, не являющихся нейтральными, а скорее, в какой-то мере, находится в оппозиции к евангелию; во-вторых, очень тяжело любому человеку устоять против силы гуманистической традиции в рамках системы государственных школ. Таким образом, как можно выполнить задачу, к которой вы призваны, в обществе других, разделяющих такие же убеждения?

Если Божий народ хочет остаться верным своему призванию в обучении, тогда общество и сотрудничество имеют большое значение. Какой бы путь ни был избран, христиане должны трудиться сообща, идти рука об руку для обретения силы, ободрения, практической поддержки и молитвы. Во многих отношениях будущее свидетельство церкви в западной культуре зависит от сегодняшней верности в выполнении этой задачи.

Пасторский эпилог

Желая разбудить христианское воображение важностью христоцентричного мировоззрения в разных сферах жизни, мы обнаружили, что многие радуются более широкому видению христианской веры, чем это было раньше, но все же испытывают потрясение от объема того, что еще должно быть сделано. Изучение мировоззрения может принести более полное осознание не только подлинного масштаба евангелия и нашей миссии, религиозной силы и полного размаха нашей светской «веры», но и чувство невыносимого давления от жизни на перепутье, где эти две истории пересекаются. Часто растущая осведомленность побуждает нас учитывать размах, сложность и трудность евангельского свидетельства. Мы то позволяем себе думать, что можем возвестить приход царства уже завтра, то впадаем в уныние, задаваясь вопросом: «Кому вообще под силу выполнить эту задачу?» Чрезмерная самоуверенность первой реакции идет на убыль, когда становится ясно, как трудно нести свидетельство о царстве падшему, оскверненному миру. Ответом на последний вопрос, конечно же, будет то, что никто не в состоянии выполнить такую задачу. Ну и что же теперь? В заключение хочется привести несколько слов, которые помогут нам не упускать из виду самое важное, поддержат нас в тяжелом и высоком призвании быть свидетелями Божьего царства.

Во-первых, мы посланы в мир не одни и живем не без поддержки других людей. Иисус заботился о передаче евангельской вести на протяжении всей истории для всех народов мира, создавая и посылая на служение не группу отдельных людей, а общность. «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин. 20, 21), где слово «вас» не зря стоит во множественном числе. Свидетельство о Благой вести царства в среде наших народов — это совместное свидетельство.

Свидетельство не осуществляется в изоляции. Мы нужны друг другу во многих случаях. Каждому из нас необходимо принять решение быть задействованным в служении местной общины, где мы питаемся Словом Божиим и получаем поддержку и для миссионерской встречи с обществом, и в неизбежных страданиях, которые принесет такая встреча. Нам нужно будет собираться для молитвы, чтения, изучения и обсуждения Писания с другими единомышленниками поместной церкви, с теми, кто также воспринимает всерьез необходимость верного свидетельства в общественной жизни, а также с теми, чье призвание (занятия, профессия, интересы) схоже с нашим. Нам нужно будет

ознакомиться и использовать умножающиеся ресурсы, доступные в интернете, в материалах конференций, в книгах и журналах, которые могут помочь нам в решении вопросов христианского мировоззрения.

Кроме того, только высокая духовность может помочь нам в выполнении нашей задачи.⁴²⁹ Заимствуя слова Ницше, Юджин Питерсон описывает, что включает в себя свидетельство о царстве: христиане нуждаются в «непрестанном и целенаправленном послушании».⁴³⁰ Вспомните, например, что Уильям Уилберфорс боролся за отмену рабства всю свою сознательную жизнь. Только глубокая укорененность во Христе может поддержать нас в такой работе. Когда Иисус готовил своих учеников для миссии в этом мире (Ин. 13–17), он очень ясно сказал, что не может быть плода без пребывания в нем, Иисусе (Ин. 15, 1-11). Апостол Павел употребляет похожую садоводческую метафору, добавляя к ней строительный образ, увещевая колосских христиан в своем служении пребывать во Христе, укореняясь в нем и строя основание на фундаменте евангелия (Кол. 2, 6-7). В истории христианской Церкви была сильная традиция борьбы между созерцательной и активной жизнью — за баланс между жизнью молитвы и участием в жизни общества — *ora et labora*.⁴³¹ Но на практике эти два подхода могут не оправдывать себя. Если мы хотим получить поддержку в верном и активном свидетельстве о господстве Христа в общественной жизни, нам нужно будет развивать живую духовность, чтобы созерцательная жизнь могла подпитывать активную и наоборот. Как говорится в католическом документе «Назад ко Христу»:

Настоящая духовная жизнь требует, чтобы каждый, при всем разнообразии призваний, постоянно, каждый день посвящал должное время глубокому тихому разговору с тем, кто, как известно, любит всех, чтобы рассказать ему обо всей своей жизни и получить просвещение для ежедневной жизни. Это занятие требует верности, потому что нас постоянно донимают отчужденность и произвол, исходящие от современного общества, особенно от средств массовой информации. Иногда верность личной и литургической молитве будет требовать настоящих усилий,

⁴²⁹ Читатели могут обращаться за справкой к прекрасным работам Юджина Петерсона о духовности.

⁴³⁰ Eugene H. Peterson, *A Long Obedience in the Same Direction: Discipleship in an Instant Society*, 2nd ed. (Downers Grove, IL: InterVarsity, 2000).

⁴³¹ См., например, часть 2 книги: Edward C. Butler, *Western Mysticism: The Teaching of Augustine, Gregory and Bernard on Contemplation and the Contemplative Life*, 2nd ed. (New York: Harper & Row, 1966), 157–223.

чтобы не позволить себе быть поглощенными бурной активностью.
Иначе невозможно будет приносить плод.⁴³²

Мы не можем быть верными свидетелями без духовной подпитки из Писания, молитвы, размышления и общения.

Более того, нам нужно понять, что наше свидетельство, прежде всего, — это работа Духа Божьего. Те, кто были наиболее красноречивыми в обосновании необходимости контакта и встречи с культурой, часто заражаются болезнью активизма. Епископ из Восточной Европы однажды сказал Майку, что больше всего его поразило в христианстве Северной Америки то, что оно, по-видимому, управляемо гуманистической самоуверенностью. Такой вид слепого доверия человеческой силе — верный рецепт истощения и уныния. Мы наверняка не призваны к созданию Божьего царства, эта метафора никогда не используется в Писании, несмотря на ее популярность в некоторых кругах. Слово «свидетельство» — в жизни, слове и деле — намного лучше описывает, что нам нужно сделать и какими быть. Мы не несем ответственности за успех своего свидетельства — мы не творцы истории и не призваны направлять ее к конечной цели. Эти цели надежно покоятся в руке всемогущего Бога.

В миссионерских кругах язык *missio Dei* (Божья миссия) стал общеизвестным, и это хороший момент.⁴³³ В XIX столетии и в начале XX века служение миссий среди разных культур было до некоторой степени искажено той же верой в человеческое планирование и успех, которая заразила идеей прогресса модернизма западную культуру от самого ее основания. Позднее смиренное миссионерское общество снова открыло учение Писания, что мы, как церковь, участвуем в том, что Бог делает в истории. Отец имеет долгосрочную цель по восстановлению творения и осуществляет эту цель с самого начала (поэтому, в основном, без нашей помощи). Он послал своего Сына для выполнения этой задачи, а сейчас, по его приглашению и повелению, мы посланы в силе Духа свидетельствовать о том, что он совершил, совершает и еще совершит. Не случайно Иисус сказал только что

⁴³² Конгрегация общества святой жизни и общества апостольской жизни, *Starting Afresh from Christ: A Renewed Commitment to Consecrated Life in the Third Millennium* (Montreal: Médiaspaul, 2002), 49.

⁴³³ См. David Bosch, *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission* (Maryknoll, NY: Orbis, 1991), 389–93. Бош Дэвид. Преобразования миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб.: Библия для всех, 1997.

сформированной христианской общине, что выполнение поручения начнется тогда, когда изольется Дух Святой (Деян.1, 8).

Все это гораздо больше, грандиознее, чем наш отрезок истории, географические координаты, кусочек нашей культуры и все наши слабые труды. Бог действует, и его цели будут достигнуты. Мы призваны только силою его Духа свидетельствовать в своей жизни, словах, действиях о том, что он совершает. И, таким образом, мы можем работать и отдыхать с радостью. Такая спокойная и уверенная радость редко встречается среди активистов. Мы не должны забывать, что Иисус, подготавливая своих учеников к исполнению миссии в мире, явно одарил их своим миром (Ин. 14, 27; 16, 33) и своей радостью (Ин. 15, 11; 16, 20-24; 17, 13).

И, наконец, мы можем трудиться в общественной сфере, не теряя надежды. Мы можем быть уверены, что благодаря тому, что совершил Христос, финал всемирной истории очевиден: Божье царство придет к своей славной полноте. Однако этот день еще не наступил, и поэтому он может казаться миражом, просто мечтой. Наша жизнь должна характеризоваться тем, что Уэнделл Берри называет «тяжелой надеждой».⁴³⁴ Не удивительно, что Библия неоднократно призывает верующих, как бы ни были тяжелы их обстоятельства, жить в надежде. Надежда — это уверенная определенность и надежная гарантия, что, благодаря совершенному Иисусом, Божьи цели для его творения наверняка будут осуществлены.

Иисус находится в конце истории, как ее последний Судья, и то, что он совершил, будет основанием для этого последнего суда. В этом отношении Писание уверяет нас в трех вещах. Во-первых, нам обещано, что те, кто находится на стороне Христа, будут окончательно оправданы — мы можем быть уверены, что, если мы отдаем себя полностью труду Господнему и ищем, прежде всего, его царства, наш труд не будет тщетен (1 Кор. 15, 58). Во-вторых, мы знаем, что будем судимы не на основе того, успешны ли мы были (по человеческим стандартам), а, скорее, на основе того, были или не были мы верными. Карл Маркс закончил одну из своих книг такими словами: «Философы только по-разному объясняли мир, а задача в том, чтобы изменить его».⁴³⁵ Но веря в то, что человечество в силах изменить мир, Маркс просто ошибался.

⁴³⁴ Wendell Berry, "A Poem of Difficult Hope," in *What Are People For? Essays by Wendell Berry* (New York: North Point, 1990), 58–63.

⁴³⁵ Karl Marx, *Theses on Feuerbach, thesis 11* (1845).

Мы, христиане, страстно желаем увидеть мир, измененный евангелием, и знаем, что когда вернется Иисус, мир будет изменен. А пока не пришел этот день, мы надеемся, что наши собственные усилия послужат для осолоения, для добра. Однако не следует менять мотивы своих дел. Наши усилия могут повлиять на мир, а могут и не повлиять. И даже если они и возымеют свое действие, это может быть временным. Конечно же, все человеческие усилия в конце концов будут похоронены под булыжниками истории. Нашей целью должно быть оставаться верными евангелию, предоставляя результаты работе Божьего Духа.

В-третьих, хотя человеческие способности ограничены, мы можем быть уверены: то, что сделано для Христа и его царства, пребудет вечно. Павел применяет одну из своих любимых метафор из области архитектуры, когда говорит о своем призвании от Бога (и каждый из нас может применить его наблюдения к своему призванию в обществе). Павел говорит, что каждый из нас должен строить на основании евангелия Иисуса Христа. Материалы, которые мы должны использовать, — это золото, серебро и драгоценные камни, потому что, в отличие от дерева, сена и соломы, они успешно пройдут испытание огнем Суда. Огонь Божьего суда испытает качество работы каждого человека, верные попытки пребывать в гармонии с Божьим царством не будут разрушены (1 Кор. 3, 10-15), а все честные достижения общества найдут свое место на новой земле (Откр. 21, 26). Об этом хорошо говорит Джим Скиллен:

Мы можем работать в политике с правильными ожиданиями (и мы бы добавили, в каждой сфере общественной жизни), зная, что наши дела пойдут за ними... Моисей молится в Псалме 89: «В деле рук наших споспешествуй нам». В последнем откровении Иисуса Христа записано, что Божье благословение приходит к тем, кто умирает в Господе, как говорит Дух: «Они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13). Все, что мы делаем в Господе силою Его Духа, в политике и в любом другом земном занятии, будет доведено до совершенства в последнюю Субботу. Мы можем быть уверены, что наши дела праведности теперь являются делами царства, которые никогда не исчезнут. Христос собирает их в свое великое хранилище драгоценностей. Они — золотые и никогда не будут разрушены огнем, потому что это плоды Божьего труда искупления в нас.⁴³⁶

⁴³⁶ James W. Skillen, "Christian Action and the Coming of God's Kingdom," in *Confessing Christ and Doing Politics*, ed. James W. Skillen (Washington, DC: Association for Public Justice Education Fund, 1982), 102–3.

Мы можем исповедать это с радостью и уверенностью, с верой и надеждой:

*Наша надежда на новую землю не связана
усилиями человека,
потому что мы верим: придет день,
когда любой вызов Божьему правлению
и любое противление воле его будет сокрушено.
Тогда его царство наступит во всей полноте,
и наш Господь будет править вовеки.*

*Мы ждем того дня,
когда Иисус вернется, наш торжествующий царь,
когда мертвые воскреснут,
и все народы предстанут пред ним на суд.
Мы встретим этот день без страха,
так как грозный Судья – также и наш Спаситель.
Каждый день нашей жизни и служения ждет часа,
когда Сын представит Отцу свой народ.
Когда Бог откроется во всей истине, святости и милости.
И все, кто были на стороне Господа, будут удостоены чести,
и даже самые малые плоды послушания будут открыты...*

*Мы ликуем о благодати Бога,
отвергаем дела тьмы
и посвящаем себя святой жизни.
Как участники завета, призванные к истинному повиновению
и освобожденные для радостной хвалы,
мы посвящаем свои сердца и всю жизнь на то,
чтобы творить богоугодные дела в его мире.
С нетерпением желая увидеть конец несправедливости,
мы ожидаем Дня Господня.
И мы уверены, что свет,
который только лучиком пронзает нынешнюю тьму,
наполнит землю при явлении Христа.*

*Гряди, Господь Иисус!
Наш мир принадлежит тебе!⁴³⁷*

⁴³⁷ Christian Reformed Church, *Our World Belongs to God: A Contemporary Testimony* (Grand Rapids: CRC Publications, 1987), paragraphs 56, 57, 6

Библиография

- Ауэрбах Эрих. *Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе*. М.; СПб.: Per Se; Унив. кн., 2000.
- Бартоломью Крейг, Гохин Майкл. *Драма Писания*. Черкассы: Коллоквиум, 2009.
- Бейнтон Р. Г. *На сем стою. Жизнь Мартина Лютера*. Заокский: Источник жизни, 1996.
- Бош Дэвид. *Преобразования миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности*. СПб.: Библия для всех, 1997.
- Декарт Рене. *Рассуждение о методе, дабы хорошо направлять свой разум и отыскивать научные истины. С подробным изложением учений Декарта о мире и человеке*. М.: РГБ, 2009.
- Дильтей Вильгельм. *Собрание сочинений в 6 т.* М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Кайпер Авраам. *Христианское мировоззрение. Лекции по кальвинизму*. СПб.: Шандал, 2002.
- Льюис Клайв Стейплз. *Просто христианство*. М.: Дом надежды, 2005.
- Нибур Х. Р. *Христос и культура*. М.: Юристъ, 1996.
- Ницше Фридрих. *Веселая наука. Злая мудрость*. М.: Эксмо, 2008.
- Плантинга Корнелий. *Не так все было задумано. Краткое изложение сущности греха*. СПб.: Мирт, 2006.
- Полани М. *Личностное знание. На пути к посткритической философии*. М.: Прогресс, 1985.
- Райт Н. Т. *Иисус и победа Бога*. М.: ББИ, 2004.
- Рорти Ричард. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997.
- Сайр Джеймс. *Парад миров. Типология мировоззрений*. СПб.: Мирт, 1997.
- Стотт Джон. *Новые проблемы современных христиан*. Черкассы: Смирна, 2004.
- Тарнас Ричард. *История западного мышления*. М.: Издательский дом «КРОН-пресс», 1995.
- Уолтерс Альберт. *Обновленное творение. Библейские основы реформатского мировоззрения*. К. — СПб.: МАХИШ, 2002.
- Фуко Мишель. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: А-сад, 1994.
- Хантингтон Сэмюэл Филиппс. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2006.

- Шмеман Александр Дмитриевич. *За жизнь мира*. Нью-Йорк: Religious Books for Russia, 1983.
- Юнг Карл Густав. *Проблемы души нашего времени. Учебное пособие*. М.: ФЛИНТ, 2006.
- Ahmad, Khurshid. *Islam: Its Meaning and Message*. London: Islamic Foundation, 1975.
- Ahmed, Akbar S. *Postmodernism and Islam: Predicament and Promise*. London: Routledge, 1992.
- Auerbach, Erich. *Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature*. Trans. Willard R. Trask. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968.
- Bainton, Roland H. *Here I Stand: A Life of Martin Luther*. New York: Penguin, 1995.
- Barth, Karl. *Church Dogmatics*, vol.3, The Doctrine of Creation: Part 1. Eds. G. W. Bromily and T. F. Torrance. Edinburg: T & T Clark, 1958.
- Bartholomew Craig et. al., eds. *A Royal Priesthood? The Use the Bible Ethically and Politically: A Dialogue with Oliver O'Donovan*. Scripture and Hermeneutics 3. Grand Rapids: Zondervan, 2002.
- Bartholomew Craig G. and Michael W. Goheen. *The Drama of Scripture: Finding Our Place in the Biblical Story*. Grand Rapids: Baker Academic, 2004.
- Bavinck, Herman. *The Doctrine of God*. Ed. and trans. William Hendriksen. Twin Brooks Series. Grand Rapids: Baker Academic, 1977.
- _____. *The Philosophy of Revelation*. Grand Rapids: Baker Academic, 1979.
- Becker, Carl. *The Heavenly City of the Eighteenth-Century Philosopher*. New Haven: Yale University Press, 1932.
- Berkhof, Hendrikus. *Christ the Meaning of History*. Grand Rapids: Baker Academic, 1966.
- _____. *Christian Faith: An Introduction to the Study of the Faith*. Grand Rapids: Eerdmans, 1979.
- Berkouwer, G. C. *Studies in Dogmatics*, trans. Phillip C. Holtrop. Grand Rapids: Eerdmans, 1971.
- Berry, Wendell. *The Unsettling of America: Culture and Agriculture*. San Francisco: Sierra Club Books, 1997.

- Bianco, Anthony. *The Bully of Bentonville: How the High Cost of Wal-Mart's Everyday Low Prices Is Hurting America*. New York: Doubleday, 2007.
- Blamires, Harry. *The Christian Mind*. London: SPCK, 1963.
- Blocher, Henry. *In the Beginning: The Opening Chapters of Genesis*. Trans. David Preston. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984.
- Bosch, David. *Believing in the Future: Toward a Missiology of Western Culture*. Valley Forge, PA: Trinity Press International, 1995.
- _____. *Transforming Mission: Paradigm Shifts in Theology of Mission*. Maryknoll, NY: Orbis, 1991.
- Brinton, Grane. *The Shaping of the Modern Mind: The Concluding Half of Ideas and Men*. New York: New American Library, 1953.
- Carlson-Thies, Stanley W. and James W. Skillen, eds. *Welfare in America: Christian Perspectives on a Policy in Crisis*. Grand Rapids: Eerdmans, 1996.
- Casey, Edward S. *Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World*. *Studies in Continental Thought*. Bloomington: Indiana University Press, 1983.
- Chapman, Colin. "Islamic Terrorism": Is There a Christian Response? Grove Ethics Series E139. Cambridge: Grove, 2005.
- Clouser, Roy. *The Myth of Religious Neutrality: An Essay on the Hidden Role of Religious Belief in Theories*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1991.
- Colson, Charles and Nancy Pearcey. *How Now Shall We Live?* Wheaton: Tyndale, 1999.
- Dawson, Christopher. *Religion and the Rise of Western Culture*. New York: Image, 1958.
- Descartes, René. *Discourse on Method*. 3rd ed. Trans. Donald A. Cress. Indianapolis: Hackett, 1993.
- Dilthey, Wilhelm. *Selected Writing*. Ed. and trans. H. P. Rickman. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Driver, John. *Understanding the Atonement for the Mission of the Church*. Scottsdale, PA: Herald, 1986.
- Dudley-Smith, T. *John Stott: A Global Ministry*. Leicester, UK: Inter-Varsity, 2001.
- Ellul, Jacques. *The Subversion of Christianity*. Trans. Geoffrey W. Bromiley. Grand Rapids: Eerdmans, 1986.
- d'Entreves, A. P. *Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. London: Hutchinson's University Library, 1951.

- Esposito, John L. *Unholy War: Terror in the Name of Islam*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Flemming, Dean. *Contextualization in the New Testament: Patterns for Theology and Mission*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 2005.
- Foucault, Michel. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. London: Tavistock, 1970.
- Gay, Peter. *Enlightenment: An Interpretation*. 2 vols. New York: Knopf, 1966–1969.
- Gergen, Kenneth J. *The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life*. New York: Basic Books, 1991.
- Giamatti, Bartlett A. *Take Time for Paradise: Americans and Their Games*. New York: Summit Books, 1989.
- Gilbert, Alan D. *The Making of Post-Christian Britain: A History of the Secularization of Modern Society*. London: Longman, 1980.
- Goodwin, William. *Enquiry Concerning Political Justice and Its Influence on Morals and Happiness*. Toronto: University of Toronto Press, 1946.
- Goudzwaard, Bob. *Aid for the Overdeveloped West*. Toronto: Wedge, 1975.
- _____. *Capitalism and Progress: A Diagnosis of Western Society*. Trans. and ed. Josina Van Nuis Zylstra. Toronto: Wedge; Grand Rapids: Eerdmans, 1979.
- Guardini, Romano. *The World and the Person*. Trans. Stella Lange. Chicago: Henry Regnery, 1965.
- Gunder, Darrell. *Missional Church: A Vision for the Sending of the Church in North America*. The Gospel and Our Culture. Grand Rapids: Eerdmans, 1998.
- Gunton, Colin. *Christ and Creation*. Eugene, OR: Wipf & Stock, 2005.
- Harvey, David. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell, 1990.
- Hazard, Paul. *European Thought in the Eighteenth Century: From Montesquieu to Lessing*. Trans. J. Lewis May. Cleveland: World Publishing, 1963.
- Heimann, Eduard. *History of Economic Doctrines: An Introduction to Economic Theory*. London: Oxford University Press, 1945.
- Henry, Carl F. H. *God, Revelation, and Authority*. 5 vol. Waco: World, 1982.
- _____. *The Uneasy Conscience of Modern Fundamentalism*. Grand Rapids: Eerdmans, 2003.
- Heslam, Peter. *Creating a Christian Worldview: Abraham Kuyper's Lectures on Calvinism*. Grand Rapids: Eerdmans, 1998.

- _____. *Globalization: Unravelling the New Capitalism*. Grove Ethics Series E125. Cambridge: Grove, 2002.
- Holmes, Arthur F. *Contours of a World View*. Studies in a Christian World View 1. Grand Rapids: Eerdmans, 1983.
- Huizinga, Johan. *Men and Ideas: History, the Middle Ages, the Renaissance*. Trans. James S. Holms and Hans van Marle. New York: Harper & Row, 1970.
- Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.
- Jenkins, Philip. *The New Faces of Christianity: Believing the Bible in the Global South*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- _____. *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Jung, Carl. *Modern Man in Search of a Soul*. New York: Harcourt and Brace, 1933.
- Kraemer, Hendrik. *The Communication of the Christian Faith*. Philadelphia: Westminster, 1956.
- Küng, Hans. *Christianity: The Religious Situation of Our Time*. Trans. John Bowden. London: SCM, 1995.
- Kuyper, Abraham. *Lectures on Calvinism*. Grand Rapids: Eerdmans, 1931.
- _____. *Principles of Sacred Theology*. Trans. J. Hendrick de Vries. Grand Rapids: Baker Academic, 1980.
- Lamont, Corliss. *The Philosophy of Humanism*, 8th ed. Amherst, NY: Humanist Press, 1997.
- Lawrence, David. *Heaven: It's Not the End of the World! The Biblical Promise of a New Earth*. London: Scripture Union, 1995.
- Lewis, Bernard. *The Crisis of Islam: Holy War and Terror*. New York: Random House, 2004.
- Lewis, C. S. *An Experiment in Criticism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1961.
- _____. *Mere Christianity*. New York: Macmillan, 1952.
- Lyon, David. *Postmodernity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
- MacIntyre, Alasdair. *Whose Justice? Which Rationality?* Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1988.
- Malik, Charles Habib. *A Christian Critique of the University. Pascal Lectures on Christianity and the University*. Downer Grove, IL: InterVarsity, 1982.

- Marsden, George M. *The Outrageous Idea of Christian Scholarship*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Merton, Thomas. *Contemplative Prayer*. London: Darton, Longman & Todd, 1969.
- Milne, Bruce. *Know the Truth: A Handbook of Christian Belief*. Leicester, UK: Inter-Varsity, 1984.
- Monsma, Stephen et al. *Responsible Technology: A Christian Perspective*. Grand Rapids: Eerdmans, 1986.
- Mouw, Richard. *The smell of Sawdust: What Evangelicals Can Learn from Their Fundamentalist Heritage*. Grand Rapids: Zondervan, 2000.
- Naugle, David. *Worldview: The History of a Concept*. Grand Rapids: Eerdmans, 2002.
- Newbigin, Lesslie. *Foolishness to the Greeks: The Gospel and Western Culture*. Grand Rapids: Eerdmans, 1986.
- _____. *The Gospel in a Pluralist Society*. Grand Rapids: Eerdmans, 1989.
- _____. *Household of God: Lectures on the Nature of the Church*. New York: Friendship Press, 1954.
- _____. *Journey into Joy*. Grand Rapids: Eerdmans, 1972.
- _____. *The Other Side of 1984: Questions for the Churches*. Geneva: World Council of Churches, 1983.
- _____. *Priorities for a New Decade*. Birmingham: National Student Christian Press and Resource Centre, 1980.
- _____. *Sign of the Kingdom*. Grand Rapids: Eerdmans, 1980.
- _____. *Truth to Tell: The Gospel as Public Truth*. Grand Rapids: Eerdmans, 1991.
- _____. *A World in Season: Perspectives on Christian World Mission*. Grand Rapids: Eerdmans, 1994.
- Newman, John Henry. *The Idea of a University*. London: Longmans, Green, 1923.
- Niebuhr, Richard H. *Christ and Culture*. New York: Harper, 1951.
- Nietzsche, Friedrich. *The Gay Science*. Trans. and ed. Walter Kaufmann. New York: Vintage, 1974.
- O'Donovan. *The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Orr, James. *The Christian View of God and the World*. Grand Rapids: Eerdmans, 1947.

- Osborn, Lawrence. *Restoring the Vision: The Gospel and Modern Culture*. London: Mowbray, 1995.
- Pahl, Jon. *Shopping Malls and Other Sacred Spaces: Putting God in Place*. Grand Rapids: Brazos, 2003.
- Pearcey, Nancy. *Total Truth: Liberating Christianity from Its Cultural Captivity*. Wheaton: Crossway, 2004.
- Perry, Marvin et al. *Western Civilization: Ideas, Politics, and Society*, 5th ed. Boston: Houghton Mifflin, 1996.
- Peterson, Eugene. *A Long Obedience in the Same Direction: Discipleship in a Instant Society*, 2nd ed. Downer Grove, IL: InterVarsity, 2000.
- Plantinga, Cornelius Jr. *Not the Way It's Supposed to Be: A Breviary of Sin*. Grand Rapids: Eerdmans, 1995.
- Polanyi, Michael. *Personal Knowledge: Toward a Post-critical Philosophy*. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
- Postman, Neil. *The End of Education: Redefining the Value of School*. New York: Vintage Books, 1995.
- Pounds, Norman J. G. *An Historical Geography of Europe, 1800-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Qadir, Abdul Chaudhry. *Philosophy and Science in the Islamic World*. London: Croom Helm, 1988.
- von Rad, Gerhard. *Genesis: A Commentary*. Trans. John H. Marks. Philadelphia: Westminster, 1961.
- . *Wisdom in Israel*. Trans. James D. Martin. Nashville: Abingdon, 1972.
- Randall, John Herman. *The Making of the Modern Mind*. Cambridge, MA: Riverside, 1940.
- Riddell, Peter G. and Peter Cotterell. *Islam in the Context: Past, Present, and Future*. Grand Rapids: Baker Academic, 2003.
- Ridderbos, Herman. *The Coming of the Kingdom*. Ed. Raymond O. Zorn, trans. H. de Jongste. Philadelphia: Presbyterian & Reformed, 1975.
- Rookmaker, Hans R. *Art Needs No Justification*. Downer Grove, IL: InterVarsity, 1978.
- Rorty, Richard. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Oxford: Blackwell, 1980.
- Ross, J. B. and M. M. McLaughlin, eds. *The Portable Renaissance*. New York: Penguin, 1977.
- Ryken, Leland. *Culture in Christian Perspective: A Door to Understanding and Enjoying the Arts*. Portland, OR: Multnomah, 1986.

- Schaeffer, Francis A. *The Complete Works of Francis A. Schaeffer: A Christian Worldview*, 2nd ed., 5 vols. Wheaton: Crossway, 1982.
- _____. *Escape from Reason: A Penetrating Analysis of Trends in Modern Thought*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1968.
- Schmemmann, Alexandr. *For the Life of the World: Sacraments and Orthodoxy*, 2nd ed. Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1973.
- Shiel, James. *Greek Thought and the Rise of Christianity, Problem and Perspectives in History*. New York: Barnes & Noble, 1968.
- Sire, James W. *How to Read Slowly: Reading for Comprehension*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1978.
- _____. *The Universe Next Door: A Basic Worldview Catalog*, 4th ed. Downers Grove, IL: InterVarsity, 2004.
- Slater, Don. *Consumer Culture and Modernity*. Oxford: Polity, 1997.
- Spykman, Gordon. *Reformational Theology: A New Paradigm for Doing Dogmatics*. Grand Rapids: Eerdmans, 1992.
- van Steenberghen, Fernand. *Aristotle in the West: The Origin of Latin Aristotelianism*. Trans. Leonard Johnson. Louvain: E. Nauwelaerts, 1955.
- Stiglitz, Joseph E. *Making Globalization Work*. New York: Norton, 2006.
- Stott, John R. W. *Christian Mission in the Modern World*. London: Falcon, 1975.
- _____. *New Issues Facing Christians Today*. London: Marshall Pickering, 1999.
- Stronks, Gloria and Doug Blomberg. *A Vision with a Task: Christian Schooling for Responsive Discipleship*. Grand Rapids: Baker Academic, 1993.
- Tarnas, Richard. *The Passion of the Western Mind: Understanding the Ideas That Have Shaped Our World View*. New York: Ballantine, 1993.
- Thielicke, Helmut. *Life Can Begin Again: Sermons on the Sermon on the Mount*. Trans. John W. Doberstein. Philadelphia: Fortress, 1963.
- Thiessen, Elmer J. *Teaching for Commitment: Liberal Education, Indoctrination, and Christian Nurture*. Montreal: McGill's-Queens University Press, 1993.
- Tillich, Paul. *Perspectives on 19th and 20th Century Protestant Theology*. Ed. Carl E. Braaten. London: SCM, 1967.
- _____. *Theology of Culture*. Ed. Robert C. Kimball. New York: Oxford University Press, 1964.
- Vollenhoven, Dirk H. *The Problem-Historical Method and the History of Philosophy*. Ed. Kornelis A. Brill. Amstelveen: De Zaak Haes, 2005.

- Walker, Andrew. *Telling the Story: Gospel, Mission, and Culture*. London: SPCK, 1996.
- Walsh, Brian. *Who Turned out the Lights? The Light of the Gospel in a Post-Enlightenment Culture*. Toronto: Institute for Christian Studies, 1989.
- Walsh, Brian J. and Richard J. Middleton. *The Transforming Vision: Shaping a Christian World View*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1984.
- Wells, David. *God in the Wasteland: The Reality of Truth in a World of Fading Dreams*. Grand Rapids: Eerdmans, 1994.
- Wells, Ronald A. *History through the Eyes of Faith: Western Civilization and the Kingdom of God*. San Francisco: Harper & Row, 1989.
- Wildiers, Max. *The Theologian and His Universe: Theology and Cosmology from the Middle Ages to the Present*. Trans. Paul Dunphy. New York: Seabury, 1982.
- Wolters, Albert M. *Creation Regained: Biblical Basics for a Reformational World-view*. Grand Rapids: Eerdmans, 1985.
- Wolterstorff, Nicholas. *Educating for Responsible Action*. Grand Rapids: CSI Publications; Eerdmans, 1980.
- _____. *Educating for Shalom: Essays on Higher Education*. Ed. Clarence W. Joldersma and Gloria Goris Stronks. Grand Rapids: Eerdmans, 2004.
- Wright, Christopher J. H. *The Mission of God: Unlocking the Bible's Grand Narrative*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 2006.
- Wright, N. T. *Jesus and the Victory of God*. London: SPCK, 1996.
- _____. *New Tasks for a Renewed Church*. London: Hodder & Stoughton, 1992.
- _____. *The New Testament and the People of God*. London: SPCK, 1992.
- Wright, Ronald. *A Short History of Progress*. CBC Massey Lecture Series. Toronto: House of Anansi Press, 1994.

Библейский указатель

Бытие

1 — 57, 60, 246
1, 3 — 134
1, 26 — 69
1, 26-28 — 196, 225
1, 27 — 71
1, 28 — 68·72
1, 31 — 66
2, 15 — 73
2, 16-17 — 70
2, 18 — 71
3 — 56
3, 8, 23-24 — 75
3, 16 — 75
3, 17 — 75
4, 8 — 75
4, 21-22 — 230
4, 23 — 76
6, 5-7 — 76
8, 21 — 76

Исход

1 — 221
1, 17-22 — 222
19, 3-6 — 93

Второзаконие

17, 14-20 — 220
25, 13-15 — 215
30, 15-19 — 78
30, 15-20 — 64

Иисус Навин

10, 11-13 — 136

1 Царств

8, 12 — 220

Псалтырь

32, 6 — 61
50, 6 — 76
72, 25 — 9
103, 5 — 135
147, 4 — 128
147, 4-7 — 61
147, 7 — 62
148, 8 — 62
150 — 230

Притчи

1, 7 — 216
31, 16 — 216
31, 18.24 — 216
31, 30 — 216

Екклесиаст

1, 4-5 — 135
3, 11 — 45

Исаия

42, 1 — 91
42, 8 — 159

Иеремии

7, 19 — 77
36, 24-38 — 91

Иоиль

2, 28-32 — 91

Амос

5, 7-15 — 88
8, 4-6 — 216

Михея

6, 10-11 — 216

Матфея

5, 13-16 — 213
13, 1-9 — 208
13, 24-30 — 95, 208
28, 18-20 — 92

Марка

1, 14-15 — 19
4, 35-41 — 89

Луки

1, 26-38 — 130
23:43 — 86

Иоанна

1, 1 — 203
1, 4-9 — 134
1, 14 — 105, 203
12, 31-33 — 90
13-17 — 254
14, 9-11 — 55
14, 16-18 — 56
14-17 — 96
14, 27 — 256
15, 1-11 — 254
15, 11 — 256
15, 18-25 — 95

16, 20-24 – 256	13, 1-7 – 7, 220	1 Тимофею
16, 33 – 256	13, 4 – 221	4, 1-5 – 67
17, 13 – 256		4, 3-4 – 66
17, 13-18 – 196	1 Коринфянам	
17, 18 – 20, 21	1, 18 – 27, 81	2 Тимофею
20, 21 – 20, 92, 253	2, 4-5 – 81	3, 12 – 210
	3, 10-15 – 257	3, 15-16 – 239
Деяния	3, 12-15 – 229	
1, 8 – 256	12, 3 – 55	Евреям
2, 14-21 – 91	15 – 86	11, 3 – 61
2, 42-47 – 96	15, 58 – 256	13, 8 – 31
3, 21 – 87		
4, 32-35 – 96	2 Коринфянам	Откровение
14, 22 – 210	1, 22 – 91	4-5 – 189
17 – 59	3, 18 – 191	7, 7-12 – 90
17, 28 – 58	5, 5 – 91	14, 13 – 257
		17, 18 – 216
Иакова	Ефесянам	18, 13 – 216
1, 14-26 – 191	1, 9-10 – 87	21 – 139
1, 18 – 93	1, 14 – 91	21, 5 – 87
	1, 15-23 – 64	21, 26 – 257
1 Петра	3, 18 – 10	21, 24-26 – 68
2, 5-9 – 93		
2, 13 – 66	Филиппийцам	
	1, 9-11 – 64	
2 Петра	2, 9-11 – 91	
3, 5-7 – 61	4, 8 – 235	
	21, 24 – 235	
Римлянам		
1, 16 – 27, 81	Колоссянам	
1, 25 – 76	1, 9-12 – 64	
8, 20.22 – 80	1, 15-20 – 189	
8, 23 – 92	1, 19-20 – 87	
10, 9 – 55	2, 6-7 – 254	
12, 2 – 197, 236	2, 15 – 90	
12, 14-21 – 220		
13 – 221		

Содержание

Предисловие	7
<i>Наши свидетельства . . . . .</i>	7
<i>Чему мы научились . . . . .</i>	10
<i>О книге. . . . .</i>	12
<i>Благодарность . . . . .</i>	15
Глава 1	
Евангелие, история, мировоззрение и задача церкви	17
<i>Истинная история мира . . . . .</i>	18
<i>Выбор истории. . . . .</i>	21
<i>Задача церкви. . . . .</i>	22
<i>На перекрестке двух историй . . . . .</i>	23
<i>Миссионерская встреча или компромисс? . . . . .</i>	26
<i>Освобождение евангелия для миссионерской встречи. <i>Роль мировоззрения. . . . .</i></i>	27
Глава 2	
Что такое мировоззрение?.	29
<i>Краткая история понятия мировоззрения . . . . .</i>	29
<i>Предназначение мировоззрения в христианской мысли. . . . .</i>	33
<i>Критика христианского мировоззрения . . . . .</i>	41
Возражение №1:	
Подход мировоззрения рационализирует евангелие.	41
Возражение №2:	
Подход мировоззрения релятивизирует евангелие	43
Возражение №3:	
Подход мировоззрения отходит от Писания	44
Возражение №4:	
Подход мировоззрения заменяет надежду на возвращение Иисуса	45
Возражение №5:	
Подход мировоззрения пренебрегает бедными	45
<i>Рабочее определение мировоззрения . . . . .</i>	46
<i>Связь между Писанием и мировоззрением. . . . .</i>	51
<i>Почему и как мы должны выходить за рамки Писания?</i>	
<i>Миссионерское повеление. . . . .</i>	52

Глава 3

Библейское мировоззрение. Творение и грех	57
<i>Иисус Христос, библейская история и мировоззрение . . . . .</i>	<i>57</i>
<i>Творение. Мир, каким его задумал Бог . . . . .</i>	<i>58</i>
<i>Бог Творец. . . . .</i>	<i>59</i>
<i>Мир как Божье благое и упорядоченное творение . . . . .</i>	<i>62</i>
Упорядоченное творение.	62
Весьма хорошее творение.	68
Историческое творение.	70
<i>Роль людей в Божьем творении . . . . .</i>	<i>71</i>
Человечество как Божий образ	71
Задача человечества. Мандат творения	74
Настоящий Шалом	75
<i>Грех. Разложение благого творения . . . . .</i>	<i>76</i>
Предательство в саду и его последствия	76
«Тебе, Тебе единому согрешил я»	78
И ты понесешь наказание за свое идолопоклонство	79
Связь греха и творения	81
<i>Масштаб греха. . . . .</i>	<i>82</i>
<i>Заключение. . . . .</i>	<i>83</i>

Глава 4

Библейское мировоззрение. Восстановление	85
<i>Спасение – история полного восстановления творения . . . . .</i>	<i>85</i>
<i>Искупление последовательно . . . . .</i>	<i>85</i>
<i>Искупление восстанавливает. . . . .</i>	<i>86</i>
<i>Искупление всеобъемлющее. . . . .</i>	<i>89</i>
<i>Последовательное раскрытие Божьего полного восстановления. . . . .</i>	<i>89</i>
Задачей ветхозаветного Израиля было олицетворение полного восстановления	89
Провозглашение Божьего царства Иисусом знаменует полное восстановление.	90
Полное восстановление совершено в смерти Иисуса и ознаменовалось в его воскресении	91
Полное восстановление, данное прославленным Христом в Духе	92
<i>Миссия церкви – провозглашение полного восстановления . . . . .</i>	<i>94</i>
Миссия церкви уполномочена Иисусом.	94
Царство и церковь.	95
Миссия как причина отсрочки царства	96

Необходимость в здоровой общине и живой духовности	98
<i>Взаимосвязь творения, греха и восстановления</i>	99
Природа и благодать	99
Творение, грех и восстановление.	
Три линзы библейского мировоззрения	100
Опасность дуализма	102
<i>Осуществление. Завершение восстановления.</i>	103
<i>Царство Божье как восстановление творения</i>	104
<i>Включение Благой Вести в западную культуру</i>	105
Глава 5	
Западная история. Истоки модернизма	107
<i>Кредо гуманизма:</i>	
«Не должны ли мы сами обратиться в богов?»	107
<i>Христианская история</i>	
<i>и историческое развитие модернизма.</i>	110
<i>Как мы рассказываем историю?</i>	111
<i>Корни западного мировоззрения.</i>	
<i>Греко-римское язычество (VI век до н. э. – XV век н. э.)</i>	113
<i>Корни западного мировоззрения. Евангелие.</i>	117
<i>Ранний средневековый синтез.</i>	
<i>Евангелие и неоплатонизм (V–X вв.)</i>	119
<i>Поздний средневековый синтез. «Платонизированное»</i>	
<i>христианство и Аристотель (XI–XIII вв.)</i>	121
Глава 6	
Западная история. Развитие модернизма	127
<i>Ренессанс. Возрождение гуманизма (XV–XVI вв.)</i>	127
<i>Реформация. «Осолоение» и секуляризация (XVI век)</i>	131
<i>Научная революция.</i>	
<i>Наука и развитие модернизма (XVI–XVII вв.)</i>	134
Два взгляда на науку: христианский и гуманистический	134
Триумф гуманизма – почему?	137
<i>Просвещение. Обращение Запада к новой вере (XVIII век)</i>	140
Вера в прогресс	140
Вера в разум	142
Вера в технологию	142
Вера в рационально упорядоченный общественный порядок	143
Конфликт между верой Просвещения и евангелием	147

<i>Век революции. Введение общества в согласованность с верой Просвещения (XIX–XX вв.)</i>	149
<i>Либеральная и марксистская истории прогресса.</i>	152
<i>Влияние романтизма (XIX век)</i>	154
<i>Поздний модернизм. Достижения и спад либерального гуманизма (XX–XXI вв.)</i>	156

Глава 7

В какое время мы живем?

<i>Характерные черты современного Запада.</i>	163
<i>Признак 1. Постмодернизм</i>	165
Что такое постмодернизм?	165
Христианский ответ на постмодернизм	168
<i>Признак 2: Потребительство и глобализация</i>	172
Потребительство.	172
Экономическая глобализация	175
<i>Признак 3: Ренессанс христианства</i>	180
<i>Признак 4: Возрождение ислама</i>	183
<i>Заключение.</i>	189

Глава 8

Жизнь на перепутье. Сознательное свидетельство. 191

<i>Всесторонний взгляд на взаимодействие с обществом</i>	191
<i>Миссиологический ракурс</i>	194
<i>Некоторые примеры.</i>	195
<i>«В мире, но не от мира». Активное участие</i>	198
<i>«Невыносимое напряжение».</i>	199
<i>Неправильные способы разрешения напряжения</i>	201
<i>Правильный подход</i>	202
<i>Новозаветные примеры контекстуализации</i>	204
<i>Распознавание схемы «творение, грех и исцеление».</i>	205
<i>Возможные искажения и ответы на них.</i>	207
Общинное свидетельство	207
Милосердное свидетельство	209
Сострадающее свидетельство	210
Верное свидетельство	212
<i>Соль, свет и город на горе.</i>	214

Глава 9	
Жизнь на перепутье. Практические примеры.	217
<i>Бизнес</i>	217
<i>Политика</i>	221
<i>Спорт</i>	226
<i>Искусство и творчество</i>	231
<i>Мир науки</i>	237
<i>Образование</i>	243
Пасторский эпилог	255
Библиография	261
Библейский указатель	271

Науково-популярне видання

Гохін Майкл, Бартоломью Крейг
Життя на роздоріжжі
(російською мовою)

Перекладач *Ольга Курат*
Головний редактор *Олександр Буковецький*
Верстка *Ярослав Тимонько*
Дизайн обкладинки *Тарас Беденко*

Підписано до друку 08.06.10. Формат 60х90/16.
Папір офсетний. Друк офс. Гарнітура Garamond.
Ум. друк. арк. 46. Тираж 1 000 прим.

Видавництво "Колоквіум"
а/с 63, м. Черкаси, 18000.
Тел. (0472) 71 25 16
E-mail: main@colbooks.org
www.colbooks.org

Свідоцтво про внесення до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК №2331 від 3.11.2005 р.

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у ТОВ «Фактор-Друк»
61030, Харків, вул. Саратовська, 51, зам.4405

В настоящей работе, продолжающую вышедшую недавно книгу «Драма Писания», вниманию читателя предлагается краткая история западной культуры с классического периода до эпохи постмодернизма. Авторы рассматривают вопросы, связанные с христианским мировоззрением и неизбежностью жизни на пересечении двух историй: библейской и светской. Заключительные главы посвящены практическому применению в области искусства, образования, науки, спорта, а также на политической арене. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Знание собственной истории почти не менее важно, чем знание цели, к которой стремится человек. Гохин и Бартоломью отправляют читателя к самым корням современного западного мировоззрения, проливая свет на многие современные события, культурные и нравственные устои. Вместе с этим авторы так же скрупулезно изучают мировоззрение библейское, позволяющее взглянуть на мир и на все мироустройство в божественном, если можно так сказать, ракурсе. Поставив рядом эти два мировоззрения, авторы приглашают читателя сравнить их и увидеть, что между ними существует явная дисгармония. Какую историю выберет для себя христианин? По какой стрелке отправится с перепутья? Кроме теории, в книге содержится множество практических размышлений, актуальных в наше время, для современного читателя, и авторы не оставляют последнего в темноте. Если читатель последует советам Гохина и Бартоломью, он встанет на нелегкий путь воплощения миссии Бога миру в личной жизни. И тем не менее это благодатный путь, так как вместе с терниями, он полон живой надежды.

Кристофер Райт

*директор Международного партнерства Лэнгэма
автор книги «Око за око. Этика Ветхого Завета»*

Майкл Гохин преподает мировоззрение и религию в Университете «Тринити Вестерн», а также несет служение проповедника в Нью-Вестминстерской христианской реформатской церкви. Крейг Бартоломью преподает на кафедре религии и богословия Университетского колледжа «Редимер».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОЛЛОКВИУМ

ISBN 978-966-8957-16-1

9 789668 957161